история/география/этнография

Александр Куланов

Обнаженная Япония

Обнаженная Япония
Александр Куланов

Александр Куланов

Обнаженная Япония

Сексуальные традиции Страны солнечного корня

Любимым городам — Токио и Кавасаки —
посвящается

Предисловие

Японский секс достаточно многообразен.
Из книги «Эти странные японцы»

Япония... Страна романтических грез миллионов людей со всех концов земного шара. С тех пор как она открылась взорам европейцев, о ней слагали мифы и легенды, рассказывая о необыкновенных запасах золота, о диковинных зверях, о странных обычаях, о самураях — идеале мужественности — и о гейшах — эталоне женственности. Со временем люди узнали, что ни золотых слитков, ни удивительных зверей в Японии нет. Остались только гейши и самураи. Но оказалось, что и этого вполне достаточно, чтобы на протяжении сотен лет тревожить воображение жителей планеты, ищущих идеала во всем. Прежде всего в личной жизни.

Путешественники, первыми побывавшие в Японии, всегда рассказывали

не только о природе, политическом устройстве и состоянии обороны этой земли, но и (далеко не в последнюю очередь!) о странных привычках японцев в интимной сфере — настолько они были удивительны. Гейши, куртизанки-дзёро, монахи-гомосексуалисты и эротические гравюры-сюнга всегда ужасали и восхищали европейцев. И если в XVI веке христианский Запад уверенно знал, что язычники-японцы начисто лишены стыда и их надо «перековывать», заставляя вернуться в рамки христианской морали, то ближе к веку XX у европейцев появились большие сомнения в собственной правоте — слишком уж заманчиво выглядели так и не перековавшиеся до конца японские «развратники» и «развратницы».

С того времени сердца белых иностранцев не могли биться спокойно при слове «Япония». Самонадеянные и уверенные в том, что их шкала ценностей может быть единственно верной, они решили, что скоро тайны интимной сферы японской жизни раскроются перед ними и они изменят эту жизнь так же легко, как изменили внешний вид японцев, переодев их в европейские костюмы и платья. Подгоняемые желанием, тщеславные «рыжие варвары» открывали эпоху сладострастных описаний японских сексуальных нравов в журналах путешествий, в восторженных романах о гейшах и научных исследованиях эротической культуры, восторгаясь этими нравами и осуждая их одновременно.

Уже очень скоро стало ясно, что в рамки обычных представлений об эротике, пусть даже и восточной, японские реалии не вписываются. Оказалось, например, что японцы гораздо охотнее говорят о сексе, чем занимаются им. Отношения между мужчинами и женщинами выглядели простыми и естественными, но на самом деле были запутанны и сложны. Причем чем больше европейцы пытались в этом разобраться, тем сложнее им становилось докопаться до истины. Японская эротическая культура оказалась древней, многомерной и при этом никогда не стояла на месте, ускользая от понимания. Здравомыслящие суждения и научный анализ легко вытесняли яркие, любимые охочим до сальностей западным народом легенды, в которых гейши и проститутки стали одним целым, а роль мужчины в семейной жизни ограничивалась готовностью в любой момент совершить харакири.

Прошли десятилетия, и Япония не просто стала одной из самых развитых стран мира, но и шагнула далеко вперед, так и не перестав быть непонятной и таинственной. В остальном мире отшумела сексуальная революция, о вопросах семьи и брака стали говорить уже совсем без всякого стеснения, и тут вдруг оказалось, что японцы, о которых начали подзабывать, научились обсуждать, рисовать и снимать *это* едва ли не лучше всех. Наконец-то японское общество раскрыло для всех желающих тайны своей интимной жизни, но... понятней от этого она все равно не стала. Шок, в который на протяжении уже нескольких сотен лет повергали иностранцев особенности японского национального секса, стал еще глубже. Выяснилось, что даже знаменитые гейши и таинственные сюнга — сущая ерунда по сравнению с тем, чем японцы занимаются сейчас. Анимационные фильмы, при показе которых, кажется, краснеет даже экран, салоны с изощренными приспособлениями для «извращенцев», «отели любви», странные семейные отношения — все это, бесстыдно открытое чужому взору, не только в очередной раз привело европейцев в глубокий ужас, но и опять заставило воспылать желанием к японкам и японцам, которые явно имели право на титул «Самых сексуальных существ во Вселенной».

Интернет, глобализация, подростковая сексуальная революция довели вожделение белых до предела. Вот уже и русские девушки-журналистки пишут о том, что даже на карте Японские острова представляются им гигантским изогнутым фаллосом и они не находят в себе сил сопротивляться «зову любви», готовые отдаться встреченному в Москве японцу. Прыщавые юноши-юзеры не в состоянии скрыть возбуждения при виде большеглазых девчушек «а-ля Сэйлормун», не менее прыщавые юзеры-девушки меняют свою сексуальную ориентацию по примеру тех же героинь, взрослые мужчины шарят мышкой по всемирной Сети в надежде увидеть фото утонченных японских проституток, а зрелые женщины мечтают о неутомимых и щедрых любовниках из самурайского рода. И даже буквальный перевод названия страны — иероглифов «Нихон» — стал звучать как-то эротично: «Страна корня солнца», «Страна солнечного корня».

Впрочем, это — лишь эффект возвращения к истокам: в 1926 году русский писатель Борис Пильняк написал замечательную книгу — «Корни японского солнца». Эротическим корням он посвятил едва ли не самые вдохновенные строки и честно признавался, что японская культура секса стала мощнейшим потрясением для него:

«Философия пола у всех народов упирается в метафизику, — и никогда не забуду я фарфоровой тишины рассвета в деревне, на Синею. В этот фарфоровый рассвет, без шпика, один-одинешенек, должно быть, единственный раз так, в кимоно, я вышел со двора крестьянского дома и пошел в горы. Я писал уже об этом: там, на горе, я увидел храм, в стороне от храма сидел мальчик, — а в чаще деревьев около храма стояла на коленях женщина, женщина обнимала клиноподобное каменное изваяние, лицо ее было восторженно. Я увидел таинственнейшее, такое, что редко удается увидеть даже японцам, — я видел, как женщина поклонялась фаллосу, — видел таинственнейшее, что есть в природе человека.

...Тогда, в тот рассвет, я смотрел на эту женщину, одетую в кимоно, перепоясанную оби, с рудиментами крылышек бабочки на спине, обутую в деревянные скамеечки, — и тогда мне стало ясно, что тысячелетия мира мужской культуры совершенно перевоспитали женщину, не только психологически и в быте, но даже антропологически: даже антропологически тип японской женщины весь в мягкости, в покорности, в красивости, — в медленных движениях и застенчивости, — этот тип женщины, похожей на мотылек красками, на кролика движениями. — Даже жены профессоров, европейски образованных людей, встречали меня на коленях. — Онна дайгаку — великое поучение для женщин — японский домострой — учит навсегда подчиняться отцу, мужу, сыну, — никогда не ревновать, никогда не перечить, никогда не упрекать. И в каждой лавочке продаются три обезьяны, символ женской добродетели: обезьяна, заткнувшая уши; обезьяна, закрывшая глаза; обезьяна, зажавшая рот. Так решили философию пола — буддизм, феодализм, восток, — и эта философия пола жива до сих пор»[1].

Что сказал бы Пильняк, знай он о том, что обезьян на самом деле не три, а пять: четвертая зажимает рукой перед,

а пятая — зад? Но в те времена «лишних» двух обезьянок еще стеснялись, как тринадцатого подвига Геракла.

Зато сегодня процент эротики в любви к Японии зашкалил все разумные отметки. Даже раскрепощенные лидеры европейских секс-движений смутились: уж очень свободными в своих желаниях многим из них показались лидеры мировой сексуальной моды. Ревнители христианской морали поддержали: японцы — извращенцы, однозначно! Они несчастные люди, у них нет секса в семье, они ходят к проституткам, которых подвешивают к потолку и стегают плетками! Иностранцы, жившие в Японии, одобрили: конечно, извращенцы. Японцы отправляются к хостесс — девушкам в барах, которые вызывающе одеты, сексуально выглядят, ведут с клиентами неприличные разговоры, и за все за это японцы им платят — вместо того чтобы с ними спать! Оказывается, у японского мужчины, как у султана, должно быть три женщины: одна — жена, чтобы вела хозяйство, вторая — проститутка, чтобы спать с ней, третья — гейша, чтобы разговаривать с ней. Как, вероятно, все они несчастны!

«Ну да, — усмехнулся живущий в этой стране русскоязычный знаток японских сексуальных нравов Сергей Грис. — Японцы — несчастливые люди, но об этом не знают. И живут себе счастливо по незнанию». Но еще сто лет назад одна японка пеняла иностранным миссионеркам: «Слово "любовь", в его иноземном смысле, было до сих пор незнакомо нашим девушкам. Долг, подчинение, доброта — вот какие качества ожидались от спутницы избранным для нее мужем, и в результате мы имели много счастливых, гармоничных браков. Теперь вы, дорогие сентиментальные иностранки, говорите нашим девушкам: "Выходить замуж без любви дурно; в этом случае послушание воле родителей есть грубое нарушение природных и христианских законов. Если вы любите человека, то должны пожертвовать всем, но выйти за него замуж"». Значит... все наоборот — японцы счастливы, а мы дураки?

Но если японцы знают, как быть счастливыми, то, вероятно, и нам можно? Снова погонимся за «японским чудом»? С машинами не вышло, так хоть в сексе перегоним? Но как? И надо ли? Наконец, чтобы ответить самому себе на вопросы

«что такое японский секс?» и «почему он такой?», я решил написать эту книгу. Но, прежде чем начать ее читать, должен предупредить вас о том, что не стоит этого делать, если вам не исполнилось хотя бы шестнадцать лет. Всему свое время.

И еще кое-что. Эта книга — о тайной жизни японского народа, внешние проявления которой тем не менее бросаются в глаза, как верхушка айсберга. Верхушка эта такова, что, увидев ее, многие раз и навсегда решают, что интимная жизнь японцев ненормальна по своей сути. Проблема же заключается в том, что никто не знает, что такое норма. Вернее, у каждого она своя, индивидуальная. Я писал эту книгу для россиян, понимая, что по своему мировоззрению они ближе к европейской этике с ее понятиями греха и извращений. Но японцы — не европейцы. Поэтому слово «извращение», когда мы говорим о японской сексуальной культуре, лучше брать в кавычки.

Я не стал описывать обыденные интимные отношения в японской семье, потому что с таким же успехом можно рассказывать об интимных отношениях в семье, скажем, польской, ограничившись лишь некоторыми статистическими данными. То, что для нас нормально, — сегодня за некоторым исключением нормально и для них тоже. «Нормальных» семей в Японии — большинство, «ненормальных» — значительно меньше. Из-за этого может показаться, что книга непропорционально много внимания уделяет рассказу о различных «извращениях». Но всего-навсего японская сексуальная палитра богаче красками.

Предвосхищая «критику» в свой адрес, скажу сразу, что это не значит, что я сам «извращенец» или что мне импонируют все виды сладострастных ухищрений, описанные в этой книге. Нет, автор лишь старался рассказать о самых распространенных из них в современной Японии. Прочитайте книгу, и вы убедитесь, что такой рассказ обоснован, выполнен не из желания эпатировать публику и многое из того, о чем говорится в книге, — не совсем то, что понимают под этими словами на Западе.

Я обошел стороной, ограничившись короткими комментариями, такие проблемы, как сексуальное насилие на работе или в семье, потому что считаю, что это более социологические темы, чем те, над которыми мы размышляли в этот раз. Точно так же, много рассуждая о «перверсиях», я

оставил в стороне копрофилию и зоофилию, хотя последняя в Японии непопулярна, а вот к услугам любителей первой есть специальные клубы, но не на всё даже у автора хватило моральных сил, да и совсем не это являлось основной целью написания «Обнаженной Японии».

Главной задачей при работе над этой книгой была попытка объяснить, что такое японская сексуальная традиция, откуда она взялась, как развивалась и к чему привела. Попытаться проанализировать проблемы, которые возникли или могут возникнуть в связи с особенностями японского отношения к сексу у самих японцев и во всем мире. Я отвел целую главу для описания растущей взаимной тяги японских мужчин и русских девушек — насущной, как мне кажется, проблеме двусторонних приватных отношений. Сделал небольшое приложение для фанатов «японского секса», которых все больше и больше в России, и по мере написания этого приложения я окончательно понял, что чаще всего они фанатеют от мифа.

Выполненная работа получилась во многом компилятивная, но по-иному и быть не могло — обширная историческая часть и анализ современных исследований и мнений на исследуемую тему этому способствовали. Для второго издания в книге исправлены некоторые ошибки и неточности и написана новая глава — о семейном и несемейном сексе современных японцев. Немало в книге и цитат из исторической и художественной литературы, прежде всего на русском языке. Причина этого проста: если цитаты убрать, получится разговор о сексе за столом на кухне, чего не хотелось бы, а иных свидетельств, кроме литературы, японская история эротики почти не оставила. Вдобавок вы узнаете, где прочитать о заинтересовавших вас нюансах подробнее.

Надеюсь, что в итоге автору все же удалось достичь желаемого. По крайней мере, я получил массу удовлетворения от этой работы. Желаю того же и вам и верю, что это только начало!

Александр Куланов

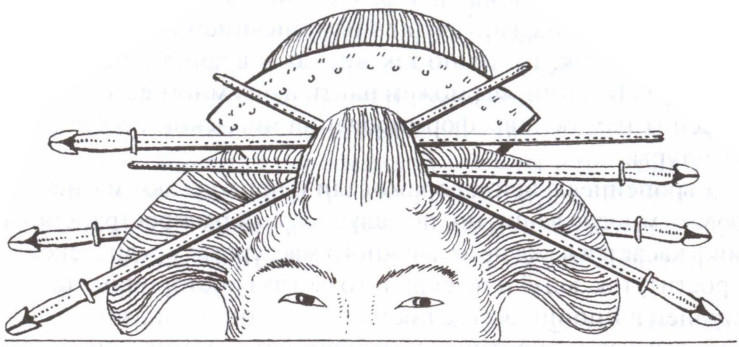
Эта книга была бы невозможна без исследований и помощи Кристины Белоглазовой, Елены Ватолиной, Натальи Величко, Сергея Гриса, Александра Долина, Андрея Ефанова, Игоря

Курая, Александра Мещерякова, Вадима Смоленского, Андрея Стрешнева, Юрия Тавровского, Натальи Устиновой, Андрея Фесюна, Натали Тикуси, Анастасии и Михаила Кальчевых, Ольги Васильевой и других россиян и многих наших японских друзей, пожелавших по понятным причинам остаться неизвестными.

Отдельная благодарность профессорам Э. В. Молодяковой и А. Н. Мещерякову за предоставленные материалы из личных коллекций сюнга, А. Н. Фесюну — за особенно подробное исследование Ёсивары, к которому отсылаем всех желающих узнать о жизни этого квартала любви подробнее.

Японские имена и фамилии приведены в книге по японскому образцу — сначала фамилия, потом имя — и в именительном падеже.

Глава 1
Страна божественного секса



Плотная подгонка

Точно так же, как почти любая европейская или, шире, христианская традиция может быть истолкована с опорой на канонические тексты Библии, а при невозможности — на неканонические, апокрифические Евангелия, так и большинство современных японских традиций, представлений о мире, нравственных основ и практических ценностей этого народа можно объяснить, ссылаясь на канонические тексты древней японской культуры синто: «Кодзики» («Записи о деяниях древности») и «Нихонги» («Анналы Японии»). Впрочем, и в самой Японии многие относятся к самому слову «синто» односторонне — по-европейски и по-американски. Эта исконно японская религия, японское язычество, была сильно скомпрометирована в эпоху милитаризма — в конце XIX — начале XX века, когда она отождествлялась с идеологической поддержкой военной политики. Хотя после официального отказа императора Сёва от титула «Живого бога» прошло более шестидесяти лет, многие японцы и неяпонцы до сих пор поворачиваются спиной ко всему, что связано

с синто. Эта тема не имела бы для нас никакого интереса (ведь наша книга совсем не о политике), если бы не одно «но»: по объему и качеству мировоззренческих догм «эпохи богов», когда закладывались все основные морально-нравственные ценности японцев и формировался их взгляд на мир, в том числе и на свой внутренний мир, эти две книги вполне можно назвать священным писанием японской культуры. А раз так, то, точно так же, как и в христианском Священном Писании, мы можем найти в них многое из того, что пояснит нам основы формирования японской сексуальной культуры.

Европейцев в ней завораживали и продолжают магнетизировать многие вещи, но, пожалуй, самый распространенный миф касается даже не загадочного мастерства средневековых проституток-юдзё и не скрытого от глаз посторонних (а иностранец в Японии всегда посторонний, он — гайдзин, то есть человек извне) эротического мастерства танцовщиц-гейш, а самого отношения японцев к сексу.

Именно это — отношение японского народа к сексу, которое в своем истинном качестве практически неизвестно за пределами Японии, где его заменяют мифы о сексуальности японцев, — и шокирует больше всего европейцев и американцев, приезжающих в эту страну и желающих своими глазами и прочими органами получения информации проверить справедливость легенды. Рассуждения о том, насколько сексуальны или нет современные японцы, еще впереди, но главный принцип отмечается наблюдателями сразу: местные жители не относятся к половой любви как к чему-то сакральному, в высшей мере вожделенному или сугубо интимному. Секс для японца — часть повседневной жизни, и часть далеко не самая важная, по крайней мере не определяющая сегодня его жизненный путь.

Европейского или американского обывателя, воспитанного на «культуре вины», на библейском мифе о змее-искусителе, где в одном названии сразу запечатлелись и ужас, смешанный с отвращением перед скользким гадом, и презрение к провокатору, на основополагающем для иудео-христианской морали понятии «плотского греха», такое отношение к сексу надолго выбивает из колеи, заставляя мучиться бес-

смысленным вопросом: «А нормальные ли люди эти японцы вообще?»

Интересно, что сами японцы, впервые соприкоснувшиеся с христианством довольно давно — в XVI веке, поначалу вовсе не обращали внимания на эту реакцию и на сексуальные запреты далекой для них библейской культуры. Лишь позже, в Новое время, отсчет которого довольно точно можно начинать с буржуазной революции 1868 года, они весьма рьяно принялись выполнять нравственные рекомендации христианства, усваивавшиеся в комплекте с набором западных новшеств вроде ношения европейской одежды или строительства линкоров. Но, как и многое в Японии, это была лишь видимость, картинка, которую японцы показывали иностранцам, чтобы не отличаться от полезных для страны проводников прогресса.

Многие исследователи сравнивают отношение японцев к сексу с отношением к выполнению физиологических функций организма, да и автору этой книги опрошенные молодые японцы чаще всего заявляли, что «секс — это что-то вроде чистки зубов, только значительно реже». На первый взгляд это удивительно, но лишь на первый взгляд. В соответствии с традиционными географическими и религиозно-мифологическими представлениями японцев сама их страна — результат не чего иного, как божественного соития высших сил, поистине она — Страна божественного секса.

Синто исходит из святости природы и богоугодности всего естественного, натурального, в том числе и плотской любви — почему бы и нет? Сами по себе синтоистские боги и богини просты и понятны, а их желания естественны. «Кодзики» и «Нихонги» недвусмысленно дают понять, что и устроены боги как люди, и активно используют разницу в строении своих тел, к взаимному удовольствию: влюбляются, сходятся, изменяют, отбивают возлюбленных — иногда близких родственников и родственниц, рожают острова, богов и людей. Греха, плотского греха, да и какого-либо другого в этом деле просто нет и быть не может! Именно поэтому разумеется, что бесчисленным поколениям японцев провозглашение дозволенности только супружеской любви, да к тому же только для продолжения рода, или иные ограничения сексуальной

жизни, принятые у европейцев, казались поистине варварскими, идущими против воли богов — ведь те занимались любовью не только плодотворно, но и почти без ограничений. Хотя кое-какие тонкости в этом деле существовали и в самые древние, легендарные времена. Чтобы разобраться, какие именно, стоит обратиться к истокам — к Первому свитку «Кодзики» — «Запискам о деяниях древности» (712 год н.э.): «Тут все небесные боги своим повелением двум богам Идзанаги-но микото и Идзанами-но микото: "Закончите дело с этой носящейся [по морским волнам] землей и превратите ее в твердь", молвив, драгоценное копье им пожаловав, так поручили.

Потому оба бога, ступив на Небесный Плавучий Мост, то драгоценное копье погрузили, и, вращая его, хлюп-хлюп — месили [морскую] воду, и когда вытащили [его], вода, капавшая с кончика копья, сгустившись, стала островом. Это Оногородзима — Сам Собой Сгустившийся остров»[2].

Этот абзац, рассказывающий о сотворении Японских островов, при желании легко можно истолковать в сексуальном контексте. Многие ученые так и делают: слишком уж говорящей кажется им фраза о драгоценном копье и падающих с его кончика каплях. Не исключено, что их предположения обоснованны, однако наберемся терпения. Тем более что профессиональные японоведы настроены куда скептичнее в этом вопросе и считают, что речь идет всего-навсего о неком драгоценном, богато украшенном волшебном копье небесного происхождения.

При известном воображении позицию первых разделить нетрудно: загадочные звуки «хлюп-хлюп» («кооро-кооро» в японском произношении), странное небесное копье, да еще богато украшенное, что само по себе уже наводит на мысль о сопоставлении с широко известным китайским образом «нефритового стержня», таинственные капли, порождающие жизнь... Сомнения в целесообразности такого подхода закрадываются, только когда читаешь «Кодзики» в целом: сексуальные сцены здесь не редкость, но изображены они значительно проще и примитивнее, как будто нарочно не оставляя простора ни для каких позднейших фантазий: «На этот остров [они] спустились с небес, воздвигли небесный столб,

возвели просторные покои. Тут спросил [Идзанаги] богиню Идзанами-но микото, свою младшую сестру: "Как устроено твое тело?"; и когда так спросил — "Мое тело росло-росло, а есть одно место, что так и не выросло", — ответила. Тут бог Идзанаги-но микото произнес: "Мое тело росло-росло, а есть одно место, что слишком выросло. Потому, думаю я, то место, что у меня на теле слишком выросло, вставить в то место, что у тебя на теле не выросло, и родить страну. Ну как, родим?" Когда так произнес, богиня Идзанами-но микото "Это [будет] хорошо!" — ответила».

Комментарии к этому фрагменту кажутся излишними — это классика японского эротического жанра. Здесь и описание тел богов — они человекоподобны, то есть понятны людям, здесь и мотивация инстинкта, до сих присущего японцам: раз есть, что и куда вставить, раз это не считается греховным (ведь греха нет!) и никак не наказывается, то почему бы и не вставить? Логичное продолжение в таком случае объясняет и быстрое охлаждение — после нескольких подобных «проверок», не сопровождаемых каким-либо чувством, кроме любопытства, происходит естественное переключение интереса на другие объекты и цели. Удовлетворение получено, тема закрыта. Но для христианской морали это шок: Землю создает не единый творец, а два божества. И не просто двое, а пара — супружеская пара, воспринимающая соитие не как нечто постыдное и греховное, а наоборот — как космическое созидание. «Это будет хорошо!» — говорят друг другу вдохновленные идеей совместного секса Идзанаги и Идзанами и соединяют впадинки и выпуклости, на радость потомкам. Можно ли представить себе реакцию на подобную сцену в Библии? Ответьте сами.

Возникает вопрос с употреблением термина «младшая сестра» (*яп.* имо), но в те времена он использовался и для обозначения жены, и для, собственно, сестры. Последовавшее затем хождение богов вокруг небесного столба, подробно описанное в хронике, символизировало совершение супружеского обряда и исчерпывающе говорит нам о намерениях божественной пары — человеческих, с точки зрения европейцев, божеских, по мнению японцев: «Тут бог Идзанаги-но микото произнес: "Если так, я и ты, обойдя вокруг этого

небесного столба, супружески соединимся", — так произнес. Так условившись, тут же: "Ты справа навстречу обходи, я слева навстречу обойду", — произнес, и когда, условившись, стали обходить, богиня Идзанами-но микото, первой: "Поистине, прекрасный юноша!" — сказала, а после нее бог Идзанаги-но микото: "Поистине, прекрасная девушка!" — сказал, и после того, как каждый сказал, [бог Идзанаги] своей младшей сестре возвестил: "Нехорошо женщине говорить первой", — так возвестил. И все же начали [они] брачное дело, и дитя, что родили, [было] дитя-пиявка. Это дитя посадили в тростниковую лодку и пустили плыть. За ним Авасима — Пенный остров родили. И его тоже за дитя не сочли».

Написанный чуть позже «Нихонги» (720 год н.э.) вносит в данный эпизод существенное уточнение: Идзанаги и Идзанами хотели близости — то есть и по этой версии желание соития было нормальным для богов, а следовательно, и для людей, — но не знали, как это делается. Естественно, на помощь пришла матушка-природа, что целиком согласуется с натуралистичным смыслом культа синто: «И они [боги Идзанаги и Идзанами] хотели совокупиться, но не знали, как это делается. И тут появилась трясогузка, которая начала подрагивать хвостом. Увидев это, боги освоили это искусство и обрели путь соития».

Обратите внимание на слова «искусство» и «путь» — древние японцы сразу поставили секс на уровень не постыдного занятия, как это произошло в Европе, а высокого искусства, учиться которому можно всю жизнь, — на уровень Пути. И учеба не заставила себя ждать, начавшись с анализа ошибок: «Тут два бога, посоветовавшись, сказали: "Дети, что сейчас родили мы, нехороши. Нужно изложить это перед небесными богами", — так сказали, и вот, вместе поднялись [на Равнину Высокого Неба] и испросили указания небесных богов. Тут небесные боги, произведя магическое действо, изъявили свою волю: "Потому нехороши [были дети], что женщина первой говорила. Снова спуститесь и заново скажите", — так изъявили. И вот тогда, спустились обратно и снова, как раньше, обошли тот небесный столб. Тут бог Идзанаги-но микото, первым: "Поистине, прекрасная девушка!" — произнес, после него богиня Идзанами-но микото, жена: "Поис-

тине, прекрасный юноша!" — произнесла. И когда, так произнеся, соединились, дитя, которое родили, [был] остров Авадзи-но-хо-но-са-вакэ».

Идея о том, что «небесный столб», вокруг которого следует обойти супружеской паре, прежде чем зачать ребенка, есть не что иное, как гигантское (или, по крайней мере, очень большое) изображение или статуя фаллоса, вовсе не принадлежит современным тайным эротоманам. Известный специалист по японским мифам Хирата Ацутанэ выдвинул эту гипотезу еще в прошлом веке, опираясь на исследования фаллических культов, до сих пор сохранившихся в японской провинции, да и не только в ней. Его коллега Мацумура Такэо соглашался с ним и добавлял, что хождение вокруг столба-фаллоса являлось в древней Японии частью брачного обряда, совершаемого с целью увеличить плодовитость семьи, укрепить жизненную силу. Интересно, что незадолго до того, как Идзанаги и Идзанами решили экспериментальным путем удовлетворить свой интерес, божественным образом явились и другие высшие существа, в числе которых находилась и некая «младшая сестра» по имени Икугуи-но ками — Богиня таящего живую жизнь столба. Но самое интересное все-таки в том, что боги сразу определили, кто все-таки должен сказать «А», а кто «Б», кто «первичнее», а кто «вторичнее», наконец, кто в семье главный.

Воодушевленная богом-мужчиной Идзанаги богиня-женщина Идзанами не смогла сдержать слов восторга: «Поистине, прекрасный юноша!» Идзанаги ее не поддержал: «Нехорошо женщине говорить первой», но все же согласился соединиться с ней — как выяснилось, только для того, чтобы утвердиться в своих сомнениях. Первый ребенок оказался «дитем-пиявкой». Комментаторы «Кодзики» и «Нихонги» считают, что речь идет о ребенке, либо родившемся без рук и ног или без костей, либо парализованном — в любом случае это явное описание генетического уродства (так же как и Пенный остров Авасима — нельзя понять: пена — это суша или море), ставшего результатом того, что женщина заговорила первой и первой призналась мужчине в своих симпатиях к нему. Идзанами нарушила божественный порядок вещей, ее инициатива стала несчастливым предзнаменова-

нием и привела к беде, горю. Практически все исследователи японской древности отмечают, что в словах Идзанами и во всем этом конфликте выражена основополагающая идея о главенстве мужчины и подчиненном положении женщины в японском обществе. Скорее всего, именно такие патриархальные отношения царили в Японии времен сотворения «Кодзики», и они не сильно изменились до сегодняшнего дня. При предельно простом отношении древних японцев к самому половому акту общественные устои уже тогда четко определяли, кто должен говорить первым, кто в доме хозяин и когда можно рожать детей.

В дальнейшем при подсчете потомков богов «неудачные дети» вроде ребенка-пиявки или острова Авасима в число детей не включались; все подобные «наследники» были рождены до «оформления» брака, то есть до повторного хождения вокруг «небесного столба», как это произошло, например, с отвергнутым островом Оногородзима — он родился из капель соли. «Правильные», «оформленные» боги рождались «правильным путем» — об этом свидетельствует описание появления сына Идзанаги и Идзанами — Бога огня, при рождении которого было опалено лоно Идзанами, после чего она заболела и вскоре умерла.

Стриптиз во спасение

«Кодзики» дает нам еще массу примеров, не только раскрывающих основы японской сексуальной культуры, на которых покоятся главные принципы отношения японцев к сексу, но и отвечающих на вопрос о легендарных прообразах некоторых современных элементов японской эротической культуры, включая любимый японцами стриптиз. Один из самых знаменитых эпизодов «Записей о деяниях древности» с уже привычной нам натуралистичностью рисует богоугодность прилюдного раздевания и в чем-то оправдывает будущую склонность части японцев к эксгибиционизму и вуайеризму, естественным в условиях средневекового японского быта. Вот результат истории конфликта между

божественными братом — Богом ветра и сестрой — прародительницей японского императорского рода богиней Солнца — Великой и Священной Аматэрасу оо-ми-ками: «...бог Хая-Суса-но-о-но микото Великой Священной Богине Аматэрасу оо-ми-ками сказал: "Мои намерения чисты и светлы. Потому рожденных мною детей — нежных женщин я получил. Так что, само собой, я победил", — так сказав, в буйстве от [своей] победы, межи на возделанных полях Священной Богини Аматэрасу оо-ми-ками снес, [оросительные] каналы засыпал.

А еще — в покоях, где отведывают первую пищу, испражнился и разбросал испражнения.

И вот, хотя [он] так сделал, Великая Священная Богиня Аматэрасу оо-ми-ками, [его] не упрекнув, сказала: "На испражнения похоже, но это братец мой — бог, наверное, наблевав спьяну, так сделал. А то, что межи снес, каналы засыпал, — это, наверное, братец мой — бог, землю пожалев, так сделал", — так оправдала [его], но все же его дурные деяния не прекращались, а стали еще безобразнее. В то время, когда Великая Священная Богиня Аматэрасу оо-ми-ками, находясь в священном ткацком покое, ткала одежду, что положена богам, [бог Суса-но-о] крышу тех ткацких покоев проломил и небесного пегого жеребчика, с хвоста ободрав, внутрь бросил.

Тут небесные ткачихи, увидев это, испугались, укололи себя челноками в тайные места и умерли.

И вот тогда Великая Священная Богиня Аматэрасу оо-ми-ками, увидев [это], испугалась и, отворив дверь Амэ-ноивая — Небесного Скалистого Грота, укрылась [в нем]. Тут вся Равнина Высокого Неба погрузилась во тьму, в Тростниковой Равнине — Серединной Стране повсюду темень стала. Из-за этого вечная ночь наступила...»

Обратим внимание на два момента: трогательное отношение богини к своему буйному брату, фактически лишившему ее земли урожая и наблевавшему в покоях сестры, — скорее всего, Бог ветра был пьян, а к пьяным в Японии со времен богини Аматэрасу соответствующее — трогательное — отношение. И лишь когда Суса-но-о нарушает покой небесных ткачих, оскверняя их покои нечистым животным (в Японии, как и во многих других странах, все, что связано с мясом,

кровью, выделкой шкур, считалось нечистым), Аматэрасу выходит из себя. Перед этим небесные ткачихи, доказывая чистоту помыслов, лишают себя жизни, проткнув ткацкими челноками «тайные места», скорее всего — по мнению японских комментаторов, матку. В «Нихонги» в рассказе об эпохе правления легендарного императора Судзин мы находим еще одно упоминание о подобном, сугубо женском способе самоубийства. Принцесса Ямато-тотопи-момосо-бимэ-но микото, бывшая оракулом бога Омоно-нуси, стала его супругой. Но бог приходил к ней только по ночам, а принцессе, любопытной, как и все женщины, очень хотелось увидеть его при дневном свете: «...Сказала [как-то] своему супругу Ямато-тотопи-момосо-бимэ-но микото: "Никогда не видно тебя днем, и я так и не могу узреть твоего священного лика. Прошу тебя, побудь подольше. Мечтаю я, чтобы ты позволил мне нижайше лицезреть твою прекрасную наружность при свете дня". Великий бог рек ей в ответ: "Доводы твои веские. При дневном свете я войду в твою шкатулку для гребней. И прошу тебя, не пугайся моей наружности", — так молвить соизволил.

Подивилась Ямато-тотопи-момосо-бимэ-но микото в душе своей, дождалась рассвета, заглянула в шкатулку для гребней, а там — прелестная маленькая змейка. Длина и толщина ее — вроде как у шнурка, которым одежду подвязывают.

Испугалась [Ямато-тотопи-момосо-бимэ-но микото] и закричала. Тогда Великий бог от стыда тут же превратился в человека и сказал своей жене: "Ты не стерпела [закричала], и тем навлекла на меня позор. Раз так, то я вернусь [на Небо], и на тебя позор навлеку", — так молвил.

И вот, по воздуху ступая, стал подниматься на гору Миморо-но яма. Запрокинула Ямато-тотопи-момосо-бимэ-но микото голову, чтобы на него вверх смотреть, раскаялась, да тут и наземь села. Проткнула себе потаенное место палочками для еды и скончалась»[3].

Могилой принцессы считают большой курган близ горы Мива, который называют Хасихака («Могила палочек для еды»). Как объяснить такой жестокий вариант лишения себя жизни, если только гуманные способы вообще существуют? Может быть, женщины демонстрировали таким образом, что оскорблена именно их женская сущность? У меня пока нет

ответа на этот вопрос, а потому вернемся к «Кодзики»*. Как вы помните, мы оставили Богиню Аматэрасу в самый напряженный момент мифа — она скрылась в загадочной пещере, а скорее всего, в своем дворце, оставив тем самым своих подданных, царство Ямато, весь японский народ в жуткой темноте.

Другие боги предпринимали самые разные усилия для того, чтобы снова выманить ее на свет, и здесь как раз и случилось то, что японские актеры называют «моментом возникновения японского театра», гейши — первым эротическим выступлением, современные исследователи — несомненным примером первого в мировой истории поистине божественного стриптиза.

«Амэ-но-удзумэ-но микото — Небесная Богиня Отважная, рукава подвязав лозой, с небесной горы Кагуяма, из небесной лозы Сасаки сетку кадзура сделав, листья Саса с небесной горы Кагуяма пучками связав, пустой котел у двери Небесного Скалистого Грота опрокинув, ногами [по нему] с грохотом колотя, в священную одержимость пришла и, груди вывалив, шнурки юбки до тайного места распустила».

Последовала естественная реакция: «Тут Равнина Высокого Неба ходуном заходила — все восемьсот мириад богов разразились хохотом. Тогда Великая Священная Богиня Аматэрасу-но оо-ми-ками, странным это сочтя, дверь Небесного Скалистого Грота чуть приоткрыла...»

Этого было достаточно, чтобы боги, караулившие Аматэрасу у входа в пещеру, не позволили ей снова уйти в тень: «И вот, когда Великая Священная Богиня Аматэрасу-но оо-ми-ками выйти [из грота] изволила, тут и Равнина Высокого Неба, и Тростниковая Равнина — Серединная Страна, сами собой, озарились светом».

Эту сцену, попавшую в фильм режиссера Инагаки Хироси под простым названием «Рождение Японии», считают классической иллюстрацией сексуально-магических верований всех древних людей, а отнюдь не только японцев. Считается, что элементы ритуального стриптиза были присущи многим

---

* Кстати говоря, в Третьем свитке «Кодзики» содержится и первое в истории упоминание о двойном самоубийстве влюбленных, ставшем весьма популярным в Японии Средних веков.

племенам, населявшим когда-то землю, но именно у японцев в историко-литературном произведении запечатлелся социально-планетарный характер стриптиза, связанный с магией женского тела вообще и гениталий в частности. Некоторые историки даже имя богини, спасшей Землю, — Амэ-но удзумэ — переводят как «Жуткая небесная самка», что, возможно, несколько чересчур, но, так или иначе, популярности у легенды отнюдь не отнимает, и каждый год в память о тех событиях в синтоистских храмах проходят празднования с ритуальными танцами кагура, хотя до стриптиза нынче дело уже не доходит. На несакральном уровне легенда об Амэ-но удзумэ тоже жива — сегодня ее отчасти воплощают традиционные эротические шоу токудаси. Вариант этого шоу попал в известный фильм «Шокирующая Азия», а вот как его описал исследователь Японии Ян Бурума: «Девушки подползают к самому краю сцены и, откинувшись назад, медленно раздвигают ноги перед возбужденными лицами зрителей. Публика, словно под гипнозом, наклоняется вперед, чтобы лучше рассмотреть этот магический орган во всем его мистическом великолепии. Женщины медленно ползают по сцене, стараясь подобраться к зрителям как можно ближе. Они раздают мужчинам увеличительные стекла и маленькие фонарики, которые передают из рук в руки. Все внимание сосредоточено в одной точке женского тела; на сцене настоящие богини, заворожившие публику»[4].

Возникает закономерный вопрос: насколько то, что изложено в «Кодзики», «Нихонги» и других произведениях мифологического жанра, можно принимать на веру? Точнее, насколько эти легенды действительно древние — можно ли их считать хотя бы косвенными свидетельствами реально существовавших до начала нашей эры на территории нынешней Японии соответствующих шаманских культов, которые могли наложить заметный отпечаток на эротическое сознание современных японцев? Вопрос не праздный, совсем не простой, и вряд ли он имеет однозначный ответ. «Записки о деяниях древности» были составлены в 712 году н.э., а остальные памятники такого рода чуть позже, то есть во времена, когда японский народ уже существовал как вполне сложившийся этнос со своими поведенческими нюансами и «священные

писания» синто лишь констатировали актуальные на тот момент представления древних японцев о жизни. Но если с определением даты составления «Кодзики» и «Нихонги» проблем почти не возникает, то в истории их влияния на японское общество, в том числе на его сексуальную культуру, еще много темных пятен.

Исследователи считают, что примерно до начала XIV века текст этих памятников был практически неизвестен в самой Японии. Выдвигалась даже версия о том, что, как это часто случается, «Кодзики» написаны позже, чем принято считать. Версия спорная, но в любом случае «Записи о деяниях древности» и «Анналы Японии» являются довольно точным отражением представлений о мире добуддийской Японии, его политическом, общественном и, что нам особенно интересно, гендерном устройстве и могут в таком качестве служить одновременно и источником информации о мировоззрении древних японцев, и иллюстрацией к нему.

С другой стороны, влияние этих текстов на последующие раннесредневековые традиции могло быть либо довольно незначительным, либо его не существовало совсем. Но тогда что же думали о любви и сексе японцы, жившие после эпохи легендарных императоров, описанной в «Кодзики» и «Нихонги», и до времен аскетичных и брутальных взглядов самураев, то есть в период с VII по XIII век? Прежде чем ответить на этот вопрос, вернемся ненадолго из раннего Средневековья в наши дни и отдохнем от сложных имен любвеобильных японских богов, их запутанной генеалогии, цитат и чудесных превращений. Обратимся к простым японским гражданам, гинекологии и другим насущным потребностям и особенностям национального интимного общения.

День кузнеца и другие мацури

Каждый год в начале апреля тысячи людей спешат в граничащий с Токио город Кавасаки, в храм Канаяма-дзиндзя*

* Другое название — Канамара-дзиндзя.

на «вынос члена» — так попросту можно окрестить дошедший до нас из глубины веков праздник, посвященный животворящему началу бога Идзанаги-но микото — тому началу, которое «росло-росло, да и выросло». Забавная игра слов: сей предмет мужской гордости японцы в разговоре зачастую называют просто «чин-пон» или «чин-чин», а потому нередко вздрагивают, когда впервые попавшие в Японию русские, где-нибудь в ресторане вспоминают европейские традиции и в порыве пьяного красноречия провозглашают чисто японский, по их мнению, тост: «Чин-чин, банзай!»

Однако вернемся к празднику. Легенда гласит: много-много веков назад, в ту самую пору, о которой мы только что рассказывали, то есть когда еще духи жили вместе с людьми, с одной из синтоистских богинь случился жуткий конфуз — у нее выросли зубы в самом не подходящем для этого месте. Естественно, такое пренеприятное событие не могло не задеть за живое не только потенциально близких богине персонажей, но и весь народ Страны солнечного корня. Как вы помните, лишь боги, рожденные естественным для человека (!) путем, могли считаться нормальными, фактически здоровыми богами — кем бы они ни были в визуальном воплощении — людьми или островами. Страх перед возвратом к ненатуральному способу размножения заставил богов и людей обратиться к... кузнецу, что на первый взгляд выглядит довольно неожиданным. С другой стороны, как и во многих странах, в древней Японии кузнецы считались тесно связанными с шаманскими культами, с колдовством — ведь только они умели укрощать огонь и металл. Можно предположить, что, предварительно помолившись своим металлургическим духам, новоявленный кузнец-гинеколог рьяно принялся за дело и не сразу, но пришел к решению проблемы. Он выковал огромный железный пенис — чудный фаллоимитатор, которым и обломал пациентке все ее лишние зубы, выросшие так некстати в «тайном месте». Очевидно, что мифы сохранили для нас и благоговение перед полумистической не только для Японии профессией кузнеца, творящего где-то между миром духов и миром людей, и страх перед демографической проблемой, и даже косвенное упоминание о том, что живая в современной Японии традиция

использования разнообразных фаллоимитаторов имеет глубокие, поистине божественные корни.

Синтоистское святилище Канаяма-дзиндзя в Кавасаки — далеко не единственный храм такого рода в Японии, они разбросаны по всей стране, хотя далеко не все современные японцы знают об их существовании. А даже если и знают, то стесняются даже вспоминать о них, по крайней мере в присутствии иностранцев. Многие наши знакомые краснели, когда мы говорили им о том, что собираемся поехать на мацури (синтоистский праздник) в столь необычное место. Японцы, а особенно японки закатывали глаза: «Какой ужас!» Потом, отведя в сторонку, просили привезти сувенир — хотя бы печенье с изображением одной из 70 классических японских поз*. Заинтригованные, мы даже предположили, что, кроме нас, там никого не будет, но, как оказалось, совершенно напрасно.

Выяснилось, что, несмотря на отсутствие храма на туристических картах, поклониться фаллосу сюда приходит довольно много людей. При внимательном рассмотрении проблемы это легко объяснить. Лингам — символ не только секса, но — и даже прежде всего — жизни. Большинство приходящих сюда японцев и японок просят богов о детях — они уверены, что молитва помогает избавиться от бесплодия. Весь храм увешан специальными дощечками эма, на которых обычно пишут просьбы богам. Большинство эма храма Канаяма выглядят довольно забавно: на них изображен малыш, как бы «вылупляющийся» из яйца, — идея понятна. На территории храма стоят сразу несколько металлических наковален и изображений огромного фаллоса, которые полностью увешаны этими дощечками, что свидетельствует о том, что, несмотря на замалчивание, праздники наподобие Канаяма-мацури пользуются высокой, хотя и не афишируемой, популярностью в народе.

Выше по течению реки Тамагавы, у устья которой расположен этот храм, находится еще одно известное своими

---

* Принято считать, что таких поз 48 — по числу изображенных на средневековых гравюрах. Однако в Канаяма-дзиндзя действительно продавались платки, на которых мы насчитали ровно 70 неповторяющихся оригинальных сексуальных позиций.

необычными ритуалами синтоистское святилище. На праздник Хана-гакари туда даже в советские времена отваживались наведываться наши ученые — уж очень хотелось увидеть современную интерпретацию божественных эротических плясок: «На площадку перед храмом вышла небольшая процессия. Впереди шли человек десять мужчин, игравших на свирелях. За ними двигались четыре молоденькие девушки в черных кимоно с очень странным головным убором: казалось, на головах у них корзины, над которыми высоко поднимались гирлянды искусственных цветов. Шествие замыкали несколько человек в львиных масках, бившие палочками в небольшие барабаны.

Когда все вышли на площадку, музыканты уселись перед храмом, девушки закрыли лица покрывалами из красной материи, львы-барабанщики надвинули маски. Танец начался. Сначала львы-барабанщики лишь ритмично двигались в такт звукам свирелей, а девушки вторили свирелям на весьма своеобразных инструментах: расщепленных стволах бамбука, по которым они водили смычками. Вдруг со стороны храмовых ворот появился еще один человек. Лицо у него было закрыто мужской маской, на затылке была прикреплена женская, а в руках он держал красную палку, имитировавшую фаллос. Человек начал бешено кружиться среди танцующих. Он то размахивал палкой, то подскакивал к девушкам, имитируя движения полового акта, то с дикими криками бросался на зрителей. Ритм танца ускорился, львы-барабанщики тоже начали носиться среди девушек, производя весьма неприличные телодвижения; чувствовалось, что танцующие пришли в экстаз. Человек с двумя масками исчез так же внезапно, как и появился. Вслед за ними ушли музыканты и танцоры.

Хана-гакари — очень древний обрядовый танец. В свое время он исполнялся людьми, молившимися о плодородии, о богатом урожае, ибо в своих представлениях они отождествляли процесс прорастания зерна с половым актом.

В Японии до сих пор сохранились синтоистские храмы (некоторые из них находятся недалеко от столицы), в которых объектом поклонения служат изображения фаллоса или вагины. В этих храмах в качестве талисманов можно приобрести предметы, за продажу которых любой мирянин был бы

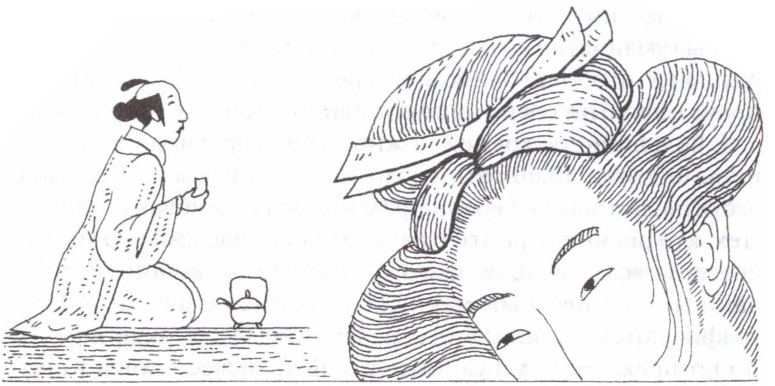
привлечен к ответственности как за распространение порнографии.

Сохранение таких необычных, странных обрядов в обстановке современной цивилизованной страны свидетельствует о том, что синто, несмотря на уверения его апологетов о его якобы гуманистическом содержании, продолжает оставаться религией, наиболее близкой к первобытному анимизму среди прочих религий современных цивилизованных народов»[5].

В большинстве храмов можно купить оригинальные сувениры-обереги. Выбирать их охотно помогают местные трансвеститы, которых во время праздников тут человек пятьдесят (тех, кто рискнул прийти в карнавальных одеждах). Они веселятся на всю катушку, щеголяя своими роскошными нарядами и тяжеловесным макияжем, охотно позируют и фотографируются с иностранцами. Именно на хрупкие внешне, но по-прежнему мускулистые плечи трансвеститов в Канаяма-дзиндзя легла и основная ноша — под громкие ритмичные крики (что-то вроде «Давай, давай!»), сопровождаемые огромной восторженной толпой, они носили по городским улицам о-микоси — носилки с гигантскими фаллосами. Самый большой из них, нежно-розового цвета, был подарен храму неким «Клубом Элизабет», и это вряд ли тот «клуб», что в советском понимании все еще ассоциируется у нас с Домом культуры.

Мы приехали на праздник в Кавасаки группой из семи человек и думали, что из иностранцев на столь необычном мероприятии мы будем одни, но ошиблись. Такого количества американцев, арабов, евреев, французов сразу в одном месте мы не видели в Японии со времен Чемпионата мира по футболу 2002 года. Некоторые прорывались к о-микоси и таскали его вместе с японцами. Многие седлали огромные бревноподобные «чин-чины» во дворе храма, осматривали ритуальную кузницу и выстраивались в очередь, чтобы написать просьбу богам на тех самых дощечках-эма. Хотите верьте, хотите нет, но все русские девушки, направившие тогда свои просьбы местным богам, вскоре стали мамами...

Глава 2
Высокие отношения



Буддийская любовь — «Акэ бэкарадзу!»

«Любовь — это вам не просто так. Любовью надо заниматься!» — глубокомысленно изрекал один хулиганский персонаж российского телевидения. Нет сомнений в том, что японцы во времена раннего Средневековья любовью занимались — дожила же японская нация до наших дней! Но письменные свидетельства о том, как они это делали, невольно заставляют нас снова и снова сравнивать пути развития разных цивилизаций — восточной и западной, — не оставляя в стороне как самые практические нюансы вопроса, так и высокие, лирические отношения, которым в те времена уделялось куда больше внимания — по крайней мере официально.

В VII веке в Японию через Китай и Корею проник и занял прочные позиции буддизм, едва не став навсегда официальной японской религией. Вскоре после его укоренения на земле скалистых островов наибольшую популярность и авторитет среди всех прочих разношерстных направлений набрали две школы эзотерического толка — Тэндай и Сингон.

Последняя, широко распространенная в Японии и сегодня, тесно связана с Ваджраяной — «Алмазной колесницей», наиболее сложной версией мистического, эзотерического буддизма, в учении которой немало общего с тибетской школой Тантры. И Тэндай, и Сингон оказались довольно сложны для понимания, изучения и практики, а потому наибольшим почетом пользовались в образованной среде, способной быстро воспринимать и «творчески переосмысливать» новые культы и все, что их сопровождало.

Считается, что одновременно с сутрами и трудами китайских мыслителей в Японию попали и классические труды по искусству любви (китайцы к тому времени уже были выдающимися мастерами в этом деле). По всей вероятности, именно эти практические наставления по занятиям любовью и превратились со временем в классические японские «сидзю хаттэ» — «48 поз», привнеся с собой в островной быт даже элементы технического оснащения культуры любви, например, одно из самых популярных китайских достижений в этой области — искусственный фаллос. Лингам, изготовленный из дерева, рога или черепашьего панциря, — харигата (хариката) скоро испытал на себе неудержимую мощь японской тяги к усовершенствованию всего и вся. Тэнгу — мифологическое существо, человекообразный дух леса с красным лицом и огромным клювом — скоро стал изображаться (и изображается в таком виде по сей день) с длинным и прямым красным носом с утолщением на конце, отчетливо напоминающим стилизованный фаллос*. Обычный хариката использовался японками по прямому назначению, для мастурбации в отсутствие мужа или при его холодности к жене (видимо, эта насущная современная проблема уже тогда была актуальна в Японии). Часто на харигата даже писалось имя мужа — таким образом обозначалась духовная связь с ним, а мастурбация при помощи харигата возводилась в ранг супружеского полового акта. Использовалась ли для этого маска тэнгу? Мы не знаем, но фантазию давно живущего в Японии нашего соотечественника Игоря Курая она

---

* Процессию на празднике Канаяма-мацури, о котором мы рассказывали в предыдущей главе, возглавлял священник в маске тэнгу.

точно стимулировала: «Всеволод почувствовал, как упрямый язычок снизу вторгается в неподатливый сфинктер, вдруг ощущение легкой щекотки ушло, и в раздвинувшееся жерло вонзился закругленный пластиковый жезл в виде багрового носа тэнгу, которым первая девица только что помахивала.

— Харигата! Харигата! — пропела она тонким голоском»[6].

Такая фантазия выглядит вполне логичной для японской реальности. В любом случае японцы как наследники божественных половых традиций Идзанаги и Идзанами, тэнгу и Амэ-но Удзумэ без ханжества относились к вопросам секса до тех пор, пока первые буддийские проповедники не умерили их прыть. До указанного времени половая любовь воспринималась как нормальная потребность здорового организма, а синто, религиозная основа древней Японии, не знала главного института буддизма — монашества. Вероятно, целибат был для первых японцев-буддистов шоком, который, впрочем, довольно быстро прошел, и этому помогло весьма своеобразное качество японского менталитета.

Дело в том, что японцы ничего, в том числе и религию, не воспринимают системно, в целом. Сила этого народа состоит в умении творчески перерабатывать любую информацию, виртуозно переделывая ее, приспосабливая под себя. Сегодня они могут сделать это с достижениями ядерной физики, тысячу лет назад они поступили так с буддизмом. Синто, да еще при поддержке конфуцианства, попавшего в Японию одновременно с буддизмом и привнесшего строгую семейную идеологию, не могло приветствовать безбрачных идеалов материкового буддизма. Для соответствия японской религиозной почве нужна была коренная реконструкция новой веры, и очень скоро буддизм испытал на себе возможности японской идеологической «мясорубки». Китайские варианты учения Будды стали японскими, ярко отражающими специфику мышления этого удивительного народа, а некоторые секты, попавшие в Японию из Китая, сегодня и вовсе считаются истинно японскими, как это произошло, например, со школой Чань, ставшей известным на весь мир дзэн-буддизмом. Многие другие, до сих пор совершенно иначе воспринимаемые на материке догмы буддизма в корне изменились под влиянием японских реалий вплоть

до того, что монахи стали принимать целибат только после того, как создадут крепкие семьи с многочисленным потомством и реализуют все свои плотские возможности. Даже исключительно добродетельная и чрезвычайно почитаемая индийская бодхисатва Авалокитешвара, ставшая в Китае богиней милосердия Гуань-инь, а в Японии принявшая имя Каннон (кстати, всемирно известная марка японских фотоаппаратов — это в честь нее), — и та распахнула одежды в скульптурном изображении в храме Кансёдзи в городе Татэбаяси. Впрочем, в Китае Гуань-инь вообще поклонялись как покровительнице лесбийских обществ — ведь она отвергла брак ради спасения всего живого! В Японии же уже в начале XX века русский японовед профессор Е. Г. Спальвин описывал эротические элементы в сугубо буддийском празднике поминовения усопших — О-Бон: «...эта ночь свободна для совокуплений сельчан, — и если в эту ночь у девушки нет любовника, родители нанимают его, чтобы их дочь не была опозорена нелюбовью, — чтобы дочь их была благословлена любовью. И до сих пор сохранился в деревнях обычай общего обладания девушкой до брака, когда только после брака она переходит в единоличное обладание мужу, — причем она за это платит обществу "первой ночью", в честь богини Каннон, богини милосердия»[7].

В Японии буддийскую школу Сингон распространял и пропагандировал Великий учитель Кобо Дайси, или Кукай (774—835) — образованнейший человек, политик, философ, архитектор, поэт и каллиграф. Однако именно его также иногда называют первым проповедником однополой любви в Японии. Так это или нет, сказать трудно. Скорее всего, на имидж Кукая повлияла и закрытость секты Сингон, и то, что в ведущей непрерывные боевые действия против «восточных варваров» айну примерно с VIII века Японии широко начал распространяться гомосексуализм (досэйай). Спустя столетия после смерти Великого учителя, в 1598 году появилась «Книга Кобо Дайси», в которой упоминались имеющие много схожего с учением Тантры, родственным Сингон, способы соблазнения мужчин, а также описывались замысловатые позы для анального секса типа «взлетающего жаворонка» или «перевернутых пяток».

Добавила скандальности секте Сингон и громкая история, случившаяся еще в начале XII века, но запомнившаяся навсегда. В монастыре Ниннадзи настоятель влюбился в молодого и талантливого юношу — певца и музыканта Сэндзю. В принципе такое поведение буддийского монаха трудно назвать шокирующим, если бы настоятель не оказался к тому же излишне ветреным. Когда в монастыре появился еще более прекрасный послушник Микава, настоятель влюбился и в него. Сэндзю спел настоятелю свои стихи, взывая о милосердии Будды, и тронутый старый монах устыдился, отправил Микаву в отдаленный монастырь, после чего жил с Сэндзю долго и счастливо.

В некоторых случаях удавалось «списать» такое монашеское жизнелюбие на верность учению, способному и похоть сделать способом достижения нирваны: «Но пол всегда упирается в метафизику, и недавно еще кое-где в Японии, при храмах, — были жрицы — божественные проститутки, кадр этих женщин возникал и по призванию и по рождению, — через них люди прикасались к богу. Тай-ю — высший титул проститутки. Буддийский первосвященник, глава Хонгандзи, женатый на принцессе крови, имеющий титул Восседающего на Тигровой Шкуре, — имеет право на Тай-ю, — и в регламентные дни Тай-ю приезжает к Восседающему»[8].

Историями о жизнелюбах-монахах и затейниках-священниках полна более поздняя японская литература, но есть примеры, когда японцы, как и любой другой народ, стараются поменьше рассказывать о тех или иных примерах «святого» сладострастия. Речь идет прежде всего о различных типах закрытых сект, где практиковались разные варианты тантрического секса. Одной из таких сект стала таинственная Татикава, созданная монахом Нинканом в начале XI века по образцу и подобию тантрической вамамарги, где в традиции существовала практика ритуальных половых актов, а также паньчамакары — способа преодоления земных оков через обильные возлияния, объедение, секс, в том числе групповой, и использование одурманивающих препаратов. В реальности о школе Татикава сегодня мало что известно, за исключением того, что ее символом стал «огонь жизни» — слияние в божественном пламени мужской и женской энергий, обозначенных симво-

лами буквы «Аум» — первой и сакральной буквы санскрита, отражающимися один от другого. При этом мужской символ обозначался белым цветом (семя), а женский (яйцеклетка) — красным. В более сложном варианте этого символа, оформленном в стиле буддийской космогонической карты мандала, изображены возлежащие друг на друге в цветке лотоса мужчина и женщина. Их головы находятся у гениталий друг друга, и там тоже присутствует сакральный «Аум».

Секта Татикава никогда не существовала официально — строгие японские законы преследовали ее, она была полностью уничтожена еще в 1689 году, а на чудом сохранившихся свитках с подробным описанием идеологии секты и ее ритуалов до сих пор стоит неснимаемая печать с надписью «Акэ бакарадзу!» — «Не вскрывать!». Мы и не будем...

Аристократическая любовь: нет повести печальнее на свете...

При всех, надо признать, относительно немногочисленных сексуальных отклонениях от общепринятой нормы пришедший в Японию буддизм в общем и целом принес строгость нравов, высокую культуру, зрелую китайскую литературу, утонченное восприятие окружающего мира, что в Стране корня солнца умножилось на синтоистский культ природы и особое отношение к любовной теме. Все это, конечно, стало продуктом потребления в первую очередь наиболее привилегированного сословия — киотоской аристократии кугэ и высшего слоя воинов-самураев. О любовных сочинениях, созданных в период Хэйан (с конца VIII до конца XIII века), написано немало, в том числе и на русском языке. Памятуя, что наша тема — прежде всего сексуальная традиция, а не романтическая любовная лирика, мы коснемся этого периода лишь вскользь, но и полностью пройти мимо не можем.

Не можем, потому что проза и поэзия Хэйан — памятники культуры всемирного значения, оказавшие весьма существенное влияние на любовные теории последующих веков.

Поэзия тех времен, основанная на двух темах — восхищении природой и любовной лирике, — стала фундаментом для знаменитой и куда более популярной сегодня японской поэзии Средневековья, признанной одним из эталонов этого жанра во всем мире. Еще интереснее получилось с прозой. Произведений брутального (хотя бы по тем временам) характера придворные Хэйан не писали — новая мораль была еще слишком строга, а чувства слишком истонченны. Любовные романы тех лет (а кроме них в прозе писались только дневники) созданы женщинами. А где вы читали женскую брутальную литературу?

Самый знаменитый любовный роман периода Хэйан — «Повесть о Гэндзи» (XI век) — написан женщиной, известной как Мурасаки Сикибу, и это вообще первый в мировой литературе роман. По яркости красок, по глубине переживаний героев и запутанности коллизий он достоин того, чтобы снять по нему сериал длиной эдак года в три-четыре, да вот только реалии древней Японии нам не слишком близки, в отличие от бесконечных латиноамериканских страстей в «роллс-ройсах» по дороге на фазенду, хотя сама суть этих страстей не изменилась (разве что японцы не знали об амнезии).

Но если прозу писали женщины, и писали ее по-японски, то признаком хорошего тона было написание стихов — по-китайски, что являлось прерогативой мужчин. Их стихотворения, еще более далекие от натурализма, чем проза женщин, оформлялись в объемные поэтические антологии, отличительной чертой которых служила взаимосвязанность стихов, расположенных по соседству. Для нас этот момент ценен тем, что в любовной теме (в природной было принято любоваться красотами окружающего мира в строгом сезонном порядке) мы можем проследить несложную динамику любовных отношений — так, как это выглядело в глазах высокообразованной аристократии. Номера соответствуют расположению строф в антологии «Старых и новых песен Японии» — «Кокинвакасю»[9].

750
Мне бы сердце найти,
чтобы так же меня полюбило,
как могу я любить!

Вот тогда и проверим вместе,
впрямь ли мир исполнен страданий...

Осикоти-но Мицунэ

751
Ведь обитель моя
не в горных заоблачных высях —
отчего же тогда
в отдаленье тоскует милый,
не решаясь в любви признаться?..

Аривара-но Мотоката

752
Первой встречей пленен,
я вновь о свиданье мечтаю,
но напрасно, увы, —
слишком страшно, должно быть, милой,
что ко мне привяжется сердцем...

Неизвестный автор

753
Ах, едва ли себя
сравню я с безоблачным утром!
Верно, так суждено,
что уйду из бренного мира
лишь от мук любви безответной...

Ки-но Томонори

754
Скольких женщин ты знал!
Как щели в плетеной корзине,
их исчислить нельзя —
и меня, увы, среди прочих
позабудешь, знаю, так скоро...

Неизвестный автор

755
Ах, нечасто рыбак
приходит на берег залива
за травою морской!
Так ко мне, объятой тоскою,
в кои веки заглянет милый...

Неизвестный автор

756
Лик вечерней луны
трепещет на влажном атласе,
и лоснится рукав —
будто слезы вместе со мною
льет луна в томленье любовном...

Исэ

Логика событий очевидна на примере этой подборки: герой (или героиня — принципиальной разницы нет) живет в ожидании любви («Мне бы сердце найти...»), готов к ее восприятию и начинает томиться («...отчего же тогда в отдаленье тоскует милый...»). Наконец встреча происходит, и влюбленный ждет взаимности («Первой встречей пленен, я вновь о свиданье мечтаю...»), после чего начинаются муки от неразделенной любви — она во все времена и во всех странах считалась самой искренней, самой истинной, но в Японии эти представления достигли своего зенита («...уйду из бренного мира лишь от мук любви безответной...»). Вроде бы все развивается хорошо, и мы более подробно узнаём этот классический сюжет из прозы, но герой, а тем паче героиня обязаны терзаться сомнениями («...и меня, увы, среди прочих позабудешь, знаю, так скоро...»). Худшие ожидания сбываются, любовный жар спадает («...Ах, нечасто рыбак приходит на берег залива...»), после чего наступает охлаждение, немедленно перерастающее в ожидание новой любви («...слезы вместе со мною льет луна в томленье любовном...»). Такой бесконечный «сериал» был очень популярен в древней Японии и, как ни странно, служил довольно точным слепком с реальных любовных отношений, царивших среди аристократии: «высокий штиль», никакой пошлости и лишь вечное ожидание чуда с твердой уверенностью, что оно произойдет, но обязательно будет скоротечным. При этом сами сексуальные отношения между мужчиной и женщиной были довольно свободными: они «приходили» друг к другу, в основном по ночам, занимались любовью, после чего отправляли друг другу письма, примерное содержание и стиль которых вы себе уже представляете по приведенным выше поэтическим образцам.

Начинались отношения тоже со стихов: хорошим тоном считалось у мужчин прислать понравившейся девушке,

которая непременно должна быть искусной поэтессой, свое стихотворение с выражением нетерпения и предвкушения предстоящего свидания. Дальше вы легко можете продолжить сами: девушка в ответ присылала свои стихи, в которых сообщала, что не верит в искренность ветреного поклонника. Если стихи нравились «собеседникам», отношения могли продолжаться довольно долго, если нет, это было достаточной причиной для охлаждения чувств. При благоприятном развитии событий влюбленные встречались... с ширмой. На первом свидании они не могли видеть друг друга, так как оказывались разделены перегородкой, и самым эротическим фактором такой встречи был голос. Если этот «установочный контакт» протекал удачно, мужчина приходил к женщине ночью. Мы можем предположить, что вряд ли он читал всю ночь стихи. По крайней мере, автор знаменитых «Записок у изголовья» придворная фрейлина Сэй Сёнагон сетует: «Но самое ужасное, когда мужчина обольстит какую-нибудь придворную даму, у которой нет в жизни опоры, и после бросит ее, беременную, на произвол судьбы. Знать, мол, ничего не знаю»[10]. Значит, все-таки какие-то плотские страсти кипели в аристократических опочивальнях, раз женщины хотя бы иногда беременели. Если серьезно, то практическая сторона любви должна была оставаться как можно более скрытой, и та же Сэй Сёнагон, наверное, немало шокировала своих современников, откровенно описав столь интимный, по представлениям XI века, момент, как расставание любовников после бурной ночи: «Когда ранним утром наступает пора расставанья, мужчина должен вести себя красиво. Полный сожаленья, он медлит подняться с любовного ложа. Дама торопит его уйти: "Уже белый день. Ах, нас увидят!" Мужчина тяжело вздыхает. О, как бы он был счастлив, если б утро никогда не пришло! Сидя на постели, он не спешит натянуть на себя шаровары, но, склонившись к своей подруге, шепчет ей на ушко то, что не успел сказать ночью... "Как томительно будет тянуться день!" — говорит он даме и тихо выскальзывает из дома, а она провожает его долгим взглядом, но даже самый миг разлуки останется у нее в сердце как чудесное воспоминание». А посмотрите, как романтична отсылка к уже знакомым нам эпизодам из «Кодзики»: «Сношение мужчины

и женщины символизирует единение богов во время создания мира. На ваше занятие любовью боги взирают с улыбкой и довольны вашими наслаждениями. По той причине муж с женой должны ублажать и удовлетворять друг друга».

Рискну предположить, что именно такие образцы великолепной прозы и поэзии, напрямую трактующие занятия любовью как богоугодное дело, отчасти и создали в мире образ японцев как идеальных возлюбленных, тем более что продолжение романа должно было быть не менее красивым. Мужчине надлежало непременно отправить возлюбленной восхищенные стихи — его любовь наконец-то нашла практическое подтверждение, и он снова готов прийти с ночным визитом. На третью ночь молодоженам готовили рисовые лепешки моти, и за торжественной трапезой жених знакомился с родителями невесты. На этом, собственно, официальная прелюдия семейной жизни заканчивалась — принц и принцесса нашли друг друга, никаких балов и белых скакунов. Муж мог жить у жены, а мог возвращаться к себе и лишь навещать свою возлюбленную. Случалось, он уходил навсегда. Так как свадьбы не играли, развод тоже не требовался — женщины были свободны, и поэтическое рондо закручивалось вновь. Да и не только поэтическое.

Говоря о хэйанской любви, снова и снова приходится возвращаться к целомудренной «Повести о Гэндзи». Это очень насыщенное сложнейшими перипетиями страсти произведение, где главное — любовь и ничего, кроме любви. Одна из важных сюжетных линий этого сериала начала прошлого тысячелетия (кстати, роман охватывает отрезок времени в 75 лет, и в нем действуют более трехсот героев, в том числе около сорока главных) заключается в том, что блистательный принц Гэндзи в возрасте восемнадцати лет становится любовником двадцатитрехлетней наложницы своего отца. Наложница рожает ребенка, похожего на Гэндзи, а много лет спустя жена Гэндзи рожает мальчика, как две капли воды похожего на друга мужа...

Средневековые критики, замечая характерные для японских нравов тех лет эпизоды инцеста (в условиях изолированного общения в рамках узкой социальной прослойки это оказывалось неизбежно), упрекали «Повесть о Гэндзи» за

распущенность, хотя, повторимся, вряд ли существует более целомудренный любовный роман, а его автор Мурасаки Сикибу не слыла буддийской моралисткой, хотя и известно, что она была прихожанкой секты Тэндай.

Просто хэйанским аристократам удавалось на зависть органично сочетать романтические отношения со свободой нравов. Мужчины сходились и расходились с женами, женщины с нетерпением ждали очередного суженого, в чести было многоженство (жены при этом, по замечанию А. Н. Мещерякова, не всегда знали о существовании друг друга, поскольку жили в разных домах[11]). Аристократы в открытую заявляли, что одной даже самой хорошей жены недостаточно. При этом стиль их поведения сильно напоминал женский или, по крайней мере, унисексуальный, а женщины с успехом наслаждались любовью многих поклонников и периодически фиксировали в своих дневниках мысли о них. В том числе и о тех, чьи мысли о собственной утонченности и женственности порой оказывались излишне навязчивы. Гомосексуализм уже был в Японии распространенным явлением, и это хотя и не поощрялось, но и не осуждалось открыто. Японцы (и японки!) понимали, что этот путь не самый удачный, а потому давали советы практического свойства (в тех же «Записках у изголовья») по удержанию мужчин, выказывающих слабость к мужеложству: «Молодая жена должна время от времени предлагать ему свой зад для подобного рода сношения. При этом она должна уделять особое внимание своей чистоте и тщательно смазывать себя кремами».

Для абсолютно мужественных хорошая жена, наоборот, должна была находить парочку ободряющих слов, адресуемых не только поэтическим талантам мужа, но и его физическим достоинствам: «Какой же ты мужественный! Какое счастье быть женой такого мужчины!» И еще конкретнее: «...какой он у тебя большой, мой милый! Он гораздо больше, чем у моего отца: я помню, видела его, когда он ходил купаться...»

Мужчины, в том числе буддийские монахи, такое обращение ценили и отдавали должное важности любовных отношений, формируя свои представления об идеальном герое-любовнике следующим образом: «Мужчина, который не

знает толк в любви, будь он хоть семи пядей во лбу, — неполноценен и вызывает такое же чувство, как яшмовый кубок без дна. Это так интересно — бродить, не находя себе места, вымокнув от росы или инея, когда сердце твое, боясь родительских укоров и мирской хулы, не знает и минуты покоя, когда мысли мечутся то туда, то сюда; и за всем этим — спать в одиночестве и ни единой ночи не иметь спокойного сна! При этом, однако, нужно стремиться к тому, чтобы всерьез не потерять голову от любви, чтобы не давать женщине повода считать вас легкой добычей»[12].

Эти слова принадлежат священнику и поэту Кэнко Хоси, автору «Записок от скуки». Его терзания настолько явственны и человечны, что мы и сегодня легко можем представить, каково было жить буддийским монахам в стране божественной любви и секса:

«Ничто не приводит так в смятение людские сердца, как вожделение. Что за глупая штука — человеческое сердце! Вот хотя бы запах — уж на что вещь преходящая, и всем известно, что аромат — это нечто, ненадолго присущее одежде, но, несмотря на это, не что иное, как тончайшие благовония, неизменно волнуют наши сердца».

«Отшельник Кумэ, узрев белизну ног стирающей женщины, лишился, как рассказывают, магической силы. Действительно, когда руки, ноги и нагое тело первозданно красивы своей полнотой, когда нет на них поддельных красок, может, пожалуй, случиться и так.

...Женщина, когда у нее красивы волосы, всегда, по-моему, привлекает взоры людей. Такие вещи, как характер и душевные качества, можно определить и на расстоянии — по одной только манере высказываться.

Иной раз, если представится случай, она может вскружить голову человеку даже каким-нибудь пустяком. Но вообще-то женщина только потому, что в мыслях ее одна лишь любовь, — и спать не спит как следует, и жалеть себя забудет, и даже то, что невозможно снести, переносит терпеливо.

Что же касается природы любовной страсти, поистине глубоки ее корни, далеки источники. Хотя и говорят, что изобилуют страстными желаниями шесть скверн, все их можно возненавидеть и отдалить от себя. Среди всех желаний трудно

преодолеть одно только это заблуждение. Здесь, видно, недалеки друг от друга и старый, и молодой, и мудрый, и глупый.

Поэтому-то и говорится, что веревкой, свитой из женских волос, накрепко свяжешь большого слона, а свистком, вырезанным из подметок обуви, которую носит женщина, наверняка приманишь осеннего оленя.

То, чего следует остерегаться, питая страх, с чем следует быть осмотрительным, и есть это заблуждение»[13].

Это просто чудо какое-то...

Жесткая социальная система древней Японии нередко заставляла людей искать себе пару внутри своего узкого сословного круга, который, в свою очередь, формировался по наследному принципу. Немудрено, что инцест стал в таких условиях довольно обычным делом. Эпизоды, связанные с запрещенной любовью между родственниками, встречаются в написанной после «Гэндзи» «Повести о Нэдзамэ» и в замысловатой «Повести о советнике Хамамацу», где главный герой влюбляется в свою... бабку. Правда, не родную, а мать своего умершего отца, реинкарнировавшегося в Китае в другой семье. Тем не менее у них рождается ребенок — одновременно и сын, и отец героя. Но и это не предел изощренной фантазии японских писателей далеких времен. Один из шедевров позднехэйанской прозы — роман «Торикаэбая моногатари», название которого можно условно перевести как «Повесть о превращениях» или просто «Путаница». В нем рассказывается о том, как в семье одного аристократа росло двое детей, причем мальчик был явно с наклонностями девочки, а девочка соответственно мальчика. Родители мечтали поменять их местами, но XII век не XXI, операций по смене пола тогда, разумеется, еще никто не делал, и родители как могли помогали скрывать противоестественные влечения детей, одевая мальчика «под девочку», а девочку «под мальчика». Желание спрятать от посторонних глаз ненормальное поведение завело в тупик: то, что сначала казалось забавной игрой, стало привычкой, а затем и естественным

для героев стилем жизни (фрагмент подобной истории, хотя и возникшей по совершенно иным причинам, можно увидеть в блокбастере Китано Такэси «Дзатоити»). Не в силах бороться с жизненными обстоятельствами, девушка в мужском обличии поступает на государственную службу и даже делает успешную карьеру, женится (!), после чего происходит естественный срыв: вместе со своей женой героиня беременеет от одного и того же мужчины. Понятное дело, что ее брат, проходящий прямо противоположный жизненный путь, сталкивается с аналогичными проблемами, но как бы вывернутыми наизнанку.

«Торикаэбая моногатари» долгое время считалась одним из самых непристойных сочинений своей эпохи, да и последующих нескольких сотен лет тоже. Буддийские представления о морали, о недопустимости никаких вольностей, в том числе сексуальных, господствовали в обществе довольно долго (мы сейчас не имеем в виду те отклонения, которые проповедовались в упоминавшихся нами маргинальных сектах). Сочиненные примерно в то же время, что и «Повесть о Гэндзи», «Японские легенды о чудесах» («Нихон рёики») подчеркивали недопустимость потакания вожделению со стороны самых обычных жителей Японии, оставляя чувственную сферу для переживаний узкого круга хэйанской аристократии. Буддийский монах Кёкай, составивший «Нихон рёики», просто и понятно — с помощью популярных в народе рассказов о невероятных чудесах — объяснял людям, что похоть — это плохо. Даже названия некоторых из этих легенд говорят сами за себя: «Слово о женщине, наказанной в этой жизни за похоть и за то, что она лишала детей материнской груди». Да и начало у легенды соответствующее: «Ёкоэ-но-оми-Наритодзимэ жила в округе Кага земли Этидзэн. С самого рождения она была похотлива и любила мужчин безо всякого разбору. Она умерла прежде времени»[14]. Четкий расчет на массовую аудиторию и простой пиар-прием не могли не оправдаться: сначала монах говорит имя женщины и ее адрес, что немедленно вызывает доверие слушателей, так как это конкретизирует предстоящий рассказ и автоматически переводит его в плоскость реальных событий. Тут же немедленно — гипербола: «она была похотлива с самого рождения». На фоне

только что проглоченной привязки к местности это явное преувеличение не замечается. Наконец, вбивается последний гвоздь: «умерла раньше времени». Причинно-следственная связь очевидна: была похотлива — умерла раньше времени. Выводы каждый из слушателей сделает сам, хотя предсказать их не будет сложной задачей.

Еще одна легенда, «Слово о похотливом переписчике "Сутры Лотоса", наказанном внезапной и мучительной смертью», так же проста, но содержит более важную и адресную отсылку на буддийский канон, следуя которому можно избавиться от вожделения: «Переписчик сутр Тадзихи был родом из округи Тадзихи земли Кавати. Его называли так, поскольку он происходил из рода Тадзихи. В округе стояла молельня Нонакадо. Некий муж принес обет переписать "Сутру Лотоса" и летом 2-го года эры Драгоценной Черепахи, в шестой луне года Свиньи, пригласил Тадзихи в молельню. Возле молельни собрались женщины, дабы совершить церемонию добавления в тушь освященной воды. Между часом Барана и часом Обезьяны небо покрылось тучами и пошел дождь. Чтобы укрыться от дождя, женщины зашли в молельню и уселись возле переписчика, ибо храм был тесен. Тадзихи сидел на корточках позади одной женщины. Его сердце наполнилось похотью. Но как только он поднял ее одежду и коснулся ее, они умерли, соединенные телами. Женщина умерла с пеной у рта.

Верно говорю — то было возмездие защитников Закона. Даже если пламень похоти и сжигает сердце, негоже пачкаться грязью. Домогания безумца — что мотылек, летящий в огонь. В заповедях говорится: "Скудоумная молодежь распаляется с легкостью, увидев женщину или же разговаривая о ней". В "Сутре Нирваны" говорится об этом: "Если знать истинный смысл любования цветом, звуком, запахом, вкусом и прикосновением, не будешь рад наслаждениям. Трудно обуздать желания. Но предающийся им — что собака, вечно гложущая старую кость"».

Под самый конец эпохи Хэйан и в начале нового, самурайского времени, принесшего Японии отличное от старого понимание многих вещей, в том числе и половой любви, рассказы о чудесах стали чуточку откровеннее и брутальнее.

К таким относятся «Рассказы дайнагона из Удзи», где ясно чувствуется переход от старой — аристократической, хэйанской — морали к новым веяниям:

«И вот дошел до них слух, что в доме одного богача имеется дочь на выданье, воспитанная с большой заботою, и что матушка ищет для нее пригожего жениха.

Родители игрока пустили слух, дескать, их сын, первейший красавец в Поднебесной, желает к ней посвататься.

Богач обрадовался: "Именно такой жених нам и надобен". Вскоре был выбран счастливый день для заключения брачного союза.

Наступила ночь, когда жених должен был в первый раз появиться перед своей нареченной. Его облачили в приличествующие случаю одежды, взятые на время у знакомых, и хотя ярко светила луна, родители позаботились о том, чтобы лицо молодого человека не слишком бросалось в глаза. Сопровождать жениха вызвались приятели, такие же, как и он, игроки, так что с виду все выглядело весьма прилично, как у людей.

С тех пор жених каждую ночь навещал дочь богача, пока не наступило время, когда ему уже полагалось остаться в доме на правах зятя».

Здесь уже и герой — не сиятельный принц, и дальнейшие события, когда жених идет на хитрость, чтобы обмануть невесту, далеки от «высоких» отношений при дворе. И хотя позже еще появляются образцы прозы, в которых изображение сексуальных отношений напоминают «Повесть о Гэндзи», как это происходит, например, в «Непрошеной повести» — «Нидзё», женщина в них оказывается уже не так свободна и мужчина не так женственен: «В ту ночь государь был со мной очень груб, мои тонкие одежды совсем измялись, и в конце концов все свершилось по его воле. А меж тем постепенно стало светать, я смотрела с горечью даже на ясный месяц — мне хотелось бы спрятать луну за тучи! — но, увы, это тоже было не в моей власти...

Увы, против воли
пришлось распустить мне шнурки
исподнего платья —
и каким повлечет потоком
о бесчестье славу дурную?.. —

неотступно думала я. Даже ныне я удивляюсь, что в такие минуты была способна так здраво мыслить... Государь всячески утешал меня.

— В нашем мире любовный союз складывается по-разному, — говорил он, — но наша с тобой связь никогда не прервется... Пусть мы не сможем все ночи проводить вместе, сердце мое все равно будет всегда принадлежать одной тебе безраздельно!

Ночь, короткая, как сон мимолетный, посветлела, ударил рассветный колокол.

— Скоро будет совсем светло... Не стоит смущать людей, оставаясь у тебя слишком долго... — сказал государь, встал и, выходя, промолвил: — Ты, конечно, не слишком опечалена расставанием, но все-таки встань, хотя бы проводи меня на прощание!..

Я и сама подумала, что и впрямь больше нельзя вести себя так неприветливо, встала и вышла, набросив только легкое одеяние поверх моего ночного платья, насквозь промокшего от слез, потому что я плакала всю ночь напролет.

Полная луна клонилась к западу, на восточной стороне неба протянулись полосками облака. Государь был в теплой одежде зеленого цвета на алой подкладке, в сасинуки с гербами, сверху он набросил светло-серое одеяние. Странное дело, в это утро его облик почему-то особенно ярко запечатлелся в моей памяти... "Так вот, стало быть, каков союз женщины и мужчины..." — думала я».

Что ж, время блистательных принцев и поэтесс-невест безвозвратно прошло. Наступило время суровых самураев и женщин, которые их покорно обслуживали, а следом и самое интересное — эпоха веселых горожан со звонкой монетой рё в кармане, вернее, в рукаве кимоно и профессиональных куртизанок, желающих переложить эту монету в свой рукав.

Глава 3
Генитальная простота

Сохраненное сокровенное

За первые несколько сотен лет существования японского государства в вопросах пола, семьи и брака, любовных отношений мужчины и женщины сложилась довольно цельная, но многоплановая картина. Главными штрихами, которые ее характеризовали, стали относительно высокая свобода сексуальных отношений в обществе независимо от его социальных групп, восприятие секса как благодатного, богоугодного дела, хотя и с разными степенями его романтизации (одухотворенности) в различных слоях населения, и усиление нравственного контроля за сексуальной жизнью со стороны крепнущего буддизма, становящегося духовной опорой пришедшего к власти самурайского сословия.

В VIII–XIII веках в Японии была создана масса произведений, донесших до нас аромат той эпохи и сохранивших не только заковыристые любовные сюжеты из жизни высшей знати Киото, но и яркие картинки, сценки, эпизоды из жизни других, менее оторванных от простого народа сословий — монахов, стражников, чиновников. Эту палитру

создали настоящие мастера слова. Благодаря им сегодня мы с вами можем хотя бы частично восстановить облик японского общества, где народ сеял рис, просо, ячмень, ведомый по жизни культами плодородия и поклонения всему, что может быть связано с природой, урожаем, сексом, родами, смертью — с круговоротом жизни. В это же самое время примерно десятитысячная армия аристократов доводила до неземного, эфемерного совершенства идеи высокой любви, зиждившейся на сексуальных отношениях, которые легко было завязать (было бы поэтическое образование) и легко расторгнуть (было бы желание).

Однако уже тогда существовало серьезное отличие «античной», если так можно выразиться, Японии от античной Европы, в которой тоже царили культы плодородия, любви, обнаженной натуры и соития как олицетворения бесконечности жизни. Древняя Япония — не Греция и не Рим. Здесь не строились статуи, не воспевалось ни мужское, ни женское тело, а телесная любовь, оставаясь делом благородным, все же напоминала упражнения по увеличению рождаемости или снятию стресса и не ставилась во главу угла. Романтические отношения оставались романтическими отношениями — но только для избранных, а секс — сексом — для всех. Японцы, в отличие от европейских современников, больше занимались сексом, чем говорили о нем, не видя в нем средство гармонизации личности и мира, как античные греки и латиняне. Почему? Возможно, это как раз и объяснялось влиянием на общество сложного сочетания буддизма с синто, когда естественная, природная, физиологическая тяга к любви, поддержанная языческими культами, оказывалась ограничена буддийской нравственностью. Она не запрещала, да и не могла запретить любовь совсем, но выдавливала ее в физиологическую сферу, когда половой акт становился частью животной жизни наравне с добыванием пищи и отправлением естественных надобностей.

Столь замысловатое развитие любовно-сексуальной сферы скоро претерпело очередное эволюционное изменение, напрямую связанное с изменением социального устройства японского общества. Как и в Греции, в Риме и любом другом государстве, где единственной заботой аристократии

постепенно становилась невыносимая роскошь бытия (пусть и в разном вещественном выражении) и духовная концентрация единственно на нежных чувствах, в древней Японии назрел социальный кризис. В отличие от гламурной Европы он разрешился не внешним воздействием, не завоеванием страны, а причиной внутреннего характера — появлением военного сословия — самураев, подчинивших себе Японию и правивших ею около семисот лет.

Представить себе, что и как именно изменилось в эротической культуре страны с приходом к власти военных, несложно. Как и везде в мире, это означало доминирование мужчины, воина, в данном случае самурая, над выведенной на вторые роли женщиной. Романтические отношения хэйанской эпохи были если не быстро и окончательно забыты, то сохранились лишь в еще более абстрагированном от реальной жизни узком кругу аристократии, которая за несколько лет междоусобных войн, предательств отдельных людей и целых кланов, интриг и заговоров поменялась в своем составе, значительно подрастеряв на этом пути культуру древнего Киото.

Изящную литературу очень скоро сменил суровый самурайский эпос, авторами которого стали мужчины, и редкие исключения лишь подтверждали это правило. Женщина существовала только в двух ипостасях: как жена, хозяйка дома, или как проститутка, предмет физиологического влечения. Культы возвышенной любви и плодородия сменились торжеством любви телесной, простой, незамысловатой — победной любви мужчины с ощущением четкого доминирования одной стороны над другой.

Разумеется, это произошло не сразу — фрагменты трансформации мы уже рассматривали в предыдущей главе, и превращение это было не таким уж однозначным — влияние синто и культуры аристократии падало медленно, но с приходом к власти в самом начале XVII века правительства военного лидера страны сёгуна Токугава Иэясу в вопрос о любви была внесена окончательная ясность. Женщина стала орудием в руках мужчины, и теперь даже рождение дочери рассматривалось как несчастье.

Строго говоря, в первое столетие правления династии Токугава, державшей в своих руках Японию с 1603 по 1868 год,

самураям было явно не до деклараций о положении женщин. Оно, это положение, создавалось само собой — без пиар-поддержки тогдашних мастеров слова, принявшихся за дело лет на сто позже, когда на земле Ямато воцарился прочный мир, а огромная самурайская армия оказалась в положении чиновничьего аппарата с возложением на нее военно-бюрократических функций. В Эдо, нынешнем Токио, в то время уже были сконцентрированы сотни тысяч жителей, он стал одним из крупнейших городов земли, каким остается и сейчас, и не мог остаться в стороне от процесса цивилизации в любовной сфере — в нем появились первые публичные дома, а затем и «публичный город» Ёсивара.

Уже после создания Ёсивары и широкого распространения в мирной Японии книг и повсеместного образования, позволяющего эти книги читать, возникли первые упоминания о своеобразном кодексе поведения японской женщины. Начали издаваться и печатались безостановочно вплоть до XX века в огромном количестве наставления для «благородных женщин из самурайских семейств». Обычно они, точно так же как и наставления самураям, часто именуемые у нас «кодексом Бусидо», после декларирования одной-двух «всеобъемлющих» истин типа «Нет мужчины, кроме хозяина» сразу переходили к обсуждению бытовых аспектов поведения женщины. Жизнь японки была строго расписана и регламентировалась далеко не только теми сферами, где ее могли видеть мужчины. Одно из таких наставлений настоятельно рекомендовало достойным дамам даже во сне выглядеть прилично — спать на спине с вытянутыми вдоль тела руками и выпрямленными ногами — то есть по стойке (или по лёжке?) «смирно». Для облегчения привыкания к такой позиции «новобранкам» рекомендовалось связывать ноги куском полотна: «Японская женщина не теряет своего достоинства даже во сне: скромная, благовоспитанная, она спит в красивой позе, лежа на спине со сложенными вместе ногами и вытянутыми вдоль тела руками». За пределами Японии такое средневеково-самурайское представление о достоинствах женщины и сегодня имеет успех в определенных кругах населения. Не иначе как влиянием «Домостроя» и его сходством с японскими средневековыми

кодексами поведения женщин только и возможно объяснить взгляды отдельных русских, которые, как и японские феодальные ортодоксы, считают, что показателем достоинства и благовоспитанности женщины является ее положение во сне. Хорошо было бы, если бы они, как советский писатель Борис Пильняк, понимали, что это — сугубо мужской взгляд на женщину: «Ярчайше выражен в Японии мир мужской половой культуры. Мораль и быт японского народа указывают, что женщина никогда не принадлежит себе: родившись, она есть собственность отца, потом мужа, потом старшего сына. И та женщина, судьба которой судила ей быть матерью, — есть только мать, ибо священнейшее у японского народа — дети. Она не должна крикнуть при родах, — на свадьбе родители ей дарят нож и икру, — икру, чтобы она плодилась, как рыба, — нож, чтобы она знала подчинение мужу, путь от которого — ножом — в смерть. А в те дни, когда она беременна, она ведет мужа в Иосивару»[15].

Однако даже подобные экзотические способы внешнего воздействия на женщину не идут ни в какое сравнение с методами морального воздействия на нее. Женщина в самурайском обществе должна была быть вписана в него с четко определенной ролью, функцией и мотивацией отношений с ней. Поскольку основная роль женщины в любом обществе — это любовь и деторождение, а самурайская идеология зиждилась на японской трактовке конфуцианских понятий верности господину, то и женщину самураи втиснули в прокрустово ложе токугавской идеологии. Ей не отводилось место даже в разделе «Проявление чувств» одной из главной книг той эпохи «Будо Сёсинсю» — речь там шла исключительно о проявлении чувств верности вассала к своему господину, а не о любви представителей разных полов. В другом, известном всему миру строкой «Я постиг, что Путь самурая — это смерть», трактате «Хагакурэ» давалось более подробное объяснение этому. Женщина вспоминается в «Хагакурэ» как пример — сначала ради того, чтобы посетовать на падающую мужественность самураев, а потом и вовсе в довольно запутанных рассуждениях о... гомосексуализме.

Между прочим, было бы в корне неправильно называть всех самураев гомосексуалистами, как делают это иной раз

современные любители Японии. Воин в прошлом, ставший монахом, автор «Хагакурэ» Ямамото Цунэтомо в своем труде лишь подчеркивает бисексуальную природу самурайской любви, которая, по Ямамото, делится на романтическую и физиологическую («истинная любовь») — к старшему наставнику и исключительно физиологическую (ради продолжения рода) — к собственной жене, спящей «смирно». Получается, что настоящая любовь лишь та, которая сочетает в себе целый ряд качеств, и важнейшее из них, по мнению самурайского идеолога, верность. Когда верность объединяется с половым влечением, возникает любовь. К кому? К старшему самураю — больше просто не к кому. Сейчас, когда эпоха этих воинов безвозвратно канула в лету, кого поставят японцы на их место? Никого! Было бы смешно и глупо призывать клерков японских компаний к романтическим чувствам в адрес их начальников отделов и президента фирмы, хотя и такие случаи мне известны. А вот аспект любви, связанный с выполнением долга в семье, и сегодня остался неизменным, и это принципиально важно для понимания сегодняшних отношений японцев в семье. Отголоски времен, когда половая любовь между супругами была лишь выполнением супружеского долга в полном смысле этого слова, все еще очень сильны в современной Японии.

Во втором свитке «Хагакурэ» Ямамото Цунэтомо открыто рассуждает о другом важнейшем аспекте истинной, с его точки зрения, любви — о любви тайной, безотносительно того, кому она адресована — мужчине или женщине: «Я верю, что высшая любовь — это тайная любовь. Будучи однажды облеченной в слова, любовь теряет свое достоинство. Всю жизнь тосковать по возлюбленному и умереть от неразделенной любви, ни разу не произнеся его имени, — вот в чем подлинный смысл любви». Из этих слов бывшего самурая сочится причудливая смесь романтических представлений о любви хэйанских времен с молчаливой воинской эстетикой дзэн-буддизма. Любить и страдать, страдать и молчать, любить, молча и страдая, умереть, не открыв никому, прежде всего предмету своей любви, чувства, — вот высшая степень самурайской любви, ее идеал и полная бессмыслица и выхолащивание отношений с точки зрения европейца, ибо

такая концепция для людей христианской морали не просто бессмысленна, но порочна и греховна по своей сути. Даже оставив в стороне голубой отблеск такой любви, приходится констатировать, что, если истинная любовь может быть только тайной, отношения между любовниками изначально обречены на неудачу, на провал — опять же по понятиям европейцев. Следовательно, оба — и мужчина, и женщина — обречены (снова употребим этот термин, ибо иначе не скажешь) на холодные отношения в семье, создать которую велит долг, а не чувство, на ограниченное, формальное общение в ней или отсутствие этого общения совсем, на детей, которые будут воспитываться в строгости и в любви исходя из чувства долга, на необходимые в такой ситуации измены — хотя бы для того, чтобы элементарно «выпустить пар». Но отношение к изменам мужчин и женщин при этом складывается диаметрально противоположное, что характерно и для христианского мира. Исходя из маскулинной самурайской логики, несложно понять, какое именно. Вот показательная история, рассказанная Ямамото:

«Один человек проходил через город Яэ, когда у него неожиданно заболел живот. Он остановился у дома в переулке и попросил разрешения воспользоваться уборной. В доме оказалась только молодая женщина, но она повела его во двор и показала, где находится туалет. Когда он снял хакама* и собирался оправиться, неожиданно вернулся муж молодой женщины и обвинил их в прелюбодеянии. В конце концов их дело рассматривалось в суде.

Господин Наосигэ услышал об этом и сказал:

— Даже если этот человек не думал о прелюбодеянии, он совершил не меньшее преступление, когда не раздумывая снял хакама в присутствии женщины. Женщина же совершила преступление, поскольку позволила незнакомцу раздеваться, когда в доме не было мужа. Говорят, что они оба были приговорены к смерти»[16].

Основы такого воспитания женщин закладывались с самого начала их жизни: «Главное в воспитании девочек — с детских лет прививать им целомудрие. Девочка не должна

---

* Широкие штаны, внешне напоминающие юбку.

подходить в мужчине ближе чем на два метра, смотреть ему в глаза и брать вещи из его рук. Она не должна ходить на прогулки и посещать храмы. Если она получит строгое воспитание и будет много страдать в родительском доме, ей не на что будет жаловаться, когда она выйдет замуж». Вот так: страдать надо с детства, тогда не на что будет жаловаться — ни больше ни меньше.

Сокрытое в свежей листве

По иронии судьбы существует странное для нас на фоне описанных только что представлений о любви объяснение названия труда Ямамото — «Хагакурэ». По-японски оно означит «сокрытое в листве», и есть предположение, что фраза эта взята из стихотворения монаха Сайгё:

В нескольких дрожащих лепестках,
Сокрытых среди листьев,
Как сильно я чувствую
Присутствие той,
По ком втайне тоскую!

Если это так, то типичный образец романтической лирики подарил название образчику самурайского трактата о морали, радикально отличающейся от морали аристократов древней Японии, хотя что-то общее между ними, конечно же, есть.

«Хагакурэ» написано примерно в 1710 году, во времена расцвета токугавской Японии — мощного и стройного государства, идеалы которого во многом легли в основу Японии современной. В том числе и идеалы, связанные со сферой человеческих чувств и переживаний. Спустя 250 лет у Ямамомото Цунэтомо, известного также под своим монашеским именем Дзётё, появился гениальный последователь, развивший и отшлифовавший его теорию до предела, поддержавший ее своей репутацией талантливого писателя, проживший и умерший в соответствии со своим представлением о «Хагакурэ». Речь идет о знаменитом писателе Мисима Юкио, ставшем культовым автором в постсоветской России с легкой

руки замечательного переводчика Григория Чхартишвили. Помимо собственных романов, пьес и эссе, Мисима написал еще обширные комментарии к своей любимой книге — «Хагакурэ», названные им «Хагакурэ Нюмон» — «Введение в Хагакурэ», ценные для нас тем, что противоречивые отношения любви, секса и страсти оцениваются там с точки зрения японца почти наших дней (Мисима погиб в 1970 году).

Писатель называл характеристику самурайской любви, данную Ямамото, «последовательной теорией романтической любви» и снова и снова возвращался к тезису о «тайной любви», которая теряет свои достоинства, как только становится высказанной. Сознательно или нет, Мисима гиперболизировал даосские представления о сексуальной энергии, утверждая, что «любовный трепет угасает в момент передачи» сексуальной энергии, которую, по его мнению, можно только накапливать в себе, но нельзя транслировать вовне. Логично, что высшим идеалом в таком случае является любовь, которую человек уносит с собой в могилу, и это полностью согласуется с теориями Ямамото. Пылкий консерватор, Мисима открыто выражал недовольство «распущенностью» молодежи, что сегодня звучит довольно забавно, учитывая, что молодежь середины XX века уже вовсе не представляется нам такой сексуально раскрепощенной, какой ее видел японский писатель. Но что самое удивительное, Мисима сетовал на то, что у этой «распущенной» молодежи в сердцах «не осталось больше места для того, что мы называем романтической любовью». Непонятно, кого имел в виду Мисима под местоимением «мы», но он явно считал, что современная прямолинейность в достижении своих романтических целей ведет к угасанию любви и неспособности любить. Оставим это мнение на совести у классика японской литературы, но еще раз задумаемся: а ведет ли к развитию способности любить путь, указанный Ямамото и поддержанный Мисимой: страдать, молчать, умереть?

Кажется, что и сам Мисима понимал, что тут что-то не так, и писал, жалуясь, как почитавшийся им старый монах, на современную молодежь, что в былые времена люди умели находить «золотую середину» между «романтической любовью и сексуальным желанием»: «Молодые люди поступали в университет, и их друзья-старшекурсники вели

их в публичный дом, где они учились удовлетворять вожделение. Но в то же время эти молодые люди не осмеливались прикоснуться к женщине, которую подлинно любили. Таким образом, любовь в довоенной Японии не исключала проституции, но в то же время сохраняла старые "пуританские" традиции. Как только мы признаём существование романтической любви, мы понимаем, что у мужчин должна быть возможность удовлетворять плотские желания. Без этого подлинная любовь невозможна. В этом трагическая сторона мужской физиологии».

Комментарий Мисимы к «Хагакурэ» становится гениальным в своей простоте объяснением современного сексуального поведения японских мужчин, и объяснением вполне достоверным, несмотря на то что в завершение его Мисима, всю жизнь влекомый идеей смерти, резюмировал, привязываясь к своей любимой теме: «Романтическая любовь черпает свою силу из смерти. Человек должен умереть за свою любовь, и поэтому смерть очищает любовь и делает ее трепетной. "Хагакурэ" говорит, что это идеальная любовь». Интересно, что Мисима, взгляды которого можно с полным правом назвать националистическими, чтобы подтвердить свою теорию о смерти как высшей стадии любви, цитирует знаменитого американского японоведа Дональда Кина: «Когда влюбленные принимают решение стать на митиюки, на путь смерти, их слова начинают звучать яснее, и сами эти люди, кажется, становятся выше ростом».

Мисима рассуждает о романтической любви и, как многие японцы, увлеченные ортодоксальными самурайскими трактатами, но живущие в реальном современном обществе, сам себя загоняет в тупик, говоря о том, что любовники нынче утратили силу бороться с обстоятельствами. Но ведь если любовникам надо бороться за свою любовь, значит, они хотят ее как-то реализовать, высказать? Или они борются за то, чтобы молчать и ни в чем не сознаваться? Любовники путаются вслед за автором: «...юноша не находит радости в том, чтобы завоевать свою возлюбленную, и не грустит, если это ему не удалось. Это и не удивительно, ведь ему не доступен широкий спектр человеческих эмоций и способность идеализировать объект своей страсти. В результате объект тоже теряет досто-

инство. Любовь относительна, и, если достоинства одной личности умаляются, в равной мере умаляются и достоинства другой. По всему Токио в наши дни процветают любовные романы пигмеев». На мои просьбы нескольким современным японцам прокомментировать этот фрагмент те предложили поменьше размышлять и принимать все как есть...

Еще одна ценность комментариев Мисимы к «Хагакурэ» применительно к теме нашей книги состоит в том, что он рассуждает о так называемой философии любви, довольно точно оформляя ее терминами и понятиями: «У японцев есть традиция романтической любви и специальное обозначение для этой любви (рэнъай). В старой Японии любовь (ай) была почти неизвестна. В те времена люди знали только страсть, в которой преобладали сексуальные устремления (кои)».

На Западе же со времен Древней Греции принято проводить различие между эросом (сексуальной любовью) и агапе (божественной любовью). Эрос вначале рассматривался как плотское желание, но постепенно приобрел более широкое значение и вошел в сферу платоновских идей — то есть сущностей, постигаемых только разумом. Агапе — это духовная любовь, полностью отделенная от плотского желания. Именно агапе впоследствии стало основным источником христианской любви.

В соответствии с европейскими традициями эрос и агапе всегда считались противоположными. Поклонение перед женщиной у средневекового рыцарства имело в своей основе культ Девы Марии (эрос), но верно также и то, что высший идеал рыцарской любви — агапе и полная свобода от эроса.

Считается, что современный европейский идеал патриотизма также имеет в своей основе агапе. Между тем мы без преувеличения можем сказать, что в Японии нет такого понятия, как любовь к родине, равно как и нет такого понятия, как любовь к женщине. В основе духовного мира японцев эрос и агапе слиты воедино. Когда любовь к женщине или молодому человеку чиста и целомудренна, она ничем не отличается от преданности самурая его господину. Это представление о любви без различия между эросом и агапе в конце эпохи Токугава было названо «любовью к императорской семье» (рэнкэцу-но дзё) и положено в основу поклонения императору.

После войны императорская система правления отошла в прошлое, но это не означает, что вместе с ней из духовного мира японцев ушло представление о подлинной любви. Оно основывается на твердой убежденности, что все исходящее из глубины сердца образует идеал, к которому следует стремиться и за который, если потребуется, следует умереть. На этом основывается философия любви «Хагакурэ». Дзётё приводит в качестве примера любовь мужчины к другому мужчине — любовь, которая раньше считалась более возвышенной и духовной, нежели любовь мужчины к женщине. Далее Дзётё утверждает, что эта самая подлинная и чистая разновидность любви у самурая перерастает в преданность господину и поклонение ему.

Прав или нет был Мисима, утверждая, что в Японии нет такого понятия, как «любовь к женщине», но согласитесь: такой взгляд на проблему — страшный шок для европейца, для которого любовь — есть!

Веселые парни из веселых кварталов

«...Прежде всего, возраст — от пятнадцати до восемнадцати. Лицо, как велит современный вкус, довольно округлое, нежно-розового цвета, подобного лепестку вишни. Черты лица без малейшего недостатка. Глаза с узким разрезом не годятся. Брови непременно густые. Переносице не следует быть слишком узкой, а линия носа должна повышаться плавно. Ротик маленький, зубы ровные, белые. Уши продолговатые, мочки тонкие, чтобы сквозили до самого корня и не прилегали плотно к голове. Очертания лба не должны быть искусственными, пусть волосы растут на нем так, как от природы положено. Шея стройная, и чтобы пряди из прически сзади не выбивались. Пальцы нежные длинные, ногти тонкие...

Большие пальцы на ногах должны отгибаться в сторону, кожа на пятках прозрачная. Талия длиннее обыкновенного, бедра крепкие, не мясистые, задок пухлый. Манеры грациозные, речь приятная. Должна уметь носить платье с изя-

ществом, вид иметь благородный, нрав тихий. Сверх того, ей надлежит иметь познания во всех изящных искусствах, которые приличествуют даме. И чтоб на ее теле не было ни единого родимого пятнышка!..»[17]

Запомните это классическое определение канонов красоты японской женщины, данное в XVII веке главным глашатаем японского эротизма, писателем, новеллистом, знатоком женских достоинств и нравов «веселых кварталов», автором «Повести о Гэнгобэе, много любившем», «Повести о пяти женщинах, предавшихся любви» и «Истории любовных похождений одинокой женщины» Ихара Сайкаку. Крупнейший автор позднего японского Средневековья, Ихара писал на многие темы — его справедливо называют создателем неформальных учебников житейской мудрости для своих современников. Ихара Сайкаку немало занимался морализаторством, рассказывал простым и доступным языком о конфуцианских и буддийских канонах, но все же сказать, что только этим он сохранился в памяти народа, — сильно покривить душой. Это знали и современники писателя: спустя восемь лет после смерти Сайкаку вышел роман Мияконо Нисики, в котором знаменитый новеллист попадал в буддийский ад: за «великий грех, что писал чудовищные небылицы про людей, с которыми не был знаком, так, будто это сущая правда». Ихара Сайкаку мастерски владел тем, что спустя триста лет русский писатель Борис Акунин назвал «главным фокусом» профессии литератора: «Как можно правдоподобнее врать о том, что могло бы случиться, но чего на самом деле не было». Что ж, попробуем разобраться, за что именно писателя поместили в ад его современники.

Ихара Сайкаку стал первым и самым известным «певцом изменчивого мира» — автором многочисленных рассказов об этом самом мире (укиё), визуальным выражением которого стали появившиеся и мгновенно получившие широкое распространение гравюры укиё-э. Те самые гравюры, которые совершили переворот в середине XIX века в головах европейских художников и одной из главных тем которых стало отражение простой и незатейливой жизни простых горожан: ремесленников и купцов, небогатых самураев и ронинов*,

* Ронин — самурай, оставшийся без хозяина, «перекати-поле».

жаждавших не только, а может быть, и не столько достижения высот самосовершенствования, сколько незатейливых наслаждений и удовольствий. Само собой, что одно из главных таких удовольствий поджидало горожан в распространившихся по всей стране кварталах веселого времяпрепровождения с красивыми девушками — как их еще называли, «кварталах ив и цветов».

Ихара стал идеологом плотской любви средневековой Японии, его взгляды, порой весьма парадоксальные, с одной стороны, отражали окончательно оформившееся в самурайском обществе отношение к женщине и сексу, а с другой — сами стали чем-то вроде незыблемых истин, ссылаясь на которые сегодня можно понять многое из того, что служит основой гендерных отношений современной Японии. Увы, изучая их, европейский читатель снова и снова вынужден разочаровываться: самураи — не рыцари в нашем привычном понимании этого слова, ибо одна из главных составляющих рыцарства со времен короля Артура и сэра Ланселота — любовь к женщине и преклонение перед ней. Как в таком случае должны были быть удивлены первые европейцы, попавшие в Японию и относившие самураев по общественной значимости к рыцарям, узнав сформулированные Ихара Сайкаку нормы обращения с женщиной! Когда читаешь его книги, помимо дополнительных, простодушно-цинично прописанных элементов красоты вроде Девяти достоинств женщины (красивые руки, ноги, глаза, рот, голова, хороший нрав, цвет лица, голос, фигура), напоминающих оценку лошади цыганом, — и даже хороший нрав точно так же учитывается, поражает то и дело проглядывающее презрение к женщине и страх перед ней. Вот в «Повести о Сэйдзиро из Химэдзи» проскальзывает «оговорочка по Фрейду»: «...пряди черных волос свились в толстый жгут, которым можно укротить и ревнивую женщину»*, а в «Повести о зеленщике, сгубившем ростки любви» Ихара

---

* Олицетворением ревнивой женщины в японской традиции являются рога. В ревности женщина напоминает разгневанного рогатого демона Хання, а во время свадебной церемонии японской невесте набрасывают на небольшие рожки, венчающие прическу, специальный белый «колпак, скрывающий рога» — цунокакуси.

эмоционально восклицает, отбрасывая сужающий эпитет «ревнивая»: «Поистине, нет на свете существа страшнее женщины! <...> Женщина не годится ни в оборотни, ни во вдовы — не выдержит до конца! И если мужчина даже троих или пятерых жен поубивал, а после этого опять взял себе новую — это не должно считаться преступлением!»

В творчестве Ихара Сайкаку, знаменитого певца «веселых кварталов», для европейского читателя совсем не много веселья. Его высказывания о женщине и любви сильно напоминают тезисы популярного в Японии средневекового китайского поэта Су Дун-по, говорившего, что «...плотская страсть между мужчиной и женщиной сводится к тому, чтобы обнимать безобразные тела друг друга». Согласитесь, как далеко это от возвышенной романтики женской прозы эпохи Хэйан, от свободных «ночных» отношений и романтического обмена изысканными стихами и как близко к нашей современности, выраженной словами Иосифа Бродского «Дева тешит до известного предела: дальше локтя не пойдешь или колена...»!

Новое — самурайское — время диктовало Японии новые законы, и Ихара как будто с маниакальным упорством снова и снова заклинал современников: «И на прекрасную женщину, и на прекрасный вид долго смотреть надоедает...» Шутил? Вполне возможно. Но в его «шутках» есть большая доля правды и результаты внимательного наблюдения за бытовой стороной жизни — презираемой ранее, но важной теперь: «Так и жена бывает хороша, пока она, еще смущаясь присутствием своего мужа, следит за своей наружностью... А уж когда родится ребенок, она и вовсе не думает о том, чтобы нравиться своему мужу. Да, скажешь невольно: женщина — пренеприятнейшее существо! Но без нее не проживешь на свете...»

Сохранилось ли такое восприятие женщины сейчас? Скорее нет, чем да. Психологическая готовность японцев перестраиваться в своих понятиях и воспринимать очень разные оттенки любви, интимной жизни и вообще отношения к слабому полу позволяют им сравнительно легко адаптироваться к самым разным взглядам на проблему. Современные образованные японцы клянутся в любви к русской литературе, а ведь в «Гранатовом браслете» русский классик писал

о совершенно ином отношении к женщине: «Почти каждая женщина способна в любви на самый высокий героизм... Для нее, если она любит, любовь заключает весь смысл жизни — всю вселенную». Но разумеется, двести лет назад в Японии не было иных вариантов, кроме «Нет существа более слабого душевно, чем женщина!». И наверняка русскую литературу XIX века средневековые японцы сочли бы извращенческой. Что еще раз напоминает нам о том, что многое в мире относительно...

Лишь одно привлекает героев Ихара в женщине — плотская любовь. Вернее, их самих она, возможно, и отталкивает, но отрицать необходимость ее автор не в силах: «Трудно для женщины забыть о женской любви...» Естественно — ведь любовь и секс в Японии — это то, чему учили боги при помощи трясогузок: «С самой древности, с века богов, птицы, познавшие тайны любви, учат науке страсти. Потому и нет конца проказам мужчин и женщин». Раз нет конца «проказам», нет конца и жизни. Ихара это прекрасно понимает, и, критикуя за распущенность буддийских монахов (их критиковали все и всегда), за легкомыслие неверных мужей, вынуждаемых на неверность неряшливыми и ревнивыми женами, он снова и снова описывает нравы «веселых кварталов», морализирует на тему неизбежности секса и необходимости при этом смотреть на женщину как на недостойное даже этого секса существо, как будто доказывая от противного бессмысленность и никчемность любви.

Для его современников, живших в военно-полицейском государстве периода становления династии Токугава, фактически в тоталитарной стране, проза Ихара Сайкаку тоже была шокирующей — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Неоконфуцианские нормы морали, мощная национальная идея, всеобъемлющий полицейский аппарат не способствовали слишком уж неприкрытому вербальному выражению плотских мечтаний и «материализации чувственных идей». Поэтому никакой вопиющей откровенности, никакой порнографии в книгах Ихара мы не найдем. Их там и не могло быть, достаточно того, что он вообще писал о «веселых кварталах» — о той сфере человеческой жизнедеятельности, которая в любой другой стране с аналогичными

исходными условиями могла бы существовать только в подполье. В любой — кроме Японии.

По масштабам всемирной истории описываемый период продолжался мгновенье — около ста лет. Неизбежный откат к более мягким условиям существования, к более либеральным ценностям пришел очень скоро и был связан с укреплением экономической базы Японии (на осакской бирже в то время уже вовсю шли фьючерсные торги, а значит, существовали и богатые бездельники-буржуа!). Самураи все больше становились бюрократами, и книги вроде исследованного нами «Хагакурэ», взывая к примеру стойких воинов прошлого, подчеркивали опасность разрушения суровых морально-нравственных норм, характерных для основанного на дзэн-буддийском взгляде на мир менталитета военного сословия. Разрушение это было неизбежным и эволюционным. На смену минималистской военной культуре, от которой современная Япония приобрела чайную церемонию, исходные школы боевых искусств да элементы формирования национального мировоззрения, пришла новая городская культура, мостик от которой вторым концом упирался уже в «новое время» — в XIX век.

Помимо новеллиста Ихара Сайкаку в Японии новых времен появились и другие «столпы» культуры: драматург Тикамацу Мондзаэмон, романист Бакин, гении очаровавшей позже весь мир поэзии хайку Басё, Буссон и Исса, художники Хокусай, Хиросигэ, Утамаро. В японский быт начали входить предметы роскоши, недоступные в военные времена: дорогие ткани и наряды из шелка и парчи, косметика, цветы, керамика. И если самурай, в философском смысле сориентированный на идеи об иллюзорности мгновенья, реинкарнации, бренности всего живого, должен был думать в первую очередь о смерти, то горожане, безусловно знакомые с теми же самыми заповедями, могли себе позволить воспринимать их с точностью до наоборот. Раз жизнь бренна и иллюзорна, значит, есть все резоны посвятить ее сиюминутным удовольствиям, едва ли не главное из которых — секс. Умрешь завтра? Люби сегодня! Этот по-дзэнски простой и логичный тезис средневековых японцев действует и сейчас в головах наших современников — с той же эффективностью.

Благодаря такому посылу проза Ихара Сайкаку, как и драмы Тикамацу Мондзаэмона, быстро стали популярными и породили множество подражаний, во время создания которых японцы все чаще открыто высказывали свое вполне одобрительное мнение о пороках и излишествах, в корне расходящееся с официальной версией об их недопустимости. Все больше людей кисти — поэтов и художников — принимались за описание нравов «веселых кварталов» и их жителей, чаще — жительниц, делая себе на этом имя и деньги — произведения на эту тему пользовались огромной популярностью в народе. Появились книги о быте куртизанок из эдоской Ёсивары и киотской Симабары, сборники песен жриц любви, начали создаваться гравюры укиё-э, где они были одними из главных действующих лиц наряду с героями прошлого, борцами сумо и такими порождениями городского быта, как актеры театра кабуки. Искусство всегда шло рука об руку с эротикой, черпая вдохновение в чувственных наслаждениях. Легкая кисть Ихара Сайкаку дала жизнь новому герою времени Эдо — проститутке, а следом и гейше. О последних разговор еще впереди, а пока куртизанка из Ёсивары постепенно выходила из рамок образа «продажной женщины», заметно отличаясь при этом и от женщины-жены, и даже от романтической возлюбленной. Как ни парадоксально, но куртизанку, в отличие от них, почти не за что было упрекнуть — она, как и самурай, находилась на службе. Ее обязанности по сравнению с обязанностями жены оказались довольно узки и ограничены предоставлением мужчине сексуального наслаждения. Если при этом возникало высокое чувство, то отношения проститутки и клиента почти автоматически переводились в область романтики — в лучших традициях хорошо знакомой нам прозы Хэйан. Литература тех лет полнится драмами, повествующими о несчастной любви клиента к гетере, о двойных самоубийствах на этой почве. Более того, подобные самоубийства, до сих пор случающиеся в Японии, в XVIII веке стали так популярны, что военное правительство сёгуна издало специальный декрет об их запрещении.

Так что пока Ихара Сайкаку критиковал всех женщин, те разделились на жен и куртизанок, и их судьбы стали в корне различны, а значит, кардинально разнилось и отношение

к ним мужчин. Основные требования к жене при этом остались прежними, и секс — вне функции деторождения, как и раньше, — акцентированно не входил в сферу ее компетенции. Зато возникла отличная возможность удовлетворять свои инстинкты законным образом — в гостях у проститутки — юдзё или дзёро. Семейная жизнь и секс оказались разделены даже географически. Опасаясь разложения нравственности и желая контролировать сексуальный бизнес (раз уж с ним бессмысленно было бороться), правительство официально оформило «веселые кварталы» и по возможности вынесло их за пределы центров городов, окружая заодно рвами с водой, ставя охрану и вывешивая график работы. Собственно, именно так и образовались два самых известных квартала куртизанок: Ёсивара в Эдо и Симабара в Киото.

Живший в XVIII веке талантливый и находившийся в весьма натянутых отношениях с властями сёгуната писатель и ученый Хирага Гэннай в книжечке с показательным, совсем не самурайским названием «Похождения весельчака Сидокэна» оставил нам краткий путеводитель по подобным кварталам, разбросанным по всей стране. Герой Хирага — типичный горожанин «весельчак Сидокэн» рассказывает о человеке по имени Асаносин, совершившем чудесное путешествие с помощью волшебного веера и увидевшем то, что остальным не увидеть и за всю жизнь. Описание его странствий изобилует двусмысленностями, которые можно понять, только глубоко зная исторический контекст и японский язык. Желая оградить нашего читателя от лишней и не столь важной для него информации, скажем только, что нижеследующий отрывок посвящен описаниям различных кварталов увеселений по всей Японии, и кто бы там ни упоминался — «горные кошки» или оборотни, — все это лишь разные названия местных гетер, обилию способов привлечения клиентов и разнообразию привычек которых мы можем только удивляться сегодня. Здесь и «приходилки», и «девы с веслами», и те самые «горные кошки», промышлявшие в непосредственной близости от буддийских и синтоистских храмов, и те, кто «дают лежа или стоя в зависимости от оплаты». Впрочем, судите сами:

«После столь сумбурных и двусмысленных речей Асаносин осмотрелся вокруг и растерялся: соблазнительно зазывающие

фонари, стук деревянных гэта, светильники за решетками ярче, чем днем, высвечивают вышитые узоры на платьях девушек; одни, вытянув пальчики к пепельницам, пускают клубы дыма в сторону своего ненаглядного, другие сочиняют любовные послания, причем беспорядочные пряди волос рассыпаются по белоснежным их воротникам, а невнятные речи, когда они перешептываются с соседками, очаровывают сердца. Привлекающие к себе сердца мужчин мелодии сямисэна, пусть порой и казались излишне шумными, поднимали настроение настолько, что переставали казаться причастными к миру людей. "Уж не небесные ли это девы, чьим облакам ветры заслонили путь?" — подумал он. Куда бы он ни обращал свой взор, ему не попадалось на глаза ничего безобразного, но когда ему хотелось на чем-то взгляд остановить, то ничему не мог отдать предпочтение. Устав бесцельно на все таращиться, он решил метнуть копье наугад. Чтобы внести в регистрационную книгу все союзы, что за одну ночь заключают эти девушки, даже богам из Идзумо пришлось бы как следует потрудиться!

Но все эти предварительные развлечения, забавы в спальных покоях, лукавые обманы, тайные планы, хитрые уловки известны с глубокой древности — о них не стоит даже говорить. Встретиться с девушкой во второй раз называется "восстановить первоначальную основу": это выражение пришло из жаргона гончаров. "Сменить седло" означает "торговать своим телом в другом месте", и, по-видимому, это выражение восходит к глубокой древности, поскольку очень уж напоминает высказывания Бо Ли, китайского оценщика лошадей. От второй встречи к третьей, от пятой — к седьмой, и с каждым разом становится все интереснее и интереснее. <...> Того же, кто проник в тайны веселых кварталов, называют "щеголем" или "знатоком".

"Да, — подумал Асаносин, — до чего же прав был Тикамацу: продажные девки и бамбуковые трубки особенно хороши, пока они зеленые!" Он перестал бывать в Ёсивара и, желая позабавиться с мальчиками, направился в квартал Сакаи. Это уже был совершенно иной мир, но обладающий своим особым изяществом. На фонарях, которые несут мальчики-служки, видны гербы знаменитых актеров, от дуно-

вения любовного ветра колышутся широкие рукава хаори. Очаровательная фиолетовая шапочка-эбоси просвечивается сквозь плетеные корзины на головах: этот цвет свидетельствует о своеобразном праве выступать на сцене. Вкусы у людей столь же разные, как и их лица. Есть совсем юные, но есть и взрослые: и каждый может подыскать себе партнера по нраву. Некоторым уже за сорок, и на щеках их виден синеватый отблеск от сбритой щетины. Но они-то особенно и ценятся знатоками любовных дел: в них есть настоящая закваска, хотя зрелые бамбуковые стволы уступают по вкусу нежным молодым побегам!

...Можно еще отправиться к несравненному храму Хатимана в Итигая, или сорвать рано распустившийся цветок сливы вблизи святилища Амамицугами, либо насладиться постелью в квартале Кодзимати. От моста Добаси, где не встретишь "привкуса земли", — в Хитоцумэ. Там водятся одноглазые "горные кошки", как часто называют оборотней.

...Но стоит свернуть в изящный район Синагава, и сразу покажется, что имеешь дело со стражниками на перекрестках Острова Женщин. А обманчивые вывески на побережье в Арисо... А своенравные кокетки из Фукагава после нескольких встреч становятся податливыми, как ячменные тянучки-амэ. Редька в квартале Дайконбатакэ — на Редьковом Поле — мягкая и не пристает к зубам, но тот, кто живет там долго, уже не ощущает возбуждающего действия пилюль дзио.

...В квартале Отоба разносятся пронзительные звуки сямисэна... Проведи в беседах всю ночь в квартале Бессонницы — Нэдзу, а когда заалеет восток, отправляйся из Акаги в чащу поблуждать во мраке, потом — в Такаинари, где громко раздаются шаги прихожан. Затем от лис Айкё-Инари — к оборотням в квартале Итибэй. От холодного неба над водами Ледяной Реки, дрожа, пройди до квартала Добо, потом загляни в Маруяма, где девушки спят не раздеваясь, пройдись к длинному-предлинному Новому Большому Мосту, тридцать три пролета которого напоминают о долгой страсти. А потом остановись в гостинице Наосукэ, полюбуйся отплывающими и приплывающими лодками в Ирибунэ — Квартале Приплывающих Лодок, послушай в Исиба мелодии "цукуда";

пообщайся с "неваляшками", которые, упав, снова поднимаются, со знаменитыми "лысыми красотками", что дают и стоя и лежа, в зависимости от оплаты. И хотя в "лодочных пампушках" не найдешь фасолевого мармелада, а у "ночных соколих" нет крыльев, но, подобно тому как "коршун стремится в небо, а рыба любит танцевать на глубине", всякий отыщет то, что ему по вкусу.

Полностью обозрев все эти достопримечательные места Эдо, решил Асаносин поискать удовольствий в других провинциях. <...> Чтобы развеять дорожную грусть, прибегал к "траве забвения": служанки-"приходилки" в тавернах, чьи закопченные лица покрыты белой мазью, на семь частей состоящей из порошка кудзу и лапши, наведенные румянами круги на щеках... А называют этих женщин из придорожных таверн "приходилками" по следующей причине: когда путник останавливается в таком доме и уже не в силах сдерживать тоску, он говорит: "Приходи сегодня вечером, составишь мне компанию!" — и они тайком приходят к нему в постель. Вот поэтому-то таких девушек и называют "приходилками"!

...Помимо Канагава, Оисо, Гою, Акасака, Окадзаки, Нитёмати, Фуруити, Ямада он побывал в Урага, Симода, Тоба, Анори, Нагасима, Танабэ, ненадолго присел в Инами, задержался в Када, где у порогов дома стоят весла, и, наконец, прибыл в Симабара, самую знаменитую из многочисленных бухт любви в столице цветов, у входа в которую цветы сакуры смешиваются с листьями ивы. Затем вкусил в Гионе любовные ароматы в квартале Миягава, позволил опутать себя в Наватэ — квартале Опутывающих Рук, побывал в квартале Каменных Оград — Исигаки, где дают твердые, как камень, обещания встречи в очередной праздник, затем посетил новые кварталы Домашних Владений в Утино, где не чувствуешь себя как дома, направился к Семи Домам в Китано, куда входят с шумом, а потом в чаще устраивают тайные свидания в "светлячковых домиках", где влюбляются без слез, а девичьи задницы обжигают, как огонь. Когда же начинало смеркаться, он отправлялся в Имадэгава или к чистейшим водам на холме Киёмидзу, гулял по Второй, Седьмой улицам, перед храмом Ясака, заходил поразвлечься в храм Кодайдзи,

принимал ванны под ивами, склоняющимися под порывами ветра, побывал в Мибу, Тэнрюдзи, в храме Горе, а после того как изучил все до самой западной Каменной Стены, отправился в тростниковые заросли Нанива. Весна была там в полном разгаре, блистали и "сосны" и "сливы", распространяя по улице Симмати соблазнительные ароматы. "Белые дамы" и "танцовщицы" с севера и с юга при помощи модных песенок наперебой предлагали свои прелести. Сцены ревности в Сонэдзаки и Симаноути, утомительные подъемы по склонам любви в Коиносакамати, чайные домики Ирохадзяя, где тайная любовь всегда становится явной и узнают даже гостей, скрывающихся под шляпами с широкими полями, — все перепробовал! А вот уже и Соляной Квартал, затем Ниппори и Адзикава, перед очарованием которого невозможно устоять.

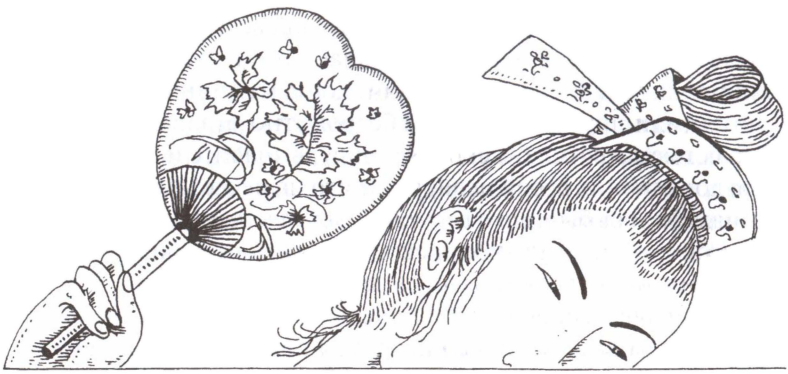
...Квартал Нодо огромный, но нужно сильно сжаться, чтобы пройти по Ивовому Переулку. А чем же можно заняться в домике под названием "Делать-то-что"? Дом с восьмью пролетами оказывается излишне просторным для семи прогулок! Не подойдет и новая гостиница в Намба. Рэйфу, "Монашеская Обитель", Санадаяма — все это излюбленные места для тех, кто приходит, скрывая свое лицо. Неподалеку от этого отверстия — чайный домик "Пупок", где можно получить удовольствие в домике свиданий за шестьдесят четыре монеты, а при храмах Дзёюдзи, Фукудзэндзи обитают ночные потаскушки.

...А далее — роскошные куртизанки из Миядзима в районе Аки, распустившие зонтики над головами, как павлины хвосты, и торжественно ступающие по мосту Камоносэки. Обжигающий огонь любви девушек, развлекающих гостей в бухте Цукуси, что в Хаката, Конский Приют в Наруко, квартал Маруяма, который утратил свою неотесанность оттого, что туда захаживают иностранцы, Тимпункан, где балабонят по-чужеземному, холодные края Микуни, Ниигата, Идзумосаки, Цуруга, Имамати и Канадзава, где одеяния девушек белее снега, а также высокое побережье Сака-та-Коё в провинции Дэва, квартал Ясуката в Аомори или Цугару, Мотомэя и Хаттюномэ в провинции Муцу и Эсасима в провинции Мацумаэ. И все эти места он посетил»[18].

Сегодня мы не можем посетить все те места, где побывал неунывающий и неутомимый Асаносин. Самому Гераклу этот подвиг мог бы оказаться не под силу. Хотя... кто знает? Ведь в каждом из этих кварталов, сколь коротко, столь же и емко описанных Хирага Гэннай, не мужчина старался ублажить женщину, а, наоборот, женщина делала все, чтобы мужчине было хорошо, — в этом заключалась генитальная простота японских гендерных отношений, когда мужчина брал, а женщина (или другой мужчина) безропотно отдавала. Так что Геракл не затратил бы сколько-нибудь значительных усилий для достижения своей цели, разве что на переезды по Японии понадобилось бы много времени. Перед нами такая проблема не стоит — столетия внесли свои коррективы, и большинство злачных мест, воспетых средневековым автором, сегодня представляют собой вполне пристойные деловые и спальные (в хорошем смысле слова) кварталы современных японских городов. Дольше всего держалась Ёсивара — самый старый, самый большой и самый прославленный из всех «веселых кварталов» Японии. Строго говоря, Ёсивара существует и сейчас — это район, примыкающий к любимому туристами кварталу Асакуса, где находятся храм Сэнсодзи и знаменитые ворота Грома — Каминаримон — редкий гость Японии не сфотографировался на их фоне. Но о современной Ёсиваре разговор еще впереди, а пока нас ждет экскурсия в историю — во времена, когда, как поется в японской народной песне, жена, отпуская мужа в Эдо, точно знала, как и с кем он проведет свободное время...

Муженек собрался в Эдо —
Меня покидает.
Пусть в погожий день шагает,
Устали не знает.
Только пусть без потаскушек
Ночлег выбирает![19]

Глава 4
Остерегайтесь гулять по болотам...



Рожденный в ноябре

Говоря о японской сексуальной традиции, совершенно невозможно избежать рассказа о нескольких основных понятиях, событиях, явлениях, которые во многом эту самую традицию сформировали. Да и нужно ли их избегать, тем более что большинство из них вызывают живейший интерес и сегодня, особенно у тех, кто в Японии никогда не был? Безусловно, одно из основополагающих явлений подобного рода — Ёсивара. Ее история фактически совпадает с историей Японии последних столетий, а мотивы возникновения и принципы существования могут многое прояснить во взглядах японцев на секс и на жизнь.

Временем рождения Ёсивары считают 1612 год, хотя эта дата относительная — скорее здесь можно говорить о моменте официальной фиксации давно существовавшей идеи, чем о времени ее практической реализации. За девять лет до этого полководец Токугава Иэясу расправился со своими врагами и стал авторитарным военным правителем Японии — сёгуном, основав династию, правившую страной до 1868 года. Токугава

сделал своей ставкой Эдо — небольшую деревушку примерно в пятистах километрах к северо-востоку от императорской столицы Киото — и построил там замок. Опасаясь заговора со стороны владетельных князей — даймё, Токугава приказал им жить по нескольку месяцев в Эдо — у себя «в гостях», а остальное время проводить в поместьях, раскиданных по всей Японии, оставив в сёгунской столице семьи. Фактически это был институт централизованного заложничества, но для нас принципиально важным является другое. Даймё пришлось возводить в Эдо огромные дворцы для своего временного пребывания и для постоянного проживания своих семей. Естественно, вокруг этих дворцов вырастала необходимая и очень разветвленная инфраструктура: строились дома для челяди и охраны, рядом селились торговцы и ремесленники, обслуживавшие даймё и самураев, а для строительства со всей страны сходились тысячи и тысячи рабочих, многие из которых навсегда остались в столице. Их нравственные запросы удовлетворяли буддийские и синтоистские священники, а «безнравственные» (но оттого не менее важные) — многочисленные куртизанки. Город, получивший полтора столетия спустя название «Восточной столицы» — Токио, рос не по дням, а по часам, и проститутки сразу стали его коренными обитательницами.

Очень скоро выяснилось, что их деятельность надо как-то регулировать, в противном случае масштабы хаотичной половой жизни обитателей новой японской столицы обещали превратить ее в бескрайний и буйный бордель, что никак не вязалось с представлениями самураев о морали и образе жизни в военном городе. Как раз в это нужное время в нужном месте — в Эдо — и оказался благочестивый гражданин по имени Сёдзи Дзинъэмон (Дзингэмори). История сохранила о нем крайне скудные сведения, но они не особенно и нужны — он воздвиг себе поистине нерукотворный памятник, аккумулировав мысли всех, кого беспокоила сексуальная проблема в Эдо, — написал на имя городских властей докладную записку: «Дома с нехорошей славой, прибежище проституток, разбросаны по всему городу: тут, там, во всех направлениях! По вполне понятным причинам это вредит общественной морали и добропорядочности. При

настоящем положении, когда некто посещает публичный дом, он может снять себе юдзё (проституток) и развлекаться с ними как заблагорассудится, предав всего себя удовольствиям и плотским утехам до такой степени, что становится трудно определить его социальное положение и достаток или предотвратить забвение им своего положения и занятий. Он часто остается в доме на несколько дней, совершенно отдавшись похоти и наслаждениям. До тех пор, пока у него не кончились деньги, владелец дома продолжает ублажать его как гостя. Соответственно это приводит к забвению долга в отношении вышестоящих, к растратам, воровству и вещам еще более опасным. Тем не менее владельцы публичных домов позволяют таковым оставаться у них и получать удовольствия, покуда те платят деньги.

Хотя законом запрещено похищение детей, все же даже в этом городе некоторые грязные и беспринципные мерзавцы похищают девочек и сманивают девушек из родительских домов под предлогом оказания помощи. Непреложный факт — что некоторые злонамеренные персоны сделали своим обычным занятием увод дочерей из бедных семей под тем предлогом, что принимают их как своих детей, однако когда девушки подрастают, их отсылают трудиться наложницами или проститутками, и таким образом «принявшие» их пожинают золотой урожай.

Если бы публичные дома были все собраны в одно место, то любое похищение детей и ложное принятие в семью можно было бы тщательно расследовать, и в случае, когда выявилось бы какое-либо преступное действие, информация об этом была бы немедленно передана властям.

Хотя состояние в стране умиротворенное, еще не так давно было осуществлено подчинение провинции Мино, вследствие чего повсюду бродят многочисленные ронины, ищущие возможности нарушить порядок.

Содержатели публичных домов обратят на это особое внимание и проведут специальное расследование в отношении лиц, которых, возможно, обнаружат слоняющимися без дела в квартале проституток. При появлении любого подозрительного лица они непременно донесут об этом властям. Если высочайшие повелители удовлетворят это прошение во всей

полноте своей щедрой снисходительности, это предстанет для всех великим облегчением»[20].

Искренне или руководствуясь сугубо меркантильными соображениями, но Сёдзи справедливо указал правительству, что отсутствие контроля в сексуальном бизнесе недопустимо, кратко, но емко изложил все его пороки и недостатки, следуя в русле конфуцианских наставлений, близких самурайским идеалам, и, как сказали бы сегодня, «педалируя» темы, наиболее актуальные для молодого правительства сёгуна: вредность социальной анархии, разложение общественной морали, воровство, растраты и грабежи, возможность приюта ронинов, которые нередко были врагами режима Токугава и могли, равно как и их оставшиеся в живых слуги, представлять для этого режима потенциальную опасность.

Власти вняли предостережениям Сёдзи Дзинъэмон и, окончательно победив своих противников в 1615 году, вскоре вернулись к вопросу о проститутках. Когда в 1616 году умер основатель династии Токугава Иэясу, стали известны строки из его «политического завещания», посвященные половому вопросу: «Добродетельные люди говорили — и стихами, и прозой, — что дома распущенности для женщин наслаждения и уличных гуляк являются для городов пятнами, изъеденными червями. Однако это — неизбежное зло; если его принудительно запретить, то люди неправедного поведения станут подобными растрепанной одежде»[21]. Термин «неизбежное зло» — «хицуёна аку» — еще один из важнейших моментов для понимания современной обстановки в Японии и ее сексуальной традиции. Именно на нем и ныне покоятся основы секс-индустрии этой страны, на нем, вероятно, будут строиться и дальнейшие институты регулируемого рынка «живого товара» Японии. Он не уникален — в Западной Европе отношение к секс-бизнесу похожее, — но исключительно удобен: вроде и зло, никто не спорит, — но такое неизбежное...

Еще через год, в 1617-м, было решено построить в Эдо специальный квартал, чтобы сконцентрировать в нем весь «водяной бизнес» (еще одно название проституции в Японии), за которым легко было бы следить специально назначенным городскими властями чиновникам, первым

из которых стал главный блюститель морали и нравственности — инициативный Сёдзи Дзинъэмон. Всех проституток решили собрать в определенном месте, четко обозначив их социальную позицию в эдоском обществе (предписывалось, чтобы жилища проституток были скромны и опрятны), запретив им выход за пределы квартала и четко прописав правила поведения, экономическую базу и крайне актуальную для японских средневековых городов тему пожарной безопасности. А так как эпоха Токугава стала временем зарождения блестящей полицейской системы Японии, то задолго до европейских коллег японские блюстители порядка предусмотрели возможность появления в «веселых кварталах» лиц, неблагонадежных как в уголовном, так и в политическом отношении, предписав и самим проституткам, и чиновникам, ведавшим кварталом, немедленно ставить полицию в известность, как только таковые будут замечены: «Следует должным образом справляться относительно каждого посетителя, независимо от того, кто он — аристократ или обычный человек. В случае появления любого подозрительного субъекта следует немедленно сообщать в Департамент градоначальника»[22].

Когда нормативные акты были расписаны и законодательная база приведена в порядок, власти приступили к строительству самого квартала, под который выделялось обширное тростниковое болото на окраине города. Государственной важности объект построили быстро: к 28 ноября 1626 года болото засыпали, окружили рвом с водой, а образовавшийся остров обнесли высокой деревянной стеной. Спустя четырнадцать лет после подачи первой петиции Сёдзи (срок по японским меркам небольшой) мечта блюстителя нравственности и правопорядка сбылась: гостеприимные ворота Ёсивары открылись для посетителей. Собственно, Ёсивара и есть по-японски «Тростниковое болото», но в омонимичном японском языке возможны замены иероглифов и перемены смыслового значения при сохранении произношения, поэтому вскоре непритязательные знаки «подработали», подставив более благозвучные. Получилось «Веселое болото», и Ёсивара стала знаменитым «веселым кварталом», оставшимся по сути своей болотом, засасывавшим в себя все новые и новые тысячи любителей самурайской «клубнички».

По дороге к храму

В 1657 году Ёсивара переехала в окрестности старейшего в Эдо буддийского храма Сэнсодзи и теперь находилась «на расстоянии броска чайной чашки до него» — не случайно одними из постоянных клиентов «веселого квартала» были буддийские монахи, приходившие на праздник плоти в тростниковых шляпах-корзинах, полностью скрывающих лицо.

«Я немало потешалась, наблюдая обычаи этого храма житейской суеты, — писала героиня повести Ихара Сайкаку о жизни с буддийским монахом. — К моему возлюбленному собирались только его старые приятели бонзы. Они не постились в дни поминовения Будды и святых вероучителей, а шесть постных дней в месяце блюли особым образом. В то время как в их уставе говорится: "...а в прочие дни, помимо этих, дозволено..." — они именно в запретные дни обжирались мясным и рыбным, а любители женщин особенно охотно распутничали в "Домике карпа" на Третьем проспекте и в других подобных заведениях. Невольно кажется, что раз все бонзы так ведут себя, то, может быть, сам Будда благословил их на такие дела, и нет им ни в чем запрета. Чем больше в наше время богатеют храмы, тем больше священники погрязают в распутстве. Днем они носят облачение священнослужителей, а ночью, как светские любезники, надевают хаори. В кельях своих устраивают тайники, где прячут женщин. Потайной ход ведет в погреб, а там узкое окошечко для света, сверху настлан плотный слой земли, стены толщиной в один сяку и более, чтобы ни один звук не проникал наружу. Днем бонзы скрывают своих наложниц в тайниках, а ночью ведут в свои спальни. Понятно, как тягостно такое заточение для женщины. И еще вдвойне более тягостно оттого, что она соглашается на него не ради любви, а только ради денег.

С тех пор как я вверилась мерзкому бонзе, он имел со мной дело и днем и ночью без отдыха и сроку. Скоро необыкновенность этой жизни мне прискучила, интерес новизны пропал, и я мало-помалу стала таять и сильно исхудала. Мой настоятель стал еще более безжалостен»[23].

Как мы помним, буддийская добродетель в отличие от подлинно японской синтоистской все-таки подразумевала возможность наличия греха в отношениях мужчины и женщины, и монахи по-человечески стеснялись, будучи не в силах подавить в себе плотские желания. Им приходилось тем более нелегко, что соблазн оказывался непреодолимо велик и провокационно близок.

Для его удовлетворения на городские средства был отстроен новый, гораздо более впечатляющий, чем ранее, «город порока», призванный еще более на этом пороке сконцентрироваться: жителей Ёсивары освободили от общегородских обязанностей по тушению пожара, а по всему Эдо провели инспекции с целью выявить неподотчетные властям точки разврата типа общественных бань и чайных домиков. Всех грешников, а таковых оказалось немало, велено было строго карать штрафом и переводить в Ёсивару, чтобы по должным тарифам обложить налогом и впредь тщательно контролировать, — город «зачищался» от проституток. Для того чтобы вместить всех «сотрудников», постоянно разрастающаяся, но ограниченная забором в пределах 325 метров с севера на юг и 215 — с востока на запад Ёсивара была поделена на пять главных магистралей, плотно застроенными чайными домами, — одна из этих улиц красноречиво называлась Улицей пятидесяти домов. Передвижение по «проспектам красных фонарей» разрешалось исключительно пешее. В паланкине (что, в общем-то, тоже вариант пешей ходьбы — для носильщиков) дозволялось приезжать только врачам. Все посетители Ёсивары обязаны были оставить свое оружие при входе. Считалось, и не без оснований, что опьяненные страстью и саке самураи могут воспользоваться своими мечами по назначению. Некоторые исследователи резонно замечают, что если бы меч оказался в руках «измученной тяжелой неволей» куртизанки, то она тоже нашла бы ему применение, сразу сведя счеты с невеселой жизнью на «Веселом болоте». Не очень понятно, правда, как удавалось решать этот вопрос в те периоды, когда после случавшихся нередко пожаров все жители Ёсивары эвакуировались в другие кварталы города, наращивая свою «производ-

ственную» деятельность в не приспособленных для этого полевых условиях...

Комнатушки, где, бывало,
с кем-то ночевала,
снова в памяти всплывают,
лица оживают...[24]

Но пожары затихали, и сразу после постройки новых домов и павильонов на месте сгоревших дамы «плавучего мира» снова садились в лодки и плыли на свой невеселый остров, чтобы опередить клиентов, ждущих, когда им подадут рисовое вино саке и начнется неторопливый разговор, предваряющий основную часть. В зависимости от ранга заведения этот разговор мог быть и торопливым (если услуги недороги), и вообще не быть (если клиент пришел в дешевое заведение последнего, пятого ранга). Выбрать же место по вкусу не представляло сложности: по традиции передняя стена домов свиданий строилась в форме открытой решетки, через которую хорошо было видно женщин, — эта архитектурная схема сохранилась в Японии и сегодня, только решетку теперь заменяет полностью стеклянная стена со стеклянной же раздвижной дверью. И если сейчас в Японии на тротуаре часто бывают нарисованы две подошвы, чтобы пешеход точно знал, где ему остановиться перед светофором, то в те времена для бестолковых клиентов Ёсивары предусмотрительные власти по-разному располагали решетки: дорогие женщины сидели за вертикальными, дешевые — за горизонтальными. Самые лучшие куртизанки — ойран — были вообще скрыты от взоров посторонних, им хватало славы, гремевшей о них по всей столице.

Добраться до вожделенных «вольеров» удобнее всего было на лодке (Ёсивару окружало около пятидесяти причалов), где гостя встречали чаем, освежающим влажным полотенцем осибори и туалетными принадлежностями. Договорившись с лодочником о времени возвращения, клиент пешком подходил к главным воротам, слева от которых росла ива. На нее обязательно следовало оглянуться, покидая квартал, — символика этого печального жеста всем была понятна — никто не думал, что гость оглядывается, чтобы увидеть привратника,

чья будка находилась напротив ивы и которого по традиции всегда, на протяжении веков, звали одинаково — Дзиробэй.

Женщины приходили в Ёсивару редко, все больше по служебной надобности — служанки да помощницы приказчиков, обзаведясь предварительно особым пропуском, и обычно они не были самыми любознательными посетителями (хотя в Ёсиваре работали и специально обученные девушки, способные удовлетворить самые нескромные желания клиентов-дам). Мужчины же, которые допускались беспрепятственно, если только весь квартал не выкупался каким-нибудь богачом на сутки, предпочитали предварительно обзавестись путеводителем «Ёсивара сайкэн», который переиздавался каждое полугодие с целью уточнения сведений и рейтинга заведений Ёсивары.

После долгих метаний и тяжелого выбора, с кем именно стоило завязать по возможности долгосрочные отношения, начиналась сама процедура знакомства. По японской традиции, вернее, по японскому мировоззрению ни клиент, ни проститутка не должны были при этом потерять лица — именно для этого и придумали «чайные домики» — хикитэ-дзяя. Разумеется, это правило действовало лишь для тех, кому еще оставалось что терять и кто не приходил в Ёсивару с последними грошами, ударяясь во все тяжкие. В приличных чайных домиках клиента в соответствии с традиционным, достаточно сложным ритуалом сводили с дорогой девушкой, знакомили так, чтобы не уронить достоинства ни одной из сторон. Кстати, существующее у европейцев представление о чайных домах как о публичных не вполне соответствует действительности. В реальности существовали (и существуют) и обычные чайные домики, где можно просто попить чая, и «сексуальные» чайные домики, где можно было заняться именно тем, о чем большинство европейцев и думают, слыша выражение «чайный дом». При постепенном, неторопливом знакомстве клиента сначала встречали, всячески демонстрируя свою радость от его прихода, поили чаем, а затем и саке, подавали закуски, развлекали с помощью «скоморохов» тайко-моти и танцовщиц (эти функции со временем взяли на себя знаменитые гейши), постепенно расслабляя и погружая в атмосферу «веселого квартала»: «Вскоре в ком-

нате появляются певица, две танцовщицы и тайко-моти. Сперва вы наливаете по чашечке каждому из них, и после нескольких обменов чашечками певица берет свой сямисэн. Она играет, балагур поет, а две молодые танцовщицы ожидают рядом с вами. Если вы знаете какие-либо песни, то можете петь; затем танцовщицы начинают танцевать, а ваш весельчак наконец исполняет комические танцы, путаясь между двумя молодыми девушками.

Уже около 12 ночи; входит хозяйка и предупреждает о позднем часе. Затем вы, направляемый служанкой и сопровождаемый тремя девушками и тайко-моти, оставляете дом и направляетесь к основной цели вашего визита. Дом, в который вас приводят, — первого разряда, называющийся Кадоэби-ро. Он расположен на первом углу улицы Кё-мати; это четырехэтажное строение европейского вида, в котором, как говорят, более ста комнат. Там проживают более тридцати девушек, все молодые и красивые. К каждой из них прикреплены две помощницы и одна пожилая служанка, прислуживающие своей госпоже днем и ночью.

Войдя в дом, вы сперва попадаете в гостиную; она очень велика и роскошно декорирована. Вы присаживаетесь на большой креповый футон (подушку), а ваши спутники — певицы и тайко-моти — занимают места за вами. Поскольку девушка, которая в эту ночь станет вашей спутницей, заранее вами назначена или уже выбрана хозяйкой дома приглашений, сюда приходят две ее служанки, чтобы проводить вас в ее комнату.

Обиталище вашей подруги состоит из трех комнат на втором этаже; первая — гостиная, вторая — комната приемов и третья — спальня. Ведомый двумя служанками, вы входите во вторую комнату, куда вам приносят чай и сладости. Певица, танцовщицы и балагур, провожавшие вас до комнаты, теперь уходят; однако, если вы пожелаете выпить еще саке или чтобы они остались, они сделают это с удовольствием. Если вы — новый гость для девушки, она не появится до тех пор, пока вы не проследуете в спальню, — это общее правило для всех первоклассных домов; однако в том случае, если вы хотите увидеть ее и поговорить с ней в приемной, выпить с ней вместе саке, то [позднее] должны будете допла-

тить 5 иен, именуемых надзимикин ("интимными деньгами"). Она обязана выйти к вам, так как теперь с вами следует обращаться как с близким посетителем, несмотря на то что вы этой ночью встречаете ее впервые. В час ночи гейша и тайко-моти оставляют комнату, и вы идете в постель. Покинете ли вы дом в 2 или в 3 часа или останетесь до утра — полностью зависит от вашего расположения»[25].

Расположение чаще всего зависело от кошелька. История сохранила для нас имя богача Бундзаэмона, в нарушение всех японских нравственных норм купившего за 23 000 иен (безумная по тем временам сумма!) Ёсивару на всю ночь — со всеми проститутками, служками и прислужницами, гейшами, носильщиками и перевозчиками-лодочниками. Понятно, что это был кутеж в гусарском стиле, но, если бы Бундзаэмону потребовалась женщина именно для секса, он купил бы себе высококлассную ойран (тайю), оставив для своих менее обеспеченных друзей не столь дорогих юдзё и дзёро. Для тех же, кто жертвовал на похоть свои последние медяки, работали мисэ-дзёро, которые не тратили время на разговоры, а работали деловито и поспешно, разгораживая одну общую комнату бумажными перегородками, чтобы не мешать товаркам, так же дешево и сердито обслуживающим других клиентов.

Для тех, кто исполнен желания сопоставить свои сегодняшние возможности со средневековыми японскими запросами, российский исследователь А. Н. Фесюн потрудился составить своеобразный прейскурант Ёсивары, проиндексировав при этом цены XVIII века в сегодняшние и переведя японскую валюту в привычные нам доллары. Благодаря ему мы сегодня можем сказать, что краса и гордость Ёсивары — ойран — стоили около 180 долларов, а дешевые уличные потаскушки обходились клиенту всего в 1,5 доллара. Такой широкий диапазон цен создавал отличные возможности для разных социальных слоев средневековой Японии в удовлетворении своих сексуальных потребностей. Правда, не стоит забывать, что помимо оплаты секса, по крайней мере в дорогом варианте, клиенту предстояло нести еще накладные расходы: оплачивать еду, питье, гейш, лодочников и т. д. — все это с высокой «ёсиваровской» наценкой. Судя по

всему, посетитель Ёсивары мог оставить в этом городе наслаждений в среднем около 350 долларов за вечер, что с учетом невысоких доходов изолированной от внешнего мира токугавской Японии было весьма значительной суммой.

Провести с тобою ночь
или денежки сберечь?
Ладно, отдаю пять тысяч,
пересплю с тобой![26]

На что клиент мог рассчитывать в ответ, выкладывая немалые или, наоборот, небольшие суммы на маленький столик цукуэ? Прежде всего на придирчивую оценку своих возможностей: «Высыпает из кошелька, привешенного спереди на поясе, всего один бу и пригоршню мелочи, монеток тридцать с горошину величиной, и несколько раз пересчитывает напоказ. Невольно злость берет: какое ничтожество!»[27] А если уж мужчина был в состоянии позволить себе секс чуть выше рангом, чем короткий половой контакт с дешевой проституткой, то и партнерше он старался преподнести себя как можно более значимо. Конечно, на веселый разгул в приятной компании (приятность ее обеспечивалась собственной кредитоспособностью) это правило так же действует и сегодня:

В мире бренном ты живешь.
Пей-гуляй в гостях!
Завтра вспомнишь и вздохнешь
О минувших днях.
Разве кто-то на века
Жизнью овладел?
Вроде смертного пока
Ждет иной удел...
Я потешиться не прочь —
Заходи любой!
Всю сегодняшнюю ночь
Проведу с тобой.
Ничего, что допоздна
Ждет тебя жена, —
Пей вино, пока в бутыли
Не увидишь дна!

И наконец, никто не забывал о том, что в этой удивительной стране его место в обществе может если и не зависеть на самом деле, то выглядеть зависящим от того, насколько дорогую женщину из «веселого квартала» он содержит. Это правило отчасти существует в Японии и сегодня — в переложении для хостесс; нечто подобное действует и в других странах: очень часто мужчина выглядит именно настолько, насколько выглядит его женщина, но, пожалуй, только в Ёсиваре эта аксиома была доведена до рациональной рафинированности. Ихара Сайкаку подсчитал и, что называется, диву дался, когда узнал, во сколько обойдется содержащему ее мужчине дорогая ойран из Ёсивары: примерно 66 000 современных американских долларов, что — опять же, при тогдашнем уровне жизни — было доступно совсем немногим жителям Эдо.

Но экономия в злачном квартале всегда опасна, и Ёсивара здесь не исключение. Рассказывают о любопытных обычаях, с которыми сталкивались те, кто рисковал приходить в недорогие публичные дома на тростниковых болотах в надежде получить «халявную» любовь:

«Существовали также низкосортные заведения — бориздзяя, — где деревенский житель мог напороться на угрозы, шантаж, жестокость и грабеж. Девки завлекали жертву внутрь сладкими обещаниями. Там ему начинали льстить; появлялись саке и еда (незаказанные), приходило много гейш (неприглашенных), которые принимались петь и танцевать. Чашки осушались, бутыли с саке наполнялись вновь.

Несчастная жертва не могла даже заплатить по счету и убежать. Никто не брал у него денег, но и не позволял уйти. А саке все прибывало и прибывало. День и ночь могли пройти в оргии, покуда несчастный наконец не проваливался в сон. После этого его карманы исследовались и, если он обладал достаточной суммой, танцы продолжались; в противном случае его, обобранного, выталкивали на улицу.

Если возможности гостя оказывались переоценены, к нему в дом отсылали крикливую бабу (цуки-ума), которая проживала с жертвой до тех пор, пока тот не расплатится; либо же деньги выбивали силой.

Множество посетителей Ёсивары приходили просто поглазеть: туристам и даже женщинам позволялось осматривать место. В билетных чайных домиках (киттэ-дзяя) выдавались пропуска. Были просто любопытные, не имевшие денег; они приходили поглазеть и пообсуждать женщин за решетками. Поскольку многие из них являлись бедными студентами юридического отделения (хорицу), зеваки в целом так и назывались — хорицу. Зачастую такой студент шантажировал хозяина борделя на предмет бесплатного визита, указывая ему на какое-либо отступление от принятых правил или на нарушение закона. В первоклассных домах обычно разговоров о деньгах не шло; даже наутро об этом не произносилось ни слова; и слуга провожал гостя в представивший его чайный домик. Здесь его ждал тяжелый удар: счет, включавший все. Чайный домик получал деньги, хозяйка кланялась и получала свои чаевые, и за все уплачивалось: за гейш, еду, выпивку, ночь любви — за все разом. Истощенный гость, мучимый похмельем, не был в состоянии оценить замысловатый счет, поднесенный ему со многими поклонами.

Существовала даже кредитная система: хорошо известный, много тратящий гость мог приходить в долг на протяжении нескольких месяцев. Если он пытался скрыться, не заплатив, переведя свое внимание на другой чайный домик, система тайного оповещения вскоре раскрывала это, и кредитная линия для него в чайных и публичных домах закрывалась навсегда.

Страсть, говорили содержатели борделей, не яйцо, ее не удержишь»[28].

Зная подобные реалии Ёсивары, несложно понять, как важно было эдоским мужчинам правильно позиционировать себя в этом злачном месте, где можно возвыситься и даже стать героем безумно популярных пьес и баллад о жизни ойран, а можно расстаться с последними медяками и самой жизнью — все в зависимости от того, насколько ты был богат изначально — деньгами и сообразительностью. Естественно, многочисленные литературные памятники той эпохи сохранили до наших дней в основном трогательные истории. Хотя они и считались современниками не

очень приличными, так как их главными героями были куртизанки высокого ранга, их ученицы и гейши, на деле же все «неприличие» как раз и ограничивалось недвусмысленным указанием профессии или места проживания героини или степенью ее приличий относительно финансовых связей с клиентом. Все остальное — сюжет и слог — больше всего напоминало уже хорошо знакомую нам аристократическую прозу эпохи Хэйан с ее романтическими героями-любовниками, стихотворными посланиями на рассвете и мокрыми от слез рукавами кимоно — просто кимоно были не аристократок из Киото, а проституток из Ёсивары. Поистине, ничто не в силах изменить чувства людей:

Ночь весенняя на ложе,
Твой горячий шепот...
Ах, любовь, утраты множа,
Умножает опыт.
Как тоскливо стало в спальне,
Пусто, одиноко.
Сон без милого печальней
Прошлого урока.
Я уткнулась в изголовье,
До зари проплачу:
Снова, снова мне с любовью
Не было удачи!..[29]

Как и везде, дорога к храму любви с самурайской прямотой делилась на несколько тропинок, у начала каждой из которых внимательный любовник мог прочесть элементарные правила: «Есть деньги — плати, люби и страдай от любви. Нет — плати, занимайся любовью и отвечай за себя сам». При этом так же, как уровень клиента зависел от рейтинга куртизанки, так и ее реноме было напрямую связано с его платежеспособностью.

«Непомерная гордость
навлекает скорее возмездие.
Тайфу падает в цене,
но покупателей все равно нет.
Мужчины в старину
не умели считать денег.

Все, все меняется на свете!
Дешевые потаскушки
продают свою ночь по частям.
Нет ничего забавней на свете,
чем их обычаи.
Но тяжело расставаться
даже с гетерой из веселого дома.
Бедняк Сандзо
грустит, прощаясь с цубонэ.

Пока я была тайфу и тэндзин, я не горевала о том, что это ремесло так презренно, но с тех пор, как я стала только ничтожной какои, меня грызла печаль, оттого, должно быть, что жизнь моя так переменилась. Мужланы мне были противны, гости среднего состояния меня не приглашали. Если же в кои-то веки мне доставался изящный кавалер, то с первой же минуты встречи на ложе он, подлец, терял весь свой лоск и грубо кричал:

— Эй, дзёро, развязывай пояс!

— Что это вы! Разве это такое спешное дело? Как же вы ждали десять месяцев в утробе вашей матушки? — пробовала я осадить его.

А он, не дослушав, бросал в ответ:

— Столько времени гостить в утробе мне еще не приходилось. С века богов и поныне шлюха, которой любовь противна, ни к черту не годится. Если ты на это жалуешься, то в чем затруднение? Скажи, что не хочешь, и я приглашу другую.

Он так фыркал носом, что страх меня брал, но еще страшней было платить хозяину из своих кровных денег, если бы гость ушел.

Вспомнив, что он из хорошего общества, я старалась извиниться поучтивее:

— Прошу вас, простите меня, я сболтнула глупость! Уж очень я проста. Не знаю, как вы и оправдаетесь, если слух о нашей встрече дойдет до вашей постоянной тайфу.

Такого рода любезности постоянно на устах какои.

А если бы я начала говорить о тех гетерах, которые еще ниже, о хасицубонэ, то этому конца бы не было, да и слушать неинтересно»[30].

Процитированный отрывок — пример дешевой любви, и если с нею все более-менее понятно: наиболее важная для современников, она канула в лету, то тропинка любви возвышенной чаще привлекает к себе пристальное внимание потомков.

Календарная любовь и «квадратные яйца»

Через несколько десятилетий после основания Ёсивары она настолько прочно вошла в жизнь японских горожан, а престиж отношений с дорогой проституткой стал столь высок и важен для мужчины, что все больше и больше гостей старались завязать связи с ойран не столько ради секса, хотя и он присутствовал тоже, сколько ради красивой, романтической любви или хотя бы ее демонстрации. Нормально, если такая любовь оказывалась неразделенной — либо у гостя была жена, с которой он по понятным причинам не желал расставаться ради красотки из Ёсивары, либо у него просто не хватало крупной суммы, необходимой для выкупа девушки из неволи. Тупиковая жизненная ситуация оказалась как нельзя более подходящей для сюжетной основы многочисленных поэтических, прозаических, а позже — и драматургических произведений, живописующих безысходные муки целомудренной страсти между красавцем гостем и красавицей ойран из Ёсивары или какого-нибудь другого «веселого квартала», нередко оканчивавшиеся двойным самоубийством по упомянутым причинам. Как вы помните, истории эти стали столь популярны, а имидж неразделенной романтической любви, где влюбленных может соединить только смерть, столь привлекателен, что в конце XVIII века правительству сёгуна пришлось запретить двойные самоубийства любовников специальным указом. Несмотря на высокую законопослушность японцев, декрет оказался не самым удачным законодательным актом — число самоубийств хотя и снизилось, но полностью они не исчезли. И в наши дни находятся пары, которые верят, что смогут быть вместе только в мире ином. Самой красивой историей любви для них по-преж-

нему считается та, что оканчивается смертью во цвете лет, а не долгой и счастливой совместной жизнью. Классический русский вопрос «А как жили Иван-царевич и Василиса Прекрасная после свадьбы?» в Японии был бы бессмысленен — им полагалось умереть до нее.

Нынче свяжет нас вино
клятвой роковой —
за любовь в грядущем мире
чарку подниму![31]

Разумеется, не все романтические истории имели трагичную развязку — были и такие сказки, которые заканчивались по-европейски счастливо. Самая известная из них — пьеса Тамэнага Сюнсуй «Сливовый календарь любви». Хотя написана она уже на исходе эпохи Токугава — в 1832 году, реалии, отображенные в ней, характерны и для более ранних времен: закрытость самурайского общества способствовала тому, что многие общественные явления прежней эпохи сохранялись в Японии, как сохраняются препараты патологоанатома в физрастворе. «Веселые кварталы», в которых происходит действие «Календаря», описаны с ясностью и простотой человека, для которого они являются неотъемлемой частью повседневной жизни, как метро для москвичей. При этом пьеса уже лишена средневековой беспросветности, характерной для сочинений Ихара Сайкаку. И если Ихара описывает в основном жизнь Симабары и других «веселых кварталов» Киото и Осаки, то Тамэнага воспевает эдоские Ёсивару (легальный квартал куртизанок) и Фукагаву — один из самых известных, но полуофициальных районов развлечений, расположившийся недалеко от центра города вдоль реки Фука.

Есть в глубине квартала
Тупичок укромный —
Когда засыплет землю снег,
Следы гостей
Укажут путь к нему.
Впервые чье-то имя услышишь здесь —
И пожелаешь вечно
Свиданье длить...

Не знаю, в этом самом доме
Или в другом мы оказались,
Но мы, конечно, в Фукагава.
Здесь половодье чувств
И гавань страсти,
В портовых складах вожделения запас,
А корабли нагружены любовью —
Она у гостя на борту и в лодке
Красавиц, что спешат ему навстречу.
С причалов слышно то и дело:
Пожаловал такой-то господин!
Всегда здесь песни, праздник, гул застолья...[32]

Несмотря на значительно большее, чем у Сайкаку, внимание к романтической стороне отношений и пренебрежение интимными подробностями, «Сливовый календарь любви» стал одним из самых ярких, талантливых и... самых безнравственных, по оценке современников, произведений о «мире ив и цветов». Естественно, безнравственным его считали те идеологи самурайского общества, которым тезисы «Хагакурэ» были значительно ближе, чем мелодраматические сочинения, к разряду которых относился «Сливовый календарь». Фактически гонения на подобную литературу явились одной из последних вспышек самурайской реакции перед подступавшей все ближе агонией эпохи воинов. В начале ее власти были лояльнее и обращали меньше внимания на мастеров чувственного слога. Теперь же, когда общество быстро двигалось в направлении торжества буржуазной морали, и похотливая трясогузка казалась храбрым воинам хищным орлом.

Горожане, не разделявшие самурайского гнева, были в восторге, и неслучайно автор предисловия ко второй книге писал: «С весны мы узнали эти небольшие тетрадки, и вот уже дошло до третьей части, в повествовании определилось и начало, и конец, и в этой вязи листьев-слов рожденные игрою авторской кисти цветы полны жизни, но совсем не грубы. И хотя написано простым языком, есть места поистине великолепные. Можно лишь воскликнуть: "Замечательно! На редкость!" Это мое предисловие излишне, как излишне покрывать лаком жемчужину или золотить без того золотую монету...»[33]

Тамэнага Сюнсуй самым талантливым образом использовал мотивы Ёсивары для того, чтобы вступить в идеологическое противостояние с властями Токугава — хотел он того или нет. На смену выверенным образам самураев, воплощающим идеалы конфуцианской морали, главным из которых является долг, одаренный беллетрист предложил образ романтических отношений продажной женщины и обычного горожанина или даже самурая, для которых главное — любовь. Он эстетизировал не самурайскую добродетель, а ниндзё — чувства обычных людей, горожан. Чуть позже, уже в другой книге, Тамэнага сам объяснил свое понимание ниндзё: «Что же называют словом "ниндзё"? Не только все то, что лежит на тропе любви. Человеком, познавшим ниндзё, следует назвать такого, чье сердце легко растрогать, кто доброжелательно и снисходительно относится к людским причудам и не высмеивает естественных между мужчиной и женщиной чувств, тщетной маяты сердечной, да и всех заблуждений людей этого мира»[34]. Это прямой отсыл к литературе Хэйан и к основному термину тех достопамятных веков — аварэ — «печальному очарованию», способности человека быть растроганным, а в более широком понимании вообще чувствовать, любить. Эротическая эстетика времен «Сливового календаря» закрыла страницу календаря незамысловатого самурайского секса — как весна сменяет зиму, сохраняя о ней память. Оказалось, что цикличность в культуре неизбежна, и Тамэнага сознательно проводил параллели между своим творчеством и гениальными произведениями древней Японии, часто цитируя их и сравнивая чувства своих героев с чувствами поэтов прошлого. Интересно, что роль условностей при этом, и без того немалая в любовном японском мире, еще более возросла, служа абсолютным выражением «истинной любви» в противоположность любви продажной — в полном соответствии с самурайскими понятиями о том, как следует выражать истинное чувство. Тамэнага вообще соблюдал целый ряд формальных правил, одновременно стараясь писать современную ему литературу — в «Сливовом календаре» прослеживаются линии популярных тогда самурайских пьес «о благородных семействах», что приветствовалось официальными властями. Но упор автора на

чувственную сферу человеческих взаимоотношений был слишком силен, и Тамэнага долгое время оставался в опале, в чем-то повторяя судьбу почитаемых им женщин-писательниц прошлого, большинства имен которых история не сохранила, но чей стиль повествования наложил отпечаток на воспеваемые им отношения. Девушки из Ёсивары любили в те годы напевать песенку о «благородном любовнике», чувства к которому и чувства которого требуют выражения и в духе эпохи Хэйан, и в духе самурайских знаков верности:

Если ты и вправду любишь,
вырви ноготь с мясом,
а я себе готов отрезать
на руке все пальцы![35]

Это сегодня подобные резкие шаги принято считать жестами, присущими бандитам-якудза, а когда-то влюбленные девушки, и не только в Ёсиваре, но и вообще в Японии, выражали таким образом клятву в вечной любви — вырывая себе ногти или отрубая мизинец ударом своей деревянной подушки по ножу, приставленному к суставу. То же самое требовалось и от возлюбленных — клятва-то обоюдная...

Герои Тамэнага, даже если и самураи, все же стараются жить в мире, далеком от поисков упрощенных путей нравственного совершенствования. Да и по-настоящему главными героями становятся те, к кому приходят эти самураи, а не они сами:

Зайти в квартал веселья чем не любо?
Все прелести изменчивого мира
За этими стенами собрались?[36]

Каждая из девушек-героинь идет по жизни своим путем, но на самом деле это одна и та же дорога: дорога поиска единственного мужчины, романтические отношения с которым должны быть обеспечены материально. Прагматично, но другого способа избежать двойного самоубийства — нет. Все герои Тамэнага Сюнсуй гипертрофированно чувствительны

и искренни, что также вызывало недоумение у скептически настроенных современников, прежде всего самураев, считавших, что «легче найти квадратное яйцо, чем искреннюю куртизанку». Но народу нравилось, он подобное чтиво, каким бы «квадратным», по мнению самураев, оно ни было, проглатывал с легкостью, не жуя.

В этом смысле повесть-пьеса «Сливовый календарь любви» сильно напоминает не только древние японские романы, но и современную любовную прозу и сериалы, особенно учитывая, что произведения Тамэнага издавались небольшими свитками — «сериями». Такая литература всегда была и будет востребована, а в случае с Ёсиварой она стала фактором нейтрализации некоторой моральной деградации самурайского общества, выразившейся в узаконивании и процветании «веселых кварталов». Грустные истории, которыми часто оканчивались романы и повести о любви в Ёсиваре («Сливовый календарь» — исключение из правил), подтачивали боевой дух японских рыцарей, делая их все более чувствительными и восприимчивыми к песням девушек с тростникового болота, даже если рыцари и приходили туда только для удовлетворения физиологических потребностей. Считалось хорошим тоном, если у благородного воина то и дело «капали слезы на копье», — а это прямой путь к разложению и деградации идеалов «Хагакурэ», с одной стороны. С другой — формировался новый тип отношений к любви во всех слоях общества, даже самых консервативных. Любовь — вечна. Самураи — нет.

Любовь вкушая вновь и вновь,
Я не заметила рассвет.
Близка разлука — слезы лью,
И рукава влажны.
Мне говорил он про любовь —
Да правда это или нет?
Случайно ль вымолвил: «Люблю» —
Иль я ему милей жены?
Ах, сердце некому открыть.
Хоть ты с собою позови —
О как же грустно вечно жить
В квартале проданной любви![37]

Но любовь любовью, а что же секс? Нет, секса в «календарных» произведениях о любви в Ёсиваре практически не было. Чтобы найти его, придется снова перейти на другую «тропинку».

Неудержимая страсть

«Сливовый календарь любви» — гламурная повесть об отношениях богатой проститутки-ойран с пламенным воздыхателем. Но не стоит забывать, что куртизанок столь высокого ранга практически никогда не насчитывалось в Ёсиваре больше десятка. Для остальных же — «напитки покрепче, слова покороче». Тут уж, как ни крути, как ни изображай высокие чувства, а каждому из участников встречи было ясно, кто к кому и зачем пришел:

Ночью минувшей дождик окропил
Персика розовые цветы.
Много ли тратит румян и белил
Юная гейша в расцвете красоты?
Спустится вечером в залу на часок
И перед зеркалом, будто невзначай,
Спросит: «Милей тебе персика цветок
Или цветок любви? Ну-ка отвечай!»
Гость улыбнется: «Персиковый цвет
Равных себе не знает под луной».
В гневе красотка: «За такой ответ
С персиком и толкуй — только не со мной».
Если же вы насладиться хотите
Прелестью нежной живого цветка,
Не пропустите, к нам загляните!
Летняя ночка так коротка...[38]

Пока гость наслаждался песнями и танцами приглашенных гейш, дзёро — проститутки менее высокого статуса, чем ойран, — ожидали клиента: «Если вы зашли в дома второго или третьего ранга, то процедура там совершенно иная и очень проста. Тем не менее, что очень важно для посети-

телей низкосортных домов: следует всегда быть крайне внимательным, иначе ваш кошелек немедленно окажется выжат слугами и служанками того места. Как они, так и девушки в таких заведениях не могут быть названы честными и добрыми, и если видят, что гость — провинциал или незнаком с этим кварталом, то их уловки для его соблазнения бывают настолько замысловатыми, что он, по крайней мере, будет вынужден потратить все наличные деньги.

Распутник, привычно посещающий этот квартал еженощно, приходит в знакомый дом, а на следующее утро у него в кармане ни гроша. Если девушка любит его, то может ссудить деньгами; если же нет, то отказывается платить по его счету»[39].

После того как денежные вопросы оказывались решены, можно было переходить в отдельные покои и... к предварительным ласкам. В Японии до сих пор поцелуй — естественная для европейцев форма выражения эротической симпатии к существу противоположного пола — является чем-то странным, предосудительным орудием женщин из Ёсивара, а не способом коммуникации влюбленных. Японцы целуются редко и делают это весьма своеобразно (см. Приложение). Поцелуй тут явно относится к области интимных предварительных ласк, и японское издание индийской «Камасутры» примерно так поцелуй и «позиционирует», подразделяя его на несколько видов: «Поцелуй незначительный — когда девушка лишь касается рта возлюбленного своим ртом, но сама не делает ничего. Поцелуй трепещущий — когда девушка, оставив на время свою застенчивость, желает коснуться губы, вошедшей к ней в рот, и для этого двигает своей нижней, но не верхней губой. Касающийся поцелуй — когда девушка касается губы возлюбленного языком и, закрыв глаза, кладет свои руки на его. Прямой поцелуй — когда губы возлюбленных прямо соединяются. Изогнутый поцелуй — когда головы возлюбленных склоняются друг к другу с небольшого расстояния»[40].

Поцелуи, покусывания, легкие щипки и сдавливания шеи следовали в начале свидания, когда дзёро и гость оставались наедине — полуодетые, поскольку кимоно легко подразумевает такую степень обнажения, и возбужденные тан-

цами и саке. Естественно при этом, что японский мужчина обращает внимание в первую очередь на те признаки красоты и сексуальности женщины, которые уже знакомы вам по сочинениям Ихара Сайкаку: на ее обнаженную, выгнутую, часто подбеленную шею, голые пятки — венец эротизма и на главный признак бурного темперамента и высокой чувственности женщины — оттопыренные пальцы ног. Собственно, больше ничего из-под кимоно не видно.

Вероятно, в ласках этих немногих доступных мест японцы были мастера. Известно, что выпускались специальные наставления, руководства по воздействию на эрогенные точки на теле человека, которые изображались на специальных схемах. Ничего эротического, однако, в таких наставлениях нет. Они скорее напоминают современные нам «инструкции по чистке яйца, сваренного вкрутую» или «Пособия по петтингу», какие ныне во множестве издаются в Японии. В таких наставлениях объясняются очевидные нам с позиции сегодняшнего дня вещи, хотя, возможно, для своего времени это была очень «продвинутая» в сексуальном плане литература.

В описании интимных контактов во избежание оскорбления нравственности средневековые японцы прибегали к китайскому способу шифрования сексуальной техники цветистыми поэтическими терминами, не оставляющими, впрочем, своей прозрачностью сомнений в точности догадок. До нас дошли несколько подобных манускриптов, составленных завсегдатаями Ёсивары. Один из таких знатоков, некий Окада Сёги, в 1794 году описывал женскую грудь как «многообещающие цветы тела, на них следует дышать и касаться рукой и языком», предварительные ласки именует «дрожащим шелком», а половой акт «умащиванием птички в гнезде». В старой китайской традиции «кручением стебелька» назван оральный секс, а куннилингус — «поисками зернышка». Совокупление сзади ассоциировалось с «разрезанием дыни»; взаимная мастурбация наводила на мысли о «смешении росы»; эрекция была подобна «дереву плоти»; лобковые волосы — «черному мху». Конечная цель, то есть оргазм, называлась «лопающимся фруктом»[41].

Стоит заметить, что китайские трактаты о любви, как ранние, так и ровесники ёсиварских путеводителей, были значительно более подробны и поэтичны, а их иллюстрации, в отличие от японских гиперболизированных гравюр, рассказ о которых еще предстоит, действительно являлись иллюстрациями, исчерпывающе дополнявшими текст учебных пособий по изощренному (опять же в понятиях XVIII века) сексу. Тот век был горячим временем и в Европе — начиналась эпоха расцвета эротических талантов Казановы, маркиза де Сада и сотен тысяч их гораздо менее именитых последователей. Но если в Европе подобных «сексуальных активистов» ждала сомнительная, хотя и прочная слава (вспомним, что маркиз де Сад таки умер в психиатрической лечебнице), то в Японии даже немногочисленные христиане были не прочь прикоснуться к таинствам божественной любви, не видя в этом никакого греха. С христианским подходом к роли женщины в сексе японцев роднило представление о том, что во время полового контакта партнерша должна была находиться или, по крайней мере, демонстрировать состояние полной внешней покорности, зависимости от мужчины, готовность потакать его желаниям. Разница только в природе желаний.

В трактате Окада есть описание предварительных ласк, знакомясь с которыми обратите внимание на поведение партнерши-куртизанки: «Обязанность женщины — почтительно, с опущенными глазами, мягко искать центры удовольствия мужчины. Намеками, короткими жестами к различным частям его тела выяснять — что ему приятнее всего, и издавать негромкие восхищенные вскрики. Грациозно и очаровательно происходит касание его гениталий, затем — оральные манипуляции, в соответствии с описаниями в наставлениях о движениях губ и языка, силе и интенсивности нажимов. Если гость в возрасте, такая "шелковая дрожь" не должна продолжаться до излияния его жизненных соков; с молодыми же это наслаждение можно продолжать до полного потока. Пожилого гостя, явившегося с тщательно собранной на эту ночь потенцией, следует гладить, целовать, но не доводить слишком быстро до полного излияния, если только он не желает этого. <...> Умная девушка вместо этого станет

воздвигать его ствол, покуда тот не наполнится, не станет твердым и плотным. Затем она спрашивает — каким способом гость желает достичь "лопания фрукта"»[42].

К грамотному обслуживанию гостя девушка готовилась с детства. В японской традиции существовали не только путеводители для мужских удовольствий, но и специальные книги-учебники для девушек. Считается, что классика японского секса предусматривала единение партнеров все в тех же знаменитых 48 вариантах — это число стало общеизвестным и даже порой приводится в поговорках о «48 способах победить мужчину». Возможно, стародавние японские искусницы и искусники были даже не меньшими виртуозами, чем родоначальники «Камасутры» индийцы или авторы китайского «Дао любви» — нам трудно об этом судить, так как все, кто испытал мастерство жриц Ёсивары на себе, уже умерли. Для христианской Европы такая вариативность является безусловным символом разврата, для японцев же — не более чем техническими способами достижения удовольствия*. Специалисты вновь и вновь заявляют при этом, что бóльшая часть указанных позиций подразумевала подчиненную роль женщины непосредственно при половом акте — с этим невозможно спорить. Действительно, существуют массы вариантов классического подражания животному миру, в котором руководящая и направляющая роль априори принадлежит самцу, а не самке.

На случай же, если мужчина испытывал затруднения, даже «собрав потенцию на эту ночь», существовала масса способов спасти положение, которые каждая уважающая себя проститутка должна была знать, — от оральных ласк до использования афродизиаков, в том числе таких экзотических, как моллюски, скручивавшиеся вокруг «нефритового стержня» и «душившие» его.

Но, несмотря на многочисленные ухищрения, похоже, что самым главным оружием японской женщины был (и оста-

---

* Заметим, что, судя по всему, не менее изощренные в искусстве любви китаянки и индианки так и не сыскали себе в западном мире славы настоящих «развратниц». Японцам с их синтетическим отношением к сексу и с их любовью к самопиару в этом смысле повезло больше.

ется!) психологический подход. Образованной куртизанке приходилось освоить целый набор приемов, которые традиционно возбуждают японского мужчину, демонстрируя ему его собственную значимость и констатируя приниженное положение женщины. Ей полагалось показывать мужчине, как ей «хорошо» — вскрикивая, учащенно дыша, разговаривать с клиентом, как бы задыхаясь в буре оргазма — сбивающимся, особенно тонким голосом, переходящим в писк и сопровождающим дрожание ее тела, якобы переживающее один оргазм за другим. Возможно, многие куртизанки действительно были гиперсексуальны — их высокая профессиональная подготовка и занятия на тренажерах этому способствовали. Что касается мужчин, то даже необразованный в сексе юноша-вакасю вел себя в предлагаемых обстоятельствах как самурай, овладевший добычей, хрипя, покусывая ее, действуя нарочито грубо — ломая наигранное сопротивление. Японская женщина давала мужчине полное ощущение победы над ней, иллюзию неограниченной власти, ощущение мужественности. Это то, что позже так потрясло воображение первых иностранцев, прибывших в Японию и рассказывавших потом у себя на родине о каких-то невообразимых чудесах, которые якобы «вытворяют» японки в постели, будучи не в силах при этом конкретно описать эти «чудеса». Немудрено — ощущения описывать сложно, особенно настигающие вас в момент оргазма, и тем более, когда партнерша умело имитирует свой.

Как в классическом, так и в «извращенном сексе» между европейской и японской традицией существовали заметные отличия, удивлявшие европейцев больше свободой рассуждений о них, чем реальной половой разнузданностью. Европейские средневековые анекдоты и рассказы о похождениях «гигантов секса» не оставляют сомнений в том, что одним из самых распространенных удовольствий аристократов времен Французской революции являлся групповой секс, а смачные игры в «извращения» были в почете у многих поклонников де Сада. В Японии из-за отсутствия понятия греха и недозволенности это не осмыслялось как особая психологическая ступень в достижении невозможного, а потому не вызывало такого запретного интереса у японцев, как у европейцев.

Например, встречи в «коллективах единомышленников» происходили, но нельзя сказать, что это считалось популярным вариантом проведения времени в Ёсиваре. Останавливали высокий ценовой порог (надо было нанимать сразу несколько девиц с их штатом прислуги), неготовность клиентов к играм с командой профессионально подготовленных девушек, большая скованность в поведении в коллективе, чем у европейцев, а тем более таких страстных поклонников «групповухи», как китайцы или индийцы. Кого же после этого считать более «развратными» — японцев или европейцев?

Впрочем, справедливости ради надо отметить, что японцы были (и остаются) большими охотниками до некоторых видов нестандартного секса. Речь идет прежде всего о различных вариантах вуайеризма, чрезвычайно распространенного в Японии с древних времен. Считается, что причиной такой любви к подглядыванию стали особенности «коммунального» проживания в домах, где капитальные стены заменялись легкими бумажными перегородками, а также отсутствие табуирования на прилюдное отправление естественных нужд — Япония всегда остро ощущала нехватку органических удобрений для сельского хозяйства*. Существовали и более глубокие причины, но, так или иначе, подглядывание было излюбленной игрой японских мужчин и женщин, и масса средневековых гравюр донесла до нас эту страсть японцев к вуайеризму. Ёсивара, конечно, не могла остаться в стороне и предлагала любителям совать свой нос в чужую спальню специальные дырочки для удовлетворения собственных потребностей. Не оставались без внимания фетишисты, гомосексуалисты, эксгибиционисты и садомазохисты, хотя ни один из этих терминов и не был известен на «тростниковом болоте»: «У некоторых из гостей могут быть странные, экзотические привычки, но, если они не станут нарушать целостность кожи, милая девушка сможет ублажить и таких».

Сами по себе японские куртизанки вообще были способны на многое — возможно, за счет тяги японцев к дзэн-буддий-

---

* И сегодня в этой стране нередко можно встретить общественные туалеты смешанного типа, где мужчины и женщины отправляют свои надобности вместе.

скому самосовершенствованию, к работе над собой? Посетивший Японию уже на заре Эры модернизации Хавелок Эллис побывал в японских лавках интимных принадлежностей и подтвердил, что то, что мы знаем о японских куртизанках сегодня, было известно и во времена Ёсивары: «Не будет преувеличением сказать, что японские женщины довели механическое искусство автоэротизма до высочайшей степени совершенства. Они использовали два пустотелых шарика размером с голубиное яйцо (иногда — только один), сделанные, в соответствии с описаниями Джоэста, Кристиана и других, из очень тонкого медного листа; один из них пуст, другой (называемый "маленьким человечком") содержит небольшой и тяжелый металлический шарик либо некоторое количество ртути, а иногда — металлические язычки, вибрирующие при любом движении; таким образом, если держать два шарика вместе в руке, движение не прекращается. Сперва во влагалище вводится пустой и оставляется в соприкосновении с маткой, затем другой; малейшее движение органов побуждает металлический шарик (или ртуть) перекатываться, что производит приятное чувственное возбуждение, мягкое щекотание, похожее на слабый электрический разряд; шарики называются рин-но тама и удерживаются во влагалище специальным тампоном. Женщины, пользующиеся ими, любят качаться на качелях, в гамаках и креслах-качалках, при этом тонкая вибрация шариков производит высшую степень сексуального возбуждения. Джоэст замечает, что, хотя это приспособление хорошо известно по названию обычным девушкам, в основном оно используется самыми выдающимися гейшами и проститутками первого разряда. Его использование сейчас распространилось в Китай, Аннам и Индию. Говорят, что японские женщины часто пользуются искусственным пенисом из бумаги или глины, называемым энги».

Все эти «секретные» приспособления были хорошо известны и до Ёсивары и успешно применялись китайскими женщинами многие тысячелетия. Но умение доводить все до ума позволило японцам прослыть изобретателями изощренных сексуальных техник, способных принести невообразимое блаженство любому живому мужчине, как бы ни

велики были его проблемы. И «рин-но тама» («звенящие яички»), и фаллоимитатор «энги» в ходу до сих пор, и, по признанию девушек, пользующихся ими, с помощью этих нехитрых приспособлений можно решить очень серьезные сексуальные проблемы как психологического, так и физиологического плана, они являются проверенными веками тренажерами для интимной жизни, только освоив которые приличная куртизанка могла переходить к реальной работе.

Не была новой и практика стриптиза, принятая в Ёсиваре, — вспомним богиню, развязавшую шнурки перед Аматэрасу. Разве что теперь богами стали мужчины, а если у них хватало денег, то стриптиз организовывали в составе «танцевального коллектива», как живописует это безвестный посетитель Ёсивары трехсотлетней давности: «Вечеринка была организована во второразрядном чайном домике женщиной, звавшейся О-Кома (госпожа Лошадка). Это был обычный чайных домик с кланяющимися служанками, ритуалом снятия обуви, чистыми комнатами и раздвижными окнами, запахом пудры для тела, частной женской жизни и видом сырого садика за окнами.

Десять гостей были с поклонами препровождены в комнату и усажены за низким столом. Появилась еда, разлили чай, откупорили белые сосуды с саке. Гости предлагали тосты и громко разговаривали.

В комнате было жарко, но никто не открывал окон. За занавесом застучал барабан; гости принялись ритмично выкрикивать: "Тёнкина, тёнкина, хай!" Занавес распахнулся — за ним находилась госпожа Лошадка, стучащая в небольшой барабан. Одна из девушек пощипывала струны сямисэна. Музыка была пронзительная и пронизанная чувственностью.

Появились десять девушек, почти вкатившись в комнату своей семенящей походкой. Они были полностью облачены в церемониальные одежды, а их лица и шеи фарфорово отблескивали пудрой — спутником их профессии. Некоторым из гостей они вообще не показались женщинами; несопротивлявшаяся служанка игриво взвизгнула, когда один из гостей схватил ее.

Танцующие девушки двигались медленными, покачивающимися движениями, в которых, казалось, было больше

усилий, чем страсти. Внезапно музыка прекратилась. Все девушки замерли, и лишь одна, замешкавшись, сделала небольшое движение. Все засмеялись; гости закричали. Не сумевшая вовремя остановиться девушка принялась развязывать пояс. Без малейшего выражения на лице она бросила его на пол. Музыка возобновилась; все ждали; она прекратилась вновь. Теперь другая замешкавшаяся сняла пояс. Одна из девушек лишилась кимоно, затем нижней накидки и стояла полуголой, глядя на мужчин. Комнату заполнило возбужденное дыхание, запах от пролитого саке и разгоряченных танцующих тел. Кто-то немного приоткрыл раздвижное окно. Низкорослая девушка стягивала с себя нижние штаны, демонстрируя бедра, розовую плоть...

Танцовщицы уже не выглядели одинаковыми. Их тела, не покрытые пудрой, были желтыми и коричневыми, в родинках и со странно подбритыми лобковыми волосами. Между их грудей струился пот. Некоторые из них были еще молодые — лет десяти—двенадцати — и имели маленькие, твердые груди. Другие были постарше, и их груди непристойно болтались. Игра продолжалась; гости хлопали друг друга через стол, били чашки из-под саке и кричали, подобно животным в гоне, обнажая зубы. Они отгребали падающие на глаза волосы жирными пальцами и издавали храпящие звуки.

Самая высокая девушка теперь была совершенно нагая. У нее были красивые ноги и тонкие руки; дышала она несколько с трудом. Девушка ростом поменьше становилась все возбужденнее, цепляясь за последний прикрывавший ее предмет одежды, но вскоре и он упал на пол. Женщины более не выглядели как куклы: кто-то был спокоен, кто-то забавлялся. Одну, казалось, опьянила музыка: она делала странные жесты и прыгала туда-сюда, широко раздвинув ноги, с большими бедрами и хлопающими по туловищу грудями, все ближе и ближе приближаясь к гостям.

Их жесты больше нельзя было назвать ни танцем, ни даже игрой; это было сумасшествие — соблазнительное, сексуальное и все же грациозное.

Гости, пошатываясь, вскакивали на ноги, присоединялись к танцующим, начинали освобождаться от своих мечей, сбрасывая с себя одежду. Широкогрудые, коротконогие, с мощ-

ными руками; лица ярко-красные, они терзали вскрикивавших возбужденных девушек. Барабан продолжал стучать не переставая. Некоторые лампы погасли.

Один из гостей попытался уйти, но две маленькие служанки повисли у него на руках: "Ия, ия!" ("Нет, нельзя!"), и саке выплескивалось из их маленьких опьяневших ротиков. Они перешагивали через пары, катавшиеся по циновкам в бесстыдном самозабвении. Оргия продолжалась при пьяных, протяжных криках»[43].

Ёсивара поддержала формирование многочисленных сексуальных направлений, позже создавших костяк национальной традиции Страны солнечно корня. Многие интимные техники получили свое официальное признание за стенами «веселых кварталов», а к тому, что в Европе называют «извращениями», окончательно было выработано отношение как к некоторым «своеобразным привычкам», на которые каждый мужчина имеет право. Куртизанки «веселых кварталов», впервые в Японии профессионально подошедшие к сексу и связанным с ним сферам человеческой жизни, стали первыми сексуальными психологами, сексологами и сексопатологами этой страны, а секс при них — важной частью национальной культуры.

Любование голубой луной

Если бы современное японское кино, скажем фильмы знаменитого Китано Такэси, могли быть известны широкому кругу российских зрителей лет эдак 30 назад, его в традициях тех времен назвали бы «обличителем пороков японского общества». В картинах этого «японского Максима Горького» и в самом деле хватает мизераблей и всяческих добровольных изгоев, а уж пороки они демонстрируют — все, какие только можно придумать. Разумеется, не обходится и без самого любимого японцами — гомосексуализма, чего в пролетарских описаниях жизни бомжей не было — в России голубая традиция дожидалась Владимира Сорокина (и дождалась). Эпизоды блокбастера Китано, ориентированного прежде

всего на европейскую и американскую публику, «Дзатоити» («Zatoichi»), брутальны и шокирующи. Напомним один из них: погибающий от голода маленький мальчик, чтобы прокормить себя и сестру, решается на проституцию. Он подходит на улице к прохожему и просто говорит: «Дядя, возьмите меня». И дядя берет... Отсутствие всяких витиеватостей и условностей не только придает художественную силу эпизоду, но и с самурайской прямотой заявляет, что такая атмосфера правдива, что она была обычна для самурайской Японии. То, что для нас шок, для них считалось тяжелым, но не чрезмерно выдающимся способом зарабатывания денег. У «дяди» не возникает и не может возникнуть мысль о том, что он педофил и гомосексуалист, он просто соглашается — после секундного колебания... Один из лучших фильмов другого знаменитого японца — «Табу» Осима Нагиса — довольно точно передает голубоватое свечение самурайских будней и отношение суровых воинов к этой слабости рода человеческого — одновременно укоризненное (это мешает службе) и снисходительное (если не сильно, то пусть мешает).

И в «Табу», и в «Дзатоити» изображены времена позднего самурайства — вторая половина эпохи Эдо, то есть XIX век. О том, что такое поведение не было результатом моральной деградации японского общества, а являлось следствием рассматриваемого нами простодушно-божественного отношения к плотским занятиям любовью, свидетельствуют и упоминавшиеся уже памятники литературы, повествующие о более ранних временах, а главное, произведения, созданные современниками, а не описанные сегодняшними художниками — им хватит для вдохновения и реалий наших дней. Во все времена и в Европе, и в Японии большинство посетителей публичных домов составляли монахи и военные. Некоторые из них искали не обычные женские, а менее распространенные, но и поныне существующие мужские публичные дома. Тем более что даже внешне отличить утонченного самурая от девушки бывало не так-то просто, особенно если учесть, что вполне открыто предающиеся голубой страсти воины нередко одевались по-женски, подражали женской походке и речи и отращивали длинные волосы.

Конец XVIII века стал в Японии временем расцвета гомосексуализма, когда оформились основные его эстетические обоснования, изложенные в трактатах известных самураев, ученых и, конечно, монахов. «Веселые кварталы» по всей стране откликнулись на эту популярность ростом предложения: десятки крупных «мужских домов» предлагали на любой вкус сотни объектов вожделения. Ёсивара, расположенная рядом с храмовым комплексом Сэнсодзи в Эдо, дала пример совмещения буддийской добродетели с однополой страстью, и многие «мужские дома» не просто соседствовали в Японии с храмами, а нередко использовали территорию святилищ в своих целях, как это было, например, в эдоском храме Юсима Тэндзин, ныне — месте паломничества тысяч студентов, в том числе из расположенного поблизости Токийского университета. Несмотря на мощную «теоретическую базу» гомосексуализма, созданную его апологетами, правительство сёгуната со временем пришло к выводу, что такая любовь все же является противоестественной, и к середине XIX века Эдо почти лишился гомосексуальных притонов, а следом железной рукой гетеросамураев был наведен порядок и в отдаленных провинциях. Однако это не значит, что гомосексуализм в Японии исчез, отнюдь нет.

«Вне стен публичных домов гомосексуалисты превратились в "продавцов благовоний". Претенциозно и богато выряженные, эти женоподобные личности носили коробки из дерева кири с различными благовониями, завернутые в голубую материю; они стучались в двери лучших домов аристократов и военачальников, предлагая ароматные курения и себя самих».

Но откуда же взялась в японцах такая странная для европейцев страсть? Я уже не раз упоминал, что еще в стародавние времена, в эпоху раннего японского Средневековья, японцы замечали склонность к однополой любви в тех, кому трудно было найти себе гетеросексуальное общество, главным образом в буддийских монахах. Стоит ли удивляться, что в буддийской стране, каковой, в сущности, являлась Япония до середины XIX века, такие взгляды на секс не подвергались острой критике? Разве что констатировались с легкой

усмешкой теми, кто находился наиболее далеко от буддийской культуры, прежде всего горожанами. При этом нищие, набожные крестьяне сами были крайне простых нравов, а для самураев, этико-религиозной основой поведения которых стал дзэн-буддизм, подобное и вовсе выглядело вполне нормальным, тем более в походе. Гневно осуждать японских гомосексуалистов в то время могли только попавшие в Японию христиане, да и то между собой, как это делал, например, отец Франциско Ксавье в своем письме в штаб-квартиру ордена иезуитов 5 ноября 1549 года: «Похоже, что миряне здесь совершают гораздо меньше грехов и больше слушают голос разума, чем те, кого они почитают за священников, которых они называют бонзами. Эти [бонзы] склонны к грехам, противным природе, и сами признают это. И совершаются они [эти грехи] публично и известны всем, мужчинам и женщинам, детям и взрослым, и, поскольку они очень распространены, здесь им не удивляются и [за них] не ненавидят.

Те, кто не являются бонзами, счастливы узнать от нас, что это есть мерзкий грех, и им кажется, что мы весьма правы, утверждая, что они [бонзы] порочны, и как оскорбительно для Бога совершение этого греха. Мы часто говорили бонзам, чтобы не совершали они этих ужасных грехов, но все, что мы им говорили, они принимали за шутку, и смеялись, и нисколько не стыдились, услышав о том, каким ужасным является этот грех.

В монастырях у бонз живет много детей знатных вельмож, которых они учат читать и писать, и с ними же они совершают свои злодеяния. Среди них есть такие, которые ведут себя как монахи, одеваются в темные одежды и ходят с бритыми головами, похоже, что каждые три-четыре дня они бреют всю голову, как бороду»[44].

И если до поры до времени гомосексуальные отношения и между монахами, и между воинами не осуждались, но и не особо афишировались, то в XVII–XVIII веках, когда создавались различные письменные «кодексы чести» и воинские «уставы», самурайские морализаторы расставили все точки над «i». Гомосексуализм между воинами был возведен в ранг если не добродетели, то, по крайней мере, вполне достойного

занятия для мужчины — цитаты из популярных «кодексов бусидо» достаточно свидетельствуют об этом*.

Приведем некоторые из них полностью, чтобы читатель сам мог разобраться в том, как относились к этому делу такие выдающиеся идеологи самурайства, как уже знакомый нам автор «Хагакурэ», бывший самурай Ямамото Цунэтомо, написавший книгу в бытность свою буддийским монахом:

«Если человек начинает заниматься мужеложством в молодости, он может опозорить себя на всю жизнь. Опасно не понимать этого. Поскольку в наши дни никто не наставляет молодежь в этих делах, я здесь скажу кое-что от себя.

Следует понять, что женщина должна быть верна своему мужу. Но в этой жизни нам дано любить только одного человека. Если это не так, наши отношения ничем не лучше содомии или проституции. Это позор для воина. Ихара Сайкаку написал известные строки: "Подросток без старшего любовника — все равно что женщина без мужа".

Молодой человек должен проверять старшего в течение по крайней мере пяти лет. Если за это время он ни разу не усомнился в его хороших намерениях, тогда он может ответить ему взаимностью. С непостоянным человеком невозможно установить хорошие отношения, потому что он скоро изменит своему любовнику.

Если такие люди посвящают друг другу свои жизни, они пользуются взаимным доверием. Но если один человек непостоянен, другой должен заявить, что не может продолжать отношения с ним, и после этого решительно порвать с ним. Если первый спросит почему, второй должен ответить, что не скажет ему ни за что на свете. Если тот не унимается, нужно рассердиться; если он настаивает, нужно зарубить его на месте.

---

* Так называемый «Кодекс Бусидо», то есть, книги «Хагакурэ», «Будо сёсин-сю» и «Хагакурэ нюмон», стал настолько популярен, что в 2006 году в России вышла аудиокнига «Кодекс Бусидо», читает которую известный рок-музыкант А. Ф. Скляр. И хотя он производит впечатление вполне мужественное, как тут не вспомнить о стандартных упреках, выдвигаемых в адрес некоторых рокеров...

Кроме того, старший должен точно так же проверять подлинные намерения младшего. Если младший остается верным в течение пяти или шести лет, можно считать, что он оправдывает доверие.

Главное — не изменять своим принципам и быть безупречным на Пути Самурая».

Древняя наставляющая литература непременно обращалась к простым историям, несложным притчам для иллюстрации предлагаемых канонов поведения. Следует этому правилу и Ямамото:

«Мужеложство в нашей провинции ввел Хосино Рётэцу, и, хотя у него было много учеников, он наставлял каждого из них индивидуально. Эдаёси Сабуродзаэмон был человеком, который понял смысл мужеложства. Однажды, когда Сабуродзаэмон сопровождал своего учителя в Эдо, Рётэцу спросил его:

— Как ты понимаешь мужеложство?

— Это нечто одновременно приятное и неприятное, — ответил Сабуродзаэмон.

Рётэцу был доволен его ответом и сказал:

— Ты можешь сказать это, потому что иногда тебе приходилось сильно страдать.

Через несколько лет кто-то попросил Сабуродзаэмона объяснить ему смысл этих слов. Тот ответил: "Отдавать свою жизнь во имя другого человека — вот основной принцип мужеложства. Если он не соблюдается, это позорное занятие. Если же он соблюдается, у тебя не осталось того, чем бы ты не мог пожертвовать во имя своего господина. Поэтому говорят, что мужеложство — это нечто одновременно приятное и неприятное"»[45].

В самом начале своих рассуждений об однополой любви Ямамото сразу сослался на создателя жанра любовных повестей «Косёку-моно» Ихара Сайкаку. Среди его сочинений есть «Повесть о Гэнгобэе, много любившем» — откровенная и мудрая история гомосексуалиста из самурайского рода, которая начинается с порицания дурной наклонности героя: «Гэнгобэй предавался только любви к юношам, любви же к слабым длинноволосым существам не испробовал ни разу. А ведь шла ему уже двадцать шестая весна!»[46] При

этом в описании влечений Гэнгобэя автор умышленно или нет, но использует те же самые классические слова и выражения, что приличествуют обычно рассказу о возвышенной любви мужчины и женщины: «С самого начала любовь их была такова, что друг для друга они не пожалели бы отдать и жизнь»[47], но все же оговаривается, что страсть Гэнгобэя к мальчику Хатидзюро «ненормальна». Ненормальна тем более, что вскоре следует «завязка», характерная скорее для традиционной японской «развязки», — Хатидзюро умирает прямо на любовном ложе. Гэнгобэй, разбитый горечью утраты, совершает логичный шаг — становится буддийским монахом. После трех лет молитв во искупление греха следует случайная встреча с пятнадцатилетним подростком, «красотой своей превосходящим Хатидзюро» и приглашающим монаха к себе на ночлег после того, как этот монах — Гэнгобэй — рассказал о причинах своего пострига. Результат предсказуем: «Утех этой ночи хватило бы на тысячу ночей!» В лучших традициях буддийской притчи Гэнгобэй понимает, что порочен (это понятие хоть как-то заменяло японцам христианскую концепцию греха), сразу после того, как вскоре его новый возлюбленный тоже отправляется в лучший из миров. Ихара замечает, что Гэнгобэй, преисполненный скорби по двум своим покойным возлюбленным юношам, достоин похвалы, поскольку даже убивший «троих или пятерых жен» мужчина не может считаться преступником, а пассивные гомосексуалисты приравниваются в таком случае к женщинам. Столкнуть же монаха с верного пути может только... настоящая женщина — влюбленная в него девушка, которой Гэнгобэй не уделяет никакого внимания — пока она не переодевается в мужское платье и не объясняется в любви монаху:

«— Да, я отшельник, но ведь любовь — это тот путь, с которого трудно сойти!

И он сразу же начал любовную игру с О-Ман. Не знал же он, что перед ним — женщина. Пожалуй, сам Будда должен простить это ему»[48].

Конечно, со временем все выясняется. Ихара устами своего героя делает иронический, а для западного читателя шокирующий вывод: «“А какая, в сущности, разница между

любовью к юношам и любовью к женщинам?" Вот как уже перемешалось все в его легкомысленном сердце!»

Традиция голубой любви к подросткам-вакасю жива и в современной Японии, хотя среди ее певцов уже нет величин, равных Ихара Сайкаку или Ямамото Цунэтомо. Последний герой голубой луны — писатель, киноактер, философ и ультраправый националист Мисима Юкио (родом, кстати, из тех же мест, что и ихаровский Гэнгобэй) умер в 1970 году — от удара мечом своего возлюбленного. Мисима совершил сэппуку (харакири) после неудачной попытки правого мятежа, а молодой человек, находившийся рядом с ним, выполнял роль секунданта и должен был снести голову старшему товарищу, как только тот пронзит себе живот. Мисима Юкио оказался последним романтиком японского гомосексуализма, воспевшим его на страницах своих романов. У великого трагика Японии и преданного почитателя Ямамото Цунэтомо и маркиза де Сада хватило смелости шокировать весь мир, а главное — внешне уже вполне буржуазно-пристойную Японию середины XX века откровенными признаниями в своих гомомазохистских пристрастиях. И, о чудо, не только Япония, но и весь мир простили ему все — за гениальность:

«Мне было двенадцать лет, и я вот уже целый год страдал, — как страдает ребенок, которому досталась удивительная и непонятная игрушка. Игрушка эта иногда вдруг набухала и всем своим видом намекала, что, если научиться с ней обращаться, возможны какие-то очень интересные игры. Но инструкции к ней не было, и всякий раз, когда игрушка выказывала желание вовлечь меня в свои забавы, я терялся. Иногда от унижения и нетерпения мне хотелось ее разломать. Но в конце концов я уступал этой своенравной мучительнице, в чьем облике таилась какая-то сладкая тайна, и просто пассивно наблюдал — что будет дальше. Со временем я стал прислушиваться к игрушке более спокойно, желая понять, куда она меня зовет. И тогда я обнаружил, что у нее есть свои определенные склонности, свое внутреннее устройство. Склонности эти постепенно выстраивались в единую цепочку; детские фантазии; загорелые тела юношей на пляже; пловец, которого я видел в бассейне;

смуглый жених одной из моих кузин; мужественные герои приключенческих романов. Прежде я заблуждался, полагая, что мое влечение к подобным вещам имеет чисто поэтическую природу.

Кроме того, моя игрушка поднимала голову каждый раз, когда я представлял себе смерть, кровь и мускулистое тело. У паренька, прислуживавшего в нашем доме, я тайком брал иллюстрированные журналы, на красочных обложках которых были изображены кровавые поединки, молодые самураи, делающие харакири, и солдаты, падающие на бегу, прижав ладони к окровавленной груди. Встречались в журналах и фотографии молодых борцов сумо — неименитых и еще не успевших заплыть жиром... При виде подобных картинок игрушка немедленно оживлялась, проявляя все признаки любопытства. Возможно, точнее было бы назвать это не "любопытством", а "любовью" или, скажем, "требовательностью".

Когда связь этих событий стала мне ясна, я начал стремиться к наслаждению уже сознательно, намеренно. Возникла система отбора и подготовки. Если мне казалось, что картинка в журнале недостаточно красочна или выразительна, я брал цветные карандаши, перерисовывал ее на лист бумаги, а дальше уже подправлял как хотел. Так появились рисунки цирковых атлетов, корчащихся от удара штыком в грудь, и разбившихся канатоходцев с расколотым черепом и залитым кровью лицом. Свои "жестокие картинки" я прятал в самом дальнем углу книжного шкафа и, помню, иногда, сидя в школе на уроке, переставал слышать учителя и замирал от ужаса при одной мысли, что кто-то из домашних найдет мой тайник. Однако уничтожить их не решался — слишком уж привязалась к ним моя игрушка.

Так и жил я со своей капризной игрушкой день за днем, месяц за месяцем, не имея представления не то что о главном предназначении этого инструмента, но даже о вспомогательной его функции, которую со временем я стал называть своей "дурной привычкой"»[49].

«Дурные привычки» заразительны...

Сижу за решеткой...

Я плотвичка-невеличка
в тинистом пруду —
сом противный, сом усатый,
отпусти меня![50]

Истории о любовных похождениях пленительных обитательниц Ёсивары и утонченных самураях, об искусных гейшах и щедрых купцах, даже если они и оканчивались трогательным актом двойного самоубийства — дзюнси, так вскружили голову горожанам, что реальная жизнь «веселых кварталов» стала казаться несколько призрачной. Завеса романтики усилилась с прибытием в Японию первых иностранцев, сразу же углядевших в индустриально развитой и эстетически утонченной организации любовного дела передовую на этом направлении прогресса страну в мире. Как чаще всего и бывает в таких случаях, созданный образ начал быстро вытеснять в сознании современников реальность, и с годами стало казаться, что жизнь в Ёсиваре — и для девушек, и для их поклонников — была нескончаемой чередой плотских удовольствий, интеллектуальных игр, тонких драматических переживаний и эстетических наслаждений, воспетых в театре и литературе, да еще с материальной выгодой для семей участников. Борис Пильняк писал об этом: «Все народное творчество имеет сюжеты, связанные с Йосиварой, — нет спектакля в классическом театре, где не было бы эпизода из бытия Йосивары. Каждый дом в Йосиваре имеет длинную свою и почтенную историю, свои исторические анналы. Город Фукаока* гордится собою — тем, что в нем появилась первая проститутка, она была самурайкой, могила ее чтится, и на могиле ее каждый год бывают торжества. Спрашивают девочку: "Кем ты хочешь быть?" — и девочка отвечает: "Женщиной из Йосивары!" — Если бы я узнал, что я существую за счет сестры-проститутки, — если бы я не застрелился, то наверняка много бы мучился этим; если бы я был японцем, я мог бы быть этим горд. Часть женщин

* Фукуока.

в Йосивару идет по призванию, по склонности, других туда продают отцы и мужья: потом, выйдя из Йосивары, эти женщины или выходят замуж, или возвращаются к своим мужьям. Это никак не позор — быть женщиной из Йосивары. Проституция очень часто бывает товаром, которым торгуют для поправления бюджета.

Нация позаботилась, чтобы дело проституции было в хорошем состоянии, — частной проституции — нет, проституция огосударствлена, в коридорах висят, в абсолютном порядке, кружки с марганцево-кислым калием, — на выставках выставлены катетеры, половые органы из папье-маше, проверенные медицинским надзором и полицией, — частнопрактикующим проституткам лицензий на проституцию не выдается, проститутки собраны в Йосиваре...»[51]

Естественно, на самом деле все обстояло совсем не так безоблачно — жизнь в Ёсиваре была крайне тяжела, но очень быстротечна. Как и во всем мире, в Японии биография «среднестатистической» средневековой проститутки ограничивалась двадцатью пятью — двадцатью восемью годами. Даже дорогие и изнеженные ойран редко доживали до старости, которая у них наступала очень быстро — физиологические излишества, ночной график работы, нервные стрессы, связанные с необходимостью удовлетворять клиентов, порой весьма далеких от идеалов книжных героинь, прочие «производственные неурядицы» и, конечно, венерические заболевания не шли на пользу женскому организму. Что уж тут говорить о куртизанках менее высокого ранга — вынужденных сидеть за решеткой в ожидании благосклонного взора клиента, как правило, не обремененного деньгами, интеллектом и далеко не всегда приверженца правил гигиены?

Жизнь за решеткой протекала в условиях замкнутого, очень узкого мирка, почти все население которого составляли женщины. При этом большая их часть оказывались одновременно и подругами, и конкурентками. От их внимательного взгляда некуда было спрятаться, с ними нельзя было поделиться сокровенными мыслями, но и кроме них некому было поплакаться в жилетку. Сегодня мужчины слегка шутя называют даже небольшие женские коллективы «серпентариями», что же говорить в таком случае о Ёсиваре и других «веселых

кварталах»? Женщины Ёсивары фактически являлись заключенными, а учитывая неизбежно возникавшую в описанных условиях атмосферу истерии, ревности, интриг и лукавства, их скорее можно было бы назвать заключенными сумасшедшего дома, героинями сериала с плохим концом.

Гравюры, сохранившие до сего дня «серии» этой своеобразной картины, сначала захватывают наше воображение экзотикой с флером разврата, но скоро приедаются, и становится понятно, что на них изображено почти одно и то же. Иначе и быть не могло — жизнь Ёсивары вообще не блистала разнообразием. Из-за отсутствия широкого круга общения среди людей многие куртизанки старались завести себе преданного и молчаливого друга — домашнего питомца. В зависимости от ранга и соответственно финансовых возможностей девушка могла держать у себя от маленького сверчка до целой своры домашних собачек, которые составляли самую преданную ей группу почитателей. В обучении питомцев различным играм и трюкам легче короталось свободное время, им можно было доверить тайны, не опасаясь, что они достигнут ушей тех, кому не предназначены. Любопытно, но в отличие от похожей обстановки древнегреческих и особенно древнеримских домов терпимости в Японии животные никогда не оказывались предметом чувственного интереса (сверчки в данном случае не рассматриваются вообще). Возможно, почти полное отсутствие зоофилии объяснялось несколько отличным от европейского отношением японцев к животным, прежде всего к собакам. Последние никогда не считались, да и теперь не считаются главными друзьями человека, что характерно для европейского менталитета, восходящего своими корнями к логике мужчин-охотников. Рисоводческое сознание японцев не оставило для собак значительного места в природной иерархии. Собака не стала существом, необходимым японскому крестьянину, как не стали этими существами лошади или козы, что было бы характерно для весьма склонного к «животноводческой» зоофилии центральноазиатского этноса. По всей видимости, этим можно объяснить и нынешнее нераспространение этой перверсии среди японцев. Однако вернемся в Ёсивару.

Исследователи часто описывают другую, значительно более безобидную страсть японок, заключенных в стены «веселых кварталов»: страсть к гаданию, предсказаниям и ворожбе. Например: «Слово тя ("чай") таило в себе неприятности; предполагалось, что можно самой быть растертой в пыль, или потерять работу, поэтому его никогда не произносили.

Сидеть на ступенях было плохим признаком: можно было лишиться клиентов.

Никакое маленькое животное — птица, кошка или собака — не могли пересечь комнату; их следовало немедленно изловить и отправить обратно по их же следам, приговаривая: "Гомэн кудасай" ("Прошу прощения").

Чихание было признаком многого: один раз — кто-то говорит о тебе хорошо; два раза — говорит плохо; три раза — кто-то в тебя влюбился; четыре раза — ты простудилась.

Поставить корзину на голову — стать ниже; наступить на свежий лошадиный навоз — выше.

Ребенок, нечувствительный к щекотке, вырастет глупым.

Очистить пупок от ниток и ваты — простудиться.

Воск в ушах улучшает память (вероятно, потому, что слышишь меньше того, что надо запоминать).

Кудрявые женщины развратны сверх всякой пристойности (и очень редки в Японии). (Как тут не вспомнить русскую частушку: «Кудри вьются, кудри вьются, кудри вьются у б...й. Почему они не вьются у порядочных людей». — *А. К.*)

Гриб, помещенный на пупок, излечивает от морской болезни.

Если выпустить ветры, на какое-то время язык пожелтеет.

Плюнуть в туалет — стать слепой (туалет вообще считался и считается в Японии местом отнюдь не отхожим, а важным, а в старых синтоистских верованиях и вовсе святым. — *А. К.*).

Тот, кто мочится на земляного червя, рискует получить распухший пенис.

Люди со сросшимися бровями долго не живут.

Чтобы охладить все тело, обмахни веером ладони рук.

Непочтительное поведение вызовет появление заусениц.

В Ёсивара к нежелательным посетителям применяли определенное колдовство (по крайней мере, девушки клялись, что нижеследующее было действенно).

Взять коёри (скрученную бумагу, использовавшуюся в качестве лучины) и из нее свернуть фигурку собаки. Положить ее на шкаф или подставку для зеркала в комнате, смежной с той, где находится посетитель, повернув к нему морду животного. Шепотом спросить животное, чтобы то дало быстрый ответ: уйдет гость или останется.

Если кончики завязок поясной материи или накидки (коси-маки) окажутся завязанными в узел, гость уйдет немедленно.

Завернуть небольшое количество теплого пепла в кусок бумаги и поместить пакетик под ночные одежды гостя ближе к его ногам. Он уйдет немедленно.

Поставить веник в конце комнаты рядом с комнатой гостя и, положив рядом с ним сандалии, сказать шепотом: "Вот; пожалуйста, уходите быстрее". Он тут же уйдет»[52].

Подобную страсть к мистике и колдовству легко объяснить, имея в виду еще и главную цель нахождения девушек в Ёсиваре. Все они мечтали о счастливом случае, который позволит им сократить время своего добровольного или невольного заточения и вернуться в мир богатыми и счастливыми. К сожалению, для подавляющего большинства из них все это так и осталось несбыточной грезой, ставшей лишь почвой для романтических произведений драматургов, поэтов и художников.

В реальности девушек поджидали психические заболевания, тяжелый женский алкоголизм, характерный для Дальнего Востока полиневрит «бери-бери», вызванный нехваткой витаминизированной пищи, эпидемии чахотки и холеры и, конечно, венерические заболевания, выкашивавшие целые заведения после проникновения в Японию иностранных моряков. При этом отсутствие средств к существованию и неумение делать что-либо другое приводили к тому, что проститутки, потерявшие ценность на «дневном рынке», переходили в «ночную смену» (в Ёсиваре после десяти часов вечера), продолжая обслуживать клиентов за гроши в темноте, и здесь уже не было места никакой романтике и утонченным наслаждениям. Здесь не требовались дорогие наряды, долгие разговоры и танцы девушек-гейш. Клиенты приходили и быстро получали то, что им нужно, а часто и сверх

того — профзаболевания, которыми к концу карьеры не страдала редкая куртизанка.

Русский путешественник Григорий де Волан, побывавший в Ёсиваре в последние годы существования, поражался здешним нравам: «Все чайные дома (некоторые в пять этажей), гостиницы и другие здания были освещены разными лампочками и фонарями, со всех сторон слышно было пение и японская музыка. Во многих из этих домов за решетками, точно птицы в клетках, сидели разодетые, сильно нарумяненные и набеленные, неподвижные женские фигуры. При виде веселой толпы мужчин и женщин и даже детей, осматривающих этих женщин с любопытством, никто не подумал бы, что это неприличный квартал, так все здесь прилично и только изредка видишь в воротах темную фигуру хозяина этого живого товара, расхваливающего его достоинства и торгующегося с покупателем.

Большинство этих женщин (жоро) не считают постыдным свое ремесло. Отец не считает предосудительным отдать свою дочь с 12 лет в дом разврата и готовить из нее жоро или гейшу. Контракты заключаются на три, пять, семь лет, и плата отцу бывает от 200 до 2000 иен или рублей, с обещанием содержать девицу и дать ей артистическое образование.

Есть отцы, которые не стыдятся того, что отдали дочь в такое хорошее место, очень часто посещают ее и мирно беседуют с ней, когда она сидит за решеткой, а когда она возвращается в отчий дом, накопив приданое, она может сделать хорошую партию.

Правда, японцы старого режима приходят в эти места, тщательно закрыв лицо, так как порядочному человеку неприлично показаться с открытым лицом в таких местах, где бывает всякий сброд. Изредка увидишь полицейского, который следит за благопристойностью публики, но это совершенно напрасно, так как самая неприличная японская публика всегда прилична в высшей степени. Как ни смотрите, вы нигде не увидите пьяных, циничных женщин, как в разных вертепах Европы. Везде тишина и образцовый порядок. Это довольно странно, потому что очень хорошо знаешь, что в этом квартале шатается много всякого сброда.

Известное дело, что если японец совершил какую-нибудь крупную кражу, то он первым делом идет в квартал куртизанок и несколько дней проводит в кутеже. Полиция это очень хорошо знает, и если виновник какого-нибудь преступления еще не отыскан, то сыщик направляется первым делом в Ёсивару, Нигонь-ге или Маруяма и там обыкновенно находит то, что нужно»[53].

Со временем девушкам из Ёсивары были сделаны послабления, они получили возможность покидать свой остров и присутствовать на городских праздниках, особенно частых в Японии летом. Это хоть как-то уравнивало их в правах с многочисленными нелегальными проститутками, живущими в городе и платящими за свою относительную свободу другую цену — безвестность и презрение. Горожане по-прежнему выделяли и боготворили только ойран из Ёсивары, а не безымянных потаскушек, промышляющих у соседнего храма, хотя охотно пользовались их услугами при отсутствии нужной для посещения Ёсивары суммы. В Японии до сих пор сохранился красивый обычай любования распустившимися цветами сакуры в начале весны. В старые времена это была неделя счастья для куртизанок «веселых кварталов», так как на это время они на законных основаниях отправлялись в город, где в окружении богатых клиентов могли насладиться красотой цветущей вишни, блеснуть мастерством в сложении стихов на поэтических турнирах, богатством и изяществом кимоно, да и просто отдохнуть. С давних времен цветение сакуры принято встречать с чашкой саке в руках, и пить в этот день следует столько, сколько хочется (и сегодня каждый сезон цветения сакуры уносит жизни нескольких десятков японцев, не выдержавших алкогольного напряжения). Выпив же, не возбраняется веселиться, петь и танцевать. Понятно, что равных в этом мастерстве гейшам и куртизанкам в средневековой Японии не было, а потому до сих пор праздник цветения сакуры ассоциируется у многих японцев с некоторым разгулом и вольностями.

Помимо участия в праздниках, девушка могла покинуть Ёсивару для лечения у врача или для молитвы в соответствующем храме, но с таким расчетом, чтобы вернуться на

остров к половине шестого вечера. Впрочем, это дозволялось богатым ойран или куртизанкам, у которых уже был более-менее богатый данна-покровитель. В противном случае лечение организовывали по известному не только в Японии принципу: «Помрет ли, выздоровеет — на все Божья воля». Умирающих отправляли к родителям или тем, кто продал девушку в «веселый квартал»: Ёсивара — не самое удачное место для расставания с миром. Если девушка умирала и никто не забирал останки, ее хоронили на специальном кладбище для нищих и бродяг — Дотэцу. И, как пелось в старой песенке, «о ней, может, поплачет хоть одна молодая служанка».

Неудивительно, что для многих девушек, понявших, что надежда поймать свою мечту за хвост слишком слаба и впереди их не ждет ничего хорошего, единственным способом выживания становился побег.

Вообще побег для Японии — маленькой островной страны, бóльшую площадь которой составляют горы, в те времена покрытые еще и непроходимыми лесами, страны с мононациональным населением, опутанным плотной полицейской паутиной, страны, строжайшим образом изолированной от всякого общения с заграницей, считался средством крайним и, мягко говоря, не самым эффективным. Решиться на него могла только девушка, которой, как ей казалось, нечего было терять, — как правило, молодая, романтически настроенная и не на шутку влюбленная. Разумеется, бежали и по более прозаическим причинам: оказавшись в долговой пропасти, запутавшись в интригах, связанных обычно с материальными выгодами, совершив преступление, наконец. Однако такие побеги были сопряжены не только с опасностью поимки, но, что для японцев гораздо более значимо, с опасностью полного отторжения беглянки от общества, независимо от результатов ее поиска. Бежать из Ёсивары очень часто значило нарушить свой долг по отношению к родителям, родственникам, нарушить сложную систему взаимоотношений и общественных противовесов, столь характерную для феодальной Японии. Единственным, пусть и частичным, извинением для беглянки могла быть романтическая любовь — обычный сюжет на протяжении целого тысячелетия японской жизни, но

и то — в идеале такой сюжет завершался запланированной развязкой — смертью обоих главных участников драмы. Так что деваться пленницам было особо некуда, а бывшие хозяева немедленно обращались в полицию, которая прилагала все усилия для поиска и задержания нарушительницы спокойствия. Система поголовной слежки и оповещения властей обычно срабатывала безупречно, и беглянку чаще всего возвращали в публичный дом, где к сумме ее долга (за обучение, кимоно, еду и прочие расходы) добавлялась сумма, затраченная на ее поимку, — точь-в-точь как к сроку бежавшего заключенного добавляется новый срок за побег. Да фактически так и было — долг приходилось отдавать дольше, а значит, и заключение на острове Ёсивара продлялось — нередко до конца жизни.

Для самых несдержанных и неукротимых существовал свой вариант штрафного изолятора — курагаэ, или «смена седла». Совершившую несколько побегов девушку обычно продавали в публичный дом вне стен Ёсивары, где условия жизни и надсмотр за ней были несравненно грубее и жестче — настолько, насколько это возможно, чтобы не испортить товар окончательно. Неудивительно поэтому, что красивое, романтическое и возвышенное расставание с жизнью, которое, возможно, станет поводом для создания художественного произведения, и к любовникам хотя бы после смерти придет слава и почитание («на миру и смерть красна»), часто было совсем не самым грустным выбором для девушки из Ёсивары.

Известный европейский японовед и пропагандист японской культуры и японского духа, оставшийся жить в Японии и умерший там, Лафкадио Хёрн писал о такой грустной стороне трагической любви: «Любовь с первого взгляда реже встречается в Японии, чем на Западе, частично из-за особенностей общественных отношений на Востоке, а частично из-за того, что очень много грустных моментов избегаются ранним браком, устроенным родителями. С другой стороны, самоубийства от любви достаточно часты, однако их особенность в том, что они почти всегда двойные. Более того, в подавляющем большинстве случаев их следует считать результатом неверно выстроенных отношений. Тем не менее есть исключения, выделяющиеся своей храбростью и чест-

ностью; обычно такое происходит в крестьянских районах. Любовь в такой трагедии может возникнуть совершенно внезапно из самых невинных и естественных отношений между мальчиком и девочкой или может начаться еще в детстве с жертв. Однако даже тогда сохраняется весьма определенная разница между западным двойным самоубийством из-за любви и японским дзёси. Восточное самоубийство не есть результат слепого, мгновенного решения избавиться от боли. Оно не только холодное и методичное, оно сакраментальное. Собственно, это — брак, свидетельством которого является смерть. Они дают друг другу обет любви в присутствии богов, пишут прощальные письма и умирают.

Никакой обет не может быть более глубоким и священным, чем этот. Поэтому, если случится, что посредством какого-то внезапного внешнего вмешательства, или усилиями медицины, один из них оказывается выхвачен из объятий смерти, он становится связанным самыми серьезными обязательствами любви и чести, требующими от него уйти из этой жизни при малейшей представившейся возможности. Разумеется, если спасают обоих, все может закончиться хорошо. Однако лучше совершить любое жесточайшее преступление, караемое пятьюдесятью годами заключения, чем стать человеком, который, поклявшись умереть с девушкой, отправил ее в Светлую Землю одну. Женщину, уклонившуюся от исполнения своей клятвы, могут частично простить, однако мужчина, выживший в дзёси из-за внешнего вмешательства и позволивший себе продолжить жить далее, не повторяя попытки, до конца своих дней будет считаться предателем, убийцей, животным трусом и позором для всей человеческой природы»[54].

Современные европейцы и американцы хорошо знают, что такое синдзю, по знаменитой пьесе японского драматурга XVII–XVIII веков Тикамацу Мондзаэмон «Самоубийство влюбленных в Сонэдзаки» — очень популярному сочинению в Японии со времени своего появления в начале XVIII века и до наших дней. В ее основу положена реальная история самурая и проститутки, покончивших с собой в квартале Сонэдзаки. При этом самоубийство могло совершаться как сугубо «самурайским способом», то есть мечом (для мужчин путем рассекания живота — харакири, для женщин — раз-

резания горла), так и «общегражданским» способом. Чаще всего влюбленные прыгали вниз с моста или какого-нибудь обрыва — на камни или в воду. Особенно романтичным считалось падение в кратер священной горы Фудзи или какого-нибудь другого вулкана, но и на обычное синдзю, например на прыжок с нынешней туристической Мекки, великолепной террасы храма Киёмидзу в Киото, японцы всегда смотрели с большим уважением и даже пиететом. Не случайно консультировавшийся с японистами советский писатель Валентин Пикуль оборвал жизнь своих героев в романе «Три возраста Окини-сан» именно броском со скалы в бушующее море. Можно сказать, что культ жертвенного самоубийства уже был в это время неразрывно связан с духом японского народа, в том числе и японских женщин. Крупнейший японский пропагандист конца XIX века доктор Нитобэ Инадзо, автор книги «Бусидо, дух Японии», в главе «Воспитание и положение женщины» одобрял готовность самурайских жен и дочерей к смерти: «Девушкам, достигшим поры расцвета женственности, дарили кинжалы (кай-кэн, карманные ножи), которые можно было бы направить в грудь нападавшему или, если иного выхода не было, — в собственное сердце. Последнее случалось достаточно часто, и все же я не могу жестоко осуждать это. Даже христианская совесть, с ее отвращением к самоуничтожению, не относится к таким вещам сурово, принимая во внимание случаи самоубийства Пелагии и Доминины, канонизированных за свою чистоту и святость. Когда целомудрие японской Виргинии подвергалось опасности, она не дожидалась, пока в ход пойдет кинжал отца, — на ее груди всегда покоилось собственное оружие. Не найти способа совершить самоубийство было для нее позором. К примеру, несмотря на скудные познания в анатомии, она должна была точно знать то место, где следует перерезать горло; она должна была знать также, как именно нужно перевязывать нижние конечности поясом, чтобы, независимо от силы предсмертной агонии, ее тело предстало перед глазами посторонних в предельной скромности, с надлежащим образом подобранными ногами.

...Молодая женщина, оказавшаяся в заточении и под угрозой насилия со стороны грубых солдат, заявила, что предоставит

себя их удовольствию, если ей позволят написать пару строк своим сестрам, которых война рассеяла по разным частям страны. Когда послание были завершено, она подбежала к ближайшему колодцу и спасла свою честь, утопившись»[55].

По меткому замечанию А. Н. Фесюна, доктора Нитобэ Инадзо можно упрекнуть только в недооценке знаний анатомии со стороны японских куртизанок. В остальном же все верно — при распространенном культе самоубийств и трепетном отношении к ним со стороны общества в них только и мог видеться средневековым беглянкам из «островного рая» Ёсивары единственный выход из «мира страданий» — кугай.

Впрочем, находились и те, кому удавалось бежать, часто в одиночку, из этого мира, но что ждало этих девушек дальше? Безрадостная старость для тех, кому удалось до этой старости дожить, неприятная и тяжелая работа в качестве «женщины тьмы» — проститутки низшего ранга, «уличной», а потом, как писал Ихара Сайкаку:

Одинокая старуха
возвращается в столицу
и, сделавшись монахиней,
рассказывает юношам
греховную повесть своей жизни[56].

Жизнь за решеткой оказывалась непроста и противоречива, наполнена мечтами и надеждами, разочарованиями и горестями. В конце концов те, о ком совсем недавно в народе пели завистливые стихи и песни, воспевая красоту и утонченность манер, становились «неприглядней шими существами» и слагали песни сами о себе:

Хороши порой осенней пурпурные склоны,
где сквозь дымку на закате
проступают клены.
Радуга мостом прозрачным
тянется за горы,
и спешит к мосту добраться
молодая дзёро.
Поздние побеги риса
полегли под градом.
Сотрясают ураганы

мыс Касивадзаки...
Долго ль тешиться сравненьем
цветов запоздалых?
Долго ли с Восточным краем
сравнивать столицу?
Я в скитаньях бесконечных
до смерти устала.
Ах, куда бы мне прибиться,
где остановиться?
Та, что украшеньем Тика
столько лет считалась,
ныне странствует по свету
перекати-полем,
позабыта, одинока —
как судьба жестока!
Вот бреду неверным шагом
к придорожной чайной.
«Эй, ворота отворите,
странницу впустите!
На минутку подойдите,
в оконце взгляните!..»
Прибежал на зов хозяин,
халат поправляет.
Видит, что явилась дзёро —
сразу уговоры...
С ним ли на ночлег остаться,
с жизнью ли расстаться?
Может, лучше заколоться,
чем ему отдаться?
Ах, не знаю, то ль заплакать,
то ли рассмеяться...[57]

На рубеже эпох

В середине XX века Япония, прежде строго-настрого закрытая для иностранцев, наконец-то распахнула свои двери для европейско-американской цивилизации. Вряд ли японская сексуальная культура испытывала до этого столь же серьезные потрясения. Знакомство японцев с европейским сексом стало для них тяжелым ударом, обернулось психологическим кризисом, продолжающимся по сей день. Для

европейцев же одной из тщательно замалчиваемых, но оттого не менее значительных черт образа Японии стала «женская Япония» с ее гейшами, «временными женами» и, конечно, с Ёсиварой. Как ни парадоксально, но разлагающейся, умирающей, чтобы возродиться в новом качестве, Ёсиварой.

Свой конец японская столица секса встретила не в одиночестве. В одном только Токио (такое название получил Эдо после 1868 года) помимо Ёсивары, как говорится, во все лопатки трудились еще несколько «веселых кварталов»: Синагава, Синдзюку и другие. В прибрежном районе Фукагава по-прежнему процветали лодочные домики «фунаядо», проститутки из которых в подражание мужчинам-артистам кабуки и для привлечения самураев-бисексуалов носили широкоплечие накидки хаори. Однако с развитием нового, капиталистического стиля жизни кварталам увеселений пришлось потесниться, уступая место более насущным потребностям с энтузиазмом взявшейся за новую жизнь Японии. В страну, прежде всего в Токио, начали приезжать иностранцы. Сперва немного, со страхом и любопытством, а со временем — широким потоком специалистов различных областей науки, техники, образования, военного дела. Те из них, кто уже слышал что-то о Японии, не могли не знать о загадочной Ёсиваре. Слухи эти облекались в таинственную и романтическую форму — под стать сочинениям придворных дам X века, но в дополнение к таким письменным «свидетельствам», как «Мадам Хризантема» или «Мадам Слива» популярных авторов типа Пьера Лоти, существовали устные рассказы моряков, столкнувшихся с непонятным отношением к любви со стороны портовых девушек Йокогамы и Нагасаки, и совсем уж загадочные и будоражащие воображения повествования первых «хэнна гайдзинов» — «странных иностранцев», вроде Лафкадио Хёрна, осевших в Японии и много знавших о Ёсиваре. К концу XX века в Европе уже рассказали бывшим соотечественникам об особом взгляде японцев на мир, о дзэн-буддизме, бусидо и различных «джитсу»* — искусствах, в которых

---

* От яп. *дзюцу* — искусство, мастерство. Например, сё-дзюцу — искусство каллиграфии.

японцы оказались непревзойденными и загадочными мастерами. Странное отношение к сексу, в котором иностранцы сразу отметили особый японский подход — строгую регламентацию отношений, наличие непостижимой для них внутренней иерархии куртизанок и соответственно гостей, специфический даже для японцев язык кварталов, устоявшиеся приемы любовных игр, включая и описание пресловутых 48 поз, виртуозное владение своим мастерством японских профессионалок — подсознательно относило японский интим к разряду многочисленных и непонятных японских искусств. Сто лет спустя это умело обыграл в своем романе «Алмазная колесница» Борис Акунин, написавший о «женском искусстве» — «дзё-дзюцу», — которое вполне имело право на существование, но которого на самом деле не существовало.

Популярность Ёсивары среди иностранцев оказалась чрезвычайно высока. Более того, в какой-то момент казалось, что японские кварталы любви едва ли не полностью переключатся на обслуживание клиентов из числа гостей страны, чего, конечно, не случилось, но к чему японцы уже были готовы. В начале XX века стали публиковаться путеводители по Ёсиваре для иностранцев. Вот выдержка из одного из них, за авторством Т. Фудзимото: «Зайдя в ворота, вы попадаете на широкую улицу, по обеим сторонам которой правильными рядами выстроились двухэтажные строения. Улица называется Нака-но тё ("Срединная"), а домики с обеих сторон — Хикитэ-тяя (путеводными домами для посетителей). Нежные звуки сямисэн и барабанов доносятся из некоторых помещений на втором этаже.

Вы идете по одной стороне улицы и видите много домов, чей фасад представляет собой большую комнату, со стороны улицы загороженную деревянной решеткой; ее можно назвать "витриной". В комнате девушки, одетые в красное и пурпурное, сидят в ряд, демонстрируя свои раскрашенные лица зрителям, заглядывающим за деревянную решетку, и бесстыдно покуривая свои длинные бамбуковые трубки.

Двое молодых людей, похожих на студентов, подходят к заведению с "витриной". К ним из комнаты выходит девушка, называет одного из них по имени, и те приближаются к решетке. Две девушки, явно находящиеся с молодыми

людьми в романтических отношениях, подходят к решетке и приглашают их зайти в дом. Юноши выкуривают трубки, поднесенные им возлюбленными, и, наконец, принимают предложение. Они подходят ко входу и исчезают; одновременно из комнаты выходят две другие девушки, чтобы встретить их спутников.

Вы следуете далее и попадаете на другую улицу, Кё-мати. Это здесь — самая процветающая и шумная улица; красивые девушки собраны в домах второго ранга. Вы видите, как в переполненных ресторанах мальчики носят коробки с блюдами, а служанки спешат с бутылками саке. Так, заглядывая в лавки и обсуждая девушек, вы доходите кругом до другого конца Нака-но тё.

Весенние и летние ночи — периоды наибольшей активности в Ёсивара за весь год. Весной несколько сотен вишен сажаются на улице Нака-но тё, и все ветви освещаются тысячами маленьких электрических лампочек. У подножий деревьев зажигаются бумажные фонарики, каждый из которых установлен на ножке около метра в длину, что образует правильную линию, похожую на штакетник, окружающую вишневые деревья. Когда ночной ветер сдувает лепестки, чудесен вид, когда они, подобно белоснежным снежинкам, падают на фонари.

К началу вечера мужчины и женщины, возвращающиеся с пикника в Уэно или Мукодзима (два места, знаменитых вишневыми деревьями), заглядывают сюда, чтобы полюбоваться ночными лепестками вишни в Ёсивара. Жены и молодые девушки в особенности любят посещать Ёсивара в это время, так как для них это наилучшая возможность подробно рассмотреть "веселые дома" и женщин легкого поведения, поскольку они могут ходить по улицам публичных домов вместе со своими мужьями»[58].

Сравните теперь этот фрагмент с описанием Ёсивары посетившего ее в 1926 году, через три года после страшного землетрясения Канто, уничтожившего весь Токио, Бориса Пильняка: «...я был в Йосиваре, в районе токийских публичных домов. Йосивара — точный перевод — счастливое поле.

И никогда ничто меня так не ошарашивало, как Йосивара, — совершенной для меня непонятностью. В этом

районе все было залито светом, в тесноте улиц шли дети, школьники, что-то покупали и мирно разговаривали, проходили матери, под вишневыми деревьями в шалашиках торговали продавцы, шли с работы и на работу мужчины. Было совершенно обыкновенно, только больше чем следует свету, только чуть-чуть теснее. И у домов, около хибати, выставленного наружу, грея руки и не спеша, сидели мужчины, посвистывая и пошипывая, те мужчины, у которых можно посмотреть фотографии ойран, проституток. Мы входили во многие дома; без водки, в тишине, предложив нам разуться (с европейцами, которые часто попадают в Йосивару пьяными, случается часто, что, чтобы не переобуваться каждый раз, они так и шлендрят из одного дома в другой в одних чулках!), — мы разувались, нам в ноги кланялась пожилая женщина, в тишине дома мы проходили в комнату, нам приносили чай, мы садились на пол, — и тогда проходили дзйоро, ойран, абсолютно вежливые, как все японки, совершенно трезвые, тихие, ласковые, улыбающиеся, здоровые.

И вот то, что на улице совершенно обыкновенно ходят дети и торгуют торговцы, что эти женщины не пьяны, нормальны, вежливо-приветливы и здоровы, — это и было окончательно ошарашивающим, вселяющим в мои мозги нечто такое, что мне, европейцу, указывало большую нормальность в смирнских тартушах и берлинских нахтлокалах, чем в Йосиваре.

Только после землетрясения 23 года упразднены празднества Йосивара, когда в Йосивару стекались тысячи людей, женщины из Йосивара, украшенные вишневыми цветами, шли процессией, и всенародно здесь избиралась красивейшая ойран. Но первая лицензия, данная на постройку домов после этого землетрясения, дана была — Йосиваре: тогда шумелось в газетах, и установлено было, что Йосивара — общественно необходима для здоровья нации и для сохранения устоев семьи в первую очередь. Лицензии, выдаваемые государством на право проституции, есть статья государственного дохода, никак не аморальная».

Борис Пильняк — единственный из наших соотечественников, кто осмелился описать Ёсивару и через нее всю японскую эротическую традицию с тем прекраснодушным

восхищением, с которым обычно наши авторы рассказывают о секрете японского «экономического чуда», чайной церемонии или «высотах самурайского духа». Но он и один из последних советских людей, видевший живую Ёсивару. Несмотря на то что внешне она пока еще оставалась такой, какой ее наблюдали сами японцы на протяжении последних двух сотен лет, внутри уже начались необратимые трансформации, со временем ставшие заметными и снаружи. Из-за изменения клиентуры японцам поневоле пришлось подстраиваться под европейский стиль — точь-в-точь как это делают сейчас рестораны японской кухни, — с той только разницей, что если в последних предлагают клиентам фальшивый японский стиль, когда в комнате с покрытием из татами, на котором принято сидеть на коленях или скрестив ноги, под столом вырезают специальную нишу для ног и европейцы с их нескладными длинными конечностями не испытывают неудобства от посадки по-японски, то в публичных домах прогресс пошел еще дальше. На татами начали ставить западные кровати — непривычно высокие и мягкие для японок, привыкших заниматься сексом на жестком полу, с которого к тому же некуда было падать. Меблировка таких комнат производилась по рекомендациям европейских посетителей, а иногда и по западным каталогам и путеводителям, из которых японцы с удивлением узнали о том, что в европейских гостиницах под кроватью помещается еще и ночная ваза. Такие вазы появились и в Ёсиваре, хотя японки ими и не пользовались, так как туалетная культура — не менее древняя и интересная, чем сексуальная, предусматривала совершенно иной стиль удовлетворения естественных надобностей организма. Кстати, аналогичное непонимание назначения некоторых предметов произошло и на кухне. В Ёсиваре по-прежнему не разрешалось использование клиентами холодного оружия, к которым были причислены столовые ножи, а за компанию с ними и вилки, но европейскую посуду уже завезли. Поэтому клиенты могли поглощать пищу палочками с европейского фарфора. Отчасти эта мода сохранилась и сейчас, и она уже не выглядит для японцев противоестественной. Например, русский борщ, по мнению японских гур-

манов, вполне нормально есть палочками, а затем выпивать оставшийся бульон через край.

Подобные восточные тонкости не могли не восхищать заезжих путешественников, в восторге делившихся ими с благодарными слушателями в Европе и Америке и увеличивавших тем самым легендарную популярность Ёсивары. Действовал и обратный процесс: иностранцы рассказали Ёсиваре о западном стиле публичных домов и о модах проституток других частей света. Как естественная реакция на это среди дзёро и гейш возникла тенденция подражания европейским женщинам в одежде, прическах, макияже, стиле поведения. Все это смотрелось довольно нелепо и смешно — и для европейцев, и для японцев, но мода часто пренебрегает такими условностями, видя в смешном передовое! Если на улицах японки щеголяли в европейских платьях с декольте и шляпках с перьями, то почему в Ёсиваре девушки не могли надеть чулки с подвязками и накраситься в стиле марсельских кокоток?

Со временем одежда и европейский интерьер — надо заметить, в соответствии с модными японскими тенденциями того времени — потребовали подчинения общему стилю всего и вся. Дома и целые улицы в Ёсиваре и других «веселых кварталах» начали перестраивать на европейский манер. Трудно сказать — к счастью или к сожалению, сейчас об этом можно только вспоминать и гадать — могла ли Ёсивара выглядеть как средний европейский квартал проституток с восточным колоритом? Страшный пожар после Великого землетрясения Канто 1923 года уничтожил Токио вместе с его «кварталами ив и цветов», которые так и не отстроились в прежнем виде уже никогда, несмотря на упоминавшиеся Пильняком усилия властей. Начавшаяся милитаризация страны, войны, разруха и голод тоже не способствовали процветанию «островов удовольствий», равно как и взятый после Второй мировой войны курс на либерально-демократические ценности по американскому образцу. В 1957 году проституция в Японии была официально запрещена. Ёсивара умерла. Но... не совсем.

И сегодня недалеко от знаменитого храма Сэнсодзи в Асакусе — места паломничества иностранных туристов — живет своей жизнью куда менее заметный и выглядящий вполне

пристойно район, возникший на месте легендарной Ёсивары. Жилые дома, магазинчики, школы и даже вездесущие тренировочные площадки для бейсбола. На первый взгляд ничто не напоминает здесь о былом величии сексуальной Мекки Дальнего Востока. И только вечером, когда зажигаются фонари, замечаешь, что у некоторых зданий, выстроенных в нехарактерном для современной Японии вычурно восточном стиле, стоят крепкие японские парни в черных костюмах и галстуках, как бы невзначай прикрывая широкими плечами невесть откуда появившиеся вывески на японском языке с рекламой девушек — «хранительниц традиций» великой Ёсивары. Практически на всех таких рекламках стоит штамп: «Только для японцев». Ёсивары осталось мало, и на всех ее уже не хватает. Впрочем, богатые русские нефтяники с помощью ушлых соотечественников-эмигрантов все же преодолевают запреты, чтобы потом сказать только одно: «Дорого. Но... круто!»

Тем, кому финансовые возможности не позволят на практике узнать, что такое Ёсивара, приходится довольствоваться разглядыванием многочисленных визуальных свидетельств былого величия этого района — «сюнга».

Глава 5
Веселые картинки

10 процентов, которые потрясли мир

Японская классическая гравюра укиё-э («картины плывущего мира») покорила Европу в середине XIX века. Это произошло по инициативе японского правительства, устроившего выставки доселе практически неизвестного европейцам искусства с целью популяризации Японии, собирающейся встать на западный путь развития. Своеобразие и завершенность стиля привлекли внимание лучших европейских и американских мастеров. Ван Гог, Моне, Климт, Гонкур и многие другие художники Старого Света оказались очарованы японской живописью и даже пытались использовать ее приемы в своем творчестве. Со временем уважение к укиё-э, переходящее в беспрекословное почитание этого жанра во всем мире, только росло, и однажды шило выскочило из мешка, возбудив мировую художественную общественность и заставив густо покраснеть самих японцев. Оказалось, что картины укиё-э совсем не так романтичны и безобидны, как это представлялось поначалу большинству поклонников «живописной Японии», и в недрах этого жанра

скрывается целое направление, посвященное воспеванию интимных сторон жизни японского общества. Попросту говоря — классическая японская порнография.

На самом деле о том, что обычные укиё-э частенько бывают посвящены жизни японских «веселых кварталов», прежде всего знаменитой Ёсивары, некоторым иностранцам было известно с самого начала. Но манера изображения тайю и дзёро — холодновато-отчужденная, слегка одеревеневшая, не позволяла наивным европейцам даже в бурных фантазиях вообразить, на что способны японцы на самом деле! Да, укиё-э воспевают «плывущий», то есть бренный, мир со всеми его слабостями, грехами, увеселениями и развлечениями. На многих картинах помимо портретов продажных красавиц изображалась жизнь в Ёсиваре, бытовые сценки, незатейливые и вполне целомудренные развлечения. Но оказывается, помимо этих более-менее пристойных картин, в недрах укиё-э своей, особой жизнью жил тщательно скрываемый от европейцев жанр под названием «сюнга», что значит «весенние картинки». Да не просто жил, а как чаще всего и бывает в нашем бренном мире, служил двигателем торговли и способом поддержания ремесла на плаву, так как до признания укиё-э на Западе именно доходы от продажи сюнга служили основным средством существования и для авторов, и для издателей и продавцов порнографии. Что же представляют собой сюнга?

По своей структуре эти картинки ничем не отличаются от гравюр укиё-э. Вполне понятное изображение обычно занимает основную часть листа и сопровождается небольшим пояснительным текстом. Чаще всего сюнга издавались комплектом из нескольких связанных между собой по смыслу гравюр (обычно из двенадцати листов), представляя, по сути, первый, средневековый вариант столь популярных сегодня порнографических комиксов. Да и цель была примерно та же: сексуальное образование, развлечение, возбуждение и побуждение потенциальных клиентов (целевой аудитории — купцов, ремесленников, самураев) к посещению места воспроизводимых событий — «веселых кварталов». Первая и четвертая стороны обложки (то есть лицевые) сюнга обычно были не эротического содержания. На первой сто-

роне, как бы задавая тему альбому, традиционно изображалась вполне целомудренная любовная сцена. Следующие листы рассказывали о путешествии влюбленных в мир наслаждений, а четвертая сторона обложки повествовала об их возвращении в обычную жизнь. Глядя на этих невинных героев, трудно вообразить, какое путешествие они совершили, — суть скрывалась в середине.

Как и другие аналогичные жанры, процветавшие помимо Японии во многих странах мира, сюнга обычно отличались невысоким качеством печати, грубоватым выполнением рисунка, использованием дешевой, второсортной бумаги. Зато печатались они огромными тиражами (примерно половина всей печатной продукции средневековой Японии носила откровенно сексуальный характер — невиданный в мире показатель!), стоили недорого и моментально раскупались, принося высокие прибыли издателям. Первые сюнга, появившиеся еще в XVII веке, были черно-белыми, но по мере развития техники печати и снижения себестоимости они быстро впитывали достижения передовых полиграфических технологий и скоро начали радовать горожан многоцветием и именами признанных авторов укиё-э. Существуют даже списки японских художников, обессмертивших свое имя эротическими лубками, но и без его цитирования можно сказать, что в реестре значатся практически все мэтры: от Моронобу Хисикава (1618—1694) до Куниёси Итиюсай (1797—1861), включая такие привычные глазу западного читателя имена, как Харунобу, Киёнага, Утамаро, Тоёкуни, Сяраку (впрочем, есть версия, что как раз Сяраку да еще Эйси Хосода были двумя мастерами, никогда не рисовавшими сюнга, а их именами подписывались «пираты», но конечной ясности в этом вопросе пока нет) и, наконец, Хиросигэ.

Разумеется, все они были подлинными энтузиастами предмета интереса горожан и своего собственного. Они великолепно знали Ёсивару и другие аналогичные кварталы Японии, и именно благодаря их мастерству, таланту и их именам сюнга смогли перейти из разряда дешевой порнографии в область высочайшего творчества, стать непревзойденными памятниками не только истории, но и изобразительного искусства. Дело в том, что дешевизна сюнга сыграла с гравюрами

злую шутку и многие из них не сохранились до нашего времени. В свою очередь, западные нравы, усердно внедряемые в Японии с середины позапрошлого века и до сих пор, заставляют хранителей сюнга не распространяться о своих коллекциях, и многие из них до сих пор находятся в запасниках музейных собраний или частных архивов. Любопытное в этом отношении свидетельство приводит российский исследователь профессор Э. В. Молодякова, поинтересовавшаяся наличием сюнга в крупнейшем в Японии собрании укиё-э в музее Ота в Токио: «На мой вопрос, есть ли в коллекции "сюнга", служитель музея как-то поспешно ответил, что, конечно, нет. Я продолжала расспрашивать: "Где же можно увидеть "весенние картинки" в Токио или хотя бы получить материал о них?" Просмотрев какие-то книги и каталоги, служитель сказал, что, пожалуй, нигде. Это лишь подтвердило мое убеждение, что они скрыты от глаз современного зрителя как недостойные и оскорбительные образцы всемирно известных японских гравюр»[59].

Другое дело — насколько велика потеря для нас от того, что мы не видим большинства сюнга. Безусловно, это вопрос вкуса, но существует мнение, что при наличии целого ряда шедевров в этой области в массе своей сюнга — не более чем дешевая порнография, чье мнимое величие во многом покоится на репутации мастеров укиё-э и раздуто опытными пиарщиками-коллекционерами, умеющими из всего извлекать материальную прибыль. Кстати, в этом смысле сюнга напоминают другой очень популярный, в том числе в России, жанр современной массовой японской рисованной эротики — хэнтай, одним из прообразов которого сюнга, несомненно, и являются. Миф о том, что сюнга «передают самую сокровенную суть укиё-э», возник во многом из-за их недоступности, но у тех, кто видел много сюнга, первоначальное очарование неофита обычно быстро сменяется разочарованием или безразличием. Впрочем, это характерно не только для любителей. Крупнейший знаток и коллекционер японских гравюр Джеймс Мичинер, которому удалось изучить значительное число наиболее известных коллекций, авторитетно заявляет, что из ста эротических книг, выбранных наугад, по крайней мере девяносто — «чистый хлам», не имеющий худо-

жественной ценности, даже если на них и стоят имена Киёнаги, Сюнсо или Утамаро. Понимая, что делались они ради денег, а также признавая определенную смелость в их изготовлении (поскольку гравюры нередко подвергались цензурному запрету со стороны властей, а их авторы преследовались) и даже отдавая им дань как своеобразной форме социального протеста против строгой регламентации всех сторон жизни средневековой Японии, Мичинер полагает, что потеря от недоступности 90 процентов сюнга для людских глаз невелика[60]. Конечно, ответ на вопрос «являются ли все сюнга художественным шедевром?» всегда будет поводом для дискуссий, но вот важность сюнга для японской сексуальной культуры — вещь бесспорная, а потому стоит разобраться в том, как возникли эти гравюры и во что они трансформировались.

Откуда что берется?

Как вам уже известно, традиция издания своеобразных «эротических пособий» для молодежи существовала в Японии задолго до появления сюнга — примерно с IX–X веков, когда появились «книжки у изголовья» — макура-э. Значительная часть из них носила эротический характер и соответствующим образом иллюстрировалась. Учитывая особенности древнего японского общества, такие свитки были в ходу прежде всего в аристократических семействах и нередко передавались по наследству. Благодаря этому часть из них дошла до нашего времени и оказалась доступна для изучения специалистами, которые из всего массива старинных эротических изданий особо выделяют «великие сексуальные панорамы» школы Тоса. Это нечто среднее между древней японской живописью (ямато-э) и средневековыми сюнга — течением, возникшим в XIV веке и единственным, которое исследователи характеризуют как одновременно «откровенное, человечное и органичное».

Уже в то время японский подход к переосмысливанию существовавших индийских и китайских трактатов о любви

выразился в том, что японцы редко воспевали эротическую любовь, предпочитая в своих произведениях обучение ей, в том числе посредством иллюстрированных картинок. Китайские многоплановые эротические саги уступили место незамысловатым и коротким историям о любовных приключениях, выполненным с сугубо японским откровенным отношением к сексу.

Но настоящий расцвет японского эротического искусства, связанный с появлением сюнга, начался, когда на карте Эдо возникла Ёсивара и проституция стала официально признанным бизнесом. Несмотря на то что японское правительство не раз приходило в ужас от того, что печаталось на гравюрах, отражающих жизнь Ёсивары, и время от времени запрещало сюнга, эротическое книгоиздание стремительно набирало обороты, расширяя свой рынок. Надо отметить, что население Эдо в то время перевалило за полмиллиона человек, да и Осака быстро догоняла столицу — это значило, что читательская аудитория у сюнга росла постоянно, причем как мужская, так и женская. Специальные «коробейники» разносили запрещенную литературу по домам, где она пользовалась большим спросом у стеснительных женщин и девушек, а мужчины сами приходили в книжные лавки, где, как они точно знали, всегда можно купить вожделенные «веселые картинки».

Любопытно, что один из нынешних главных рычагов набирания высокого рейтинга в средствах массовой информации активно использовался столетия назад в Японии — в сюнга в том числе. Если сейчас любой журнал или тем паче телеканал просто обязан как можно больше показывать лица звезд, эксплуатируя их в самых разных качествах, в том числе скандальных, то средневековые авторы и издатели сюнга для увеличения популярности своих произведений договаривались о том же самом с актерами кабуки. Многие герои сюнга наделены лицами и гербами звезд тех времен и предстают перед нами в самых фривольных позах. Это не вызывало у их прототипов никакого стеснения, но зато вело к росту популярности и изданий и звезд, а следовательно, и их доходов.

При том что главными персонажами сюнга чаще всего становились ойран и актеры кабуки, существовали и определенные ролевые клише для остальных героев «драмы».

Таковыми являлись супруг-рогоносец, выживший из ума или вечно отсутствующий старый муж, молодая жена и ее любовник. При начисто лишенном всякого намека на стеснительность рисунке пояснительные тексты, наоборот, были вполне пристойны и нередко насыщены своеобразным японским юмором*. Более того, на многих сюнга присутствуют дети, что потрясает европейского зрителя, но легко объясняется уже не раз упоминавшимся нами своеобразным упрощенным отношением японцев к сексуальной традиции.

Автора!

Основоположником жанра сюнга обычно называют Моронобу Хисикава. Хотя бы по той простой причине, что он считается и создателем более общего жанра укиё-э. Но есть еще один повод — около двух третей его работ посвящены сексуальной теме, это сюнга. Рисунки Моронобу считают наиболее лиричными, его герой — молодой человек, развлекающийся в саду среди изысканных цветов с еще более изысканными дамами. Это наводит на мысль о продолжении романтической линии в любовной литературе эпохи Хэйан и живописи ямато-э.

Его последователем стал Киёнобу Тории (1686—1764), чьи сюнга отличаются тонко продуманным сюжетом, а обложки книг, отделенные от содержательной части, проданы в лучшие музеи мира как шедевры ксилографии. Живший одновременно с ним Сукэнобу Нисикава (1671—1751) снискал славу деликатного художника, но именно его сюнга впервые угодили под запрет правительства в 1722 году. Несмотря на то что Сукэнобу получил персональный запрет (!) на рисование сюнга, он

* Пример такого текста — классический анекдот: «Старая бабка и молодая девушка поспорили — мужской член с костями или без? Девушка говорила, что с костями, а бабка — что без. Решили проверить, позвали в гости соседа и начали щупать его член. Бабка скоро убедилась, что костей нет, а девушка сказала, что кости, без сомнения, есть! Так и не договорились ни о чем...»

не оставил свое искусство и обрел вполне заслуженную известность как художник и новатор-полиграфист, чье видение эротики в живописи было близко европейскому восприятию.

Понравились иностранцам и работы Харунобу Судзуки (1725—1770), несмотря на то что особенностью гравюр этого мастера было практически полное отсутствие индивидуальных черт его героев. Предельная стилизация не помешала ему создать крайне неприличные по содержанию художественные эпизоды, которые не только шокировали европейцев и японцев, но одновременно и обессмертили имя автора. Харунобу, как и его предшественник Сукэнобу, использовал прием доводки обычных укиё-э до уровня порнографии. Он попросту брал готовые сцены из своих уже известных и популярных гравюр и перерисовывал их в сюнга. Сюжет — тот же, но «хулиганский» прием позволял достичь противоположного эффекта: казалось, что одни и те же персонажи проживают разные жизни или живут одной, но очень наполненной. И эта жизнь была жизнью самого Харунобу.

«Широко известны многие из замечательных листов, на которых в весьма идеализированном виде разворачивается романтическая история его любви к молоденькой служанке по имени О-сэн. Проданная в храм Касамори, О-сэн появляется первоначально на более чем пятнадцати гравюрах Харунобу. Девушка была такой неземной красоты, что в Эдо сложилась легенда о ее явлении на землю прямо из рая, откуда она спустилась на облаке. Харунобу увековечил это предание на одном из листов. В то же время он нередко изображал хрупкую О-сэн на своих гравюрах в обнаженном виде — во время купания в японской бане, выходящей из нее, делал героиней фривольных, а иногда и откровенно грубых "сюнга". Именно такие работы очень хорошо раскупались. Известна и другая его эротическая книжка о мальчике Ёносукэ, который поклонялся О-сэн в храме Касамори. Она явилась ему в виде божества и выполнила просьбу сделать его мальчиком-с-пальчик, чтобы он смог проникнуть во все скрытые места Японии и рассказать о том, чему был свидетелем. Например, в соответствии с его рассказами показано, чем занимался учитель рисования со своей хорошенькой ученицей или что происходило в доме благородного самурая»[61].

Харунобу был постоянным клиентом Ёсивары и любимцем многих тамошних девушек. Глубокое знание предмета, талант и любовь к своему делу позволили ему создать уникальную серию «Красивейшие женщины Ёсивары» — галерею 116 самых выдающихся куртизанок. На эту работу ушли годы, и пока он выполнял ее, некоторые из героинь повзрослели, но остались прекрасны, а другие, наоборот, вошли в преклонный по меркам той эпохи возраст. Но на гравюрах Харунобу все они выглядят одинаково очаровательными, милыми, нежными и бесконечно юными — такова привилегия художественного воображения. Свою последнюю любовь — Хинадзуру из Тэдзи-я — Харунобу тоже изображал похожей на всех других красавиц, прежде всего на О-сэн. Особенностью гравюр Харунобу стала многокрасочность, он первым начал печатать сюнга с нескольких досок, что позволило сделать их особенно яркими и тонкими.

Друг и ученик Харунобу Корюсай Исода создавал в своих картинках еще более личностную атмосферу, избегая высокого уровня стилизации, характерного для его учителя. Таким образом удовлетворялась присущая японцам склонность к вуайеризму — сексуальному выражению одной из основных черт японского характера — любопытства. Еще один нюанс «необычного» поведения японских мужчин Корюсай навсегда запечатлел для нас на своих гравюрах, отразив свой любимый сюжет: любовь взрослых мужчин к старлеткам, а то и просто к девочкам. Впрочем, японцы предпочитают не фиксировать на этом внимание исследователей, тем более что имена этих авторов остались в тени мирового интереса к сюнга, сконцентрированного на других мэтрах, первым из которых можно назвать Утамаро Китагаву (1753—1806).

Утамаро был большим поклонником театра кабуки и увлекался портретированием его актеров и зарисовкой сцен из спектаклей. Художнику удалось быстро обрести славу на этом поприще и заработать приличные деньги, но вскоре он оставил хлебную тему и стал новым мастером сюнга, прославившим этот жанр на весь мир. Утамаро ввел в композицию рисунка новый оригинальный прием: рисовал женское лицо почти во весь лист или изображал его через вуаль или лицо в зеркале, а любовную пару — за... москитной сеткой.

Особенно любил Утамаро рисовать Ёсивару — ее девушек, служанок и слуг, клиентов и просто гуляк. Знатоки его творчества считают, что двенадцать одиночных листов, повествующих о фантастическом пребывании особенно почитаемой японцами и жившей в эпоху Хэйан поэтессы Оно-но Комати в современном художнику Эдо, стали проявлением его любви к «веселому кварталу» и одновременно подчеркнули преемственность времен, столь важную для дальневосточного менталитета.

Утамаро не случайно избрал Оно-но Комати для своих сюнга. Именно такая тема — не меркнущая в веках красота — помогла ему одновременно выразить вечную тему плотской любви и добиться редких слов признания в адрес запрещенного жанра. Известны слова одного весьма рассудительного японского критика, который, увидев листы Утамаро, посвященные Оно-но Комати, сказал: «Это сокровище из сокровищ, с чувственной красотой, элегантностью и эротизмом. Они среди высшего класса невыставлявшихся работ Утамаро».

Интересно, что сегодня имя Утамаро широко используется в довольно специфическом контексте — им называют дома свиданий и массажные кабинеты. Скорее всего, это вызвано тем, что многие сюнга Утамаро — а сделал он их великое множество — явно «недотягивают» до изысканных похвал, но точно обозначают цель интереса мужчин к женщинам.

Одновременно с Утамаро покорил Европу Кацусика Хокусаи (1760—1849), более известный как автор пейзажных гравюр, ставших настоящими символами Японии. За свою долгую и беспокойную жизнь (за девяносто лет он сменил девяносто три жилья) Хокусаи создал огромное количество самых разнообразных по темам и сюжетам гравюр, главным героем которых выступал, как правило, простой человек. Художник демонстрировал великолепное знание характеров, мимики, жестов, анатомии. Настоящий мудрец, он любил рисовать действенных, активных, полных неистощимой энергии, улыбающихся простых горожан. Именно о них повествует сборник его рисунков под знаковым для современного читателя названием — «Манга».

Значительное число его сюнга рассказывает не о романтической изящной любовной игре, а о темных сторонах Эроса

и одновременно о естественном фоне жизни в Ёсиваре — о ненависти, ревности, жестокости, отчаянии, разочаровании. Уже не раз упоминавшийся Джеймс Мичинер считает, что по силе производимого впечатления такие сюнга Хокусаи можно сравнивать с безумными видениями Иеронима Босха.

Утагава Куниёси (1797—1861) и Утагава Кунисада (1786—1864) называют «декадентами» сюнга. С их именами связан последний период истории жанра, откуда полностью ушли веселье и радость. Работы Куниёси, для которых сюжетами служили скандальные любовные истории именитых актеров кабуки со знатными дамами, насыщены предчувствием несчастий, пропитаны атмосферой болезненности. В работах Кунисада преобладает тема секса, связанного с насилием и садизмом. Смерть кажется незримым, но главным героем его эротических книг. Наибольшей популярностью пользовалась фантасмагорическая гравюра Кунисада, посвященная эпизоду из чрезвычайно любимой японцами старинной китайской повести «Пионовый фонарь», в которой чудесным образом совмещаются и пересекаются два мира — воображаемый и реальный. Героя повести навещает его возлюбленная, умершая некоторое время тому назад, и Кунисада с присущим ему мастерством изображает жутковатую, но, по мнению некоторых критиков, не лишенную пленительности любовную сцену юноши с трупом. Надо ли говорить, что эти темы стали наиболее популярными в современной Японии...

Но все же самой известной гравюрой сюнга, наверное, стоит считать одиночный лист работы Хокусаи, где запечатлена охваченная экстазом женщина в объятиях скользкого осьминога, который в художественной традиции сюнга считался метафорой женского оргазма.

Оргазм в объятиях стыда

Японские власти неоднократно пытались определить свое отношение к сюнга с самого их появления на свет. При всей демократичности традиционного взгляда на секс и его отображение в искусстве было ясно, что какие-то нормы при-

личия все же должны соблюдаться. Однако извечная дискуссия с цензурой на тему «что есть эротика, а что есть порнография», как сегодня, так и в XVIII веке, не могла привести к сколько-нибудь четкому ответу. Поэтому сюнга периодически запрещали, но обычно — частично, как в случае с Сукэнобу. Перелом произошел после «открытия» Японии европейцами в середине XIX века, когда вместе с новыми технологиями в Страну солнечного корня пришли нормы христианской морали. Строго говоря, христианство в Японии существовало с XVI века, но сначала влияние его было крайне незначительным, а как только оно начало расти, то и вовсе попало под запрет. Теперь же все изменилось — Япония встала на западный путь развития и оптом поглощала ценности западной цивилизации, в том числе культуру стыда.

Отношение к сюнга как к части укиё-э, прославивших Японию за рубежом, еще некоторое время оставалось сложным, но к началу XX века западная мораль победила в японской столице: в 1900 году на Токийской осенней художественной выставке полиция закрыла тканью изображения совокупляющихся фигур — инцидент, получивший название «Дела с набедренными повязками». Изображение наготы во всех видах стало запрещенным, и, несмотря на позднейшие послабления, позволившие подарить миру высокие шедевры эротического мастерства японских художников и фотографов, сюнга до сих пор остается «персоной нон грата» в японском изобразительном мире. За что же так преследовали сюнга?

Рассказывать об изобразительном искусстве — дело неблагодарное. Здесь лучше сто раз увидеть, чем один раз услышать. Хотя в случае с сюнга, возможно, ста раз и не понадобится. Многочисленные альбомы, посвященные этому жанру на Западе, обладают одним и тем же эффектом: если взять такой альбом в руки за корешок и быстро-быстро перелистать одной рукой, создается полное впечатление движущихся фигур — анимации, первоначального варианта порнографического мультика, где герои выполняют несложные движения, а их непропорциональные части тела не выглядят такими уж уродскими, как при статичном разглядывании, — скорее, это кажется смешным.

Техника выполнения подлинников таких гравюр не позволяла перелистывать их в быстром темпе, но японцы находили прелестным и возбуждающим и неторопливое разглядывание сложных картинок, во многом льстящих мужскому самолюбию — ведь основными покупателями были мужчины. Сцены брутальных половых актов особенно нравились военным, которым запрещалось посещение лавок с сюнга, но которые тайно были постоянными клиентами этих злачных мест. Домохозяйки, ремесленники, купцы находили в сюнга отражение своих представлений о красоте секса. Говорят, большинству из них не нравились только гравюры Сяраку, в которых их отталкивали непропорционально большие, как у кукол Братц, головы персонажей, неестественно изогнувшиеся в ходе драматического действия тела, крайне непристойные даже для японского общества сцены с участием актеров-гомосексуалистов, исполнявших женские роли в мужском японском театре. Массы предпочитали более традиционные вещи: классические половые акты в классическом же изображении Харунобу, Утамаро, Моронобу и многих других.

Но даже классика не была зарисовкой с натуры в европейском понимании. Большинство сюнга отображает сексуальные контакты полуодетых партнеров, чьи анатомические особенности далеки от реальностей. Полураспахнутые полы кимоно открывают нам огромные половые органы — самую характерную черту сюнга, вызвавшую на Западе насмешливое прозвище «несбывшаяся мечта японского мужчины», непонятно откуда растущие веером лобковые волосы (хотя есть сюнга, где запечатлены моменты эпиляции в лобковой области), резиново вывернутые руки, ноги, позвоночники, искаженные судорогой оргазма лица, потоки спермы, наконец, сцены, явно относящиеся к сексуальным перверсиям по европейской классификации. Это не картина с натуры — это скорее стилизованное в рамках своего жанра изображение мечты или гипертрофированные воспоминания о прошлом, знаки, а не портреты.

В этом смысле «Осьминог» Хокусаи по праву считается символом всего жанра сюнга. Спрут фигурирует во многих японских легендах, особенно в тех, чьи сюжеты связаны

с жизнью ныряльщиц-ама. Для женщин, нередко живущих без мужа, чей промысел напрямую связан с «поголовьем» этих умнейших, загадочных и удивительных морских существ, то есть с «плодородием моря», осьминог с его огромными глазами, мягкой, фаллообразной головой и непрерывно извивающимися щупальцами не мог не быть предметом фаллического культа. Спрут — морской секс-символ Японии. Мечта рыбачки или ныряльщицы — неутомимый, восьмичленный монстр с умными глазами, которого, покончив с удовольствиями сексуальными, можно еще и съесть.

Существует легенда о некой гейше Нарухико, которая во время шумных банкетов умудрялась давать своему возлюбленному знак о готовности к слиянию с ним, подавая ему блюдо из осьминога. Так или иначе, сырой или жареный спрут действительно стал обозначать нечто интимное в этикете японцев. Разумеется, только в том случае, если этому соответствовала обстановка. Например, гость общался с гейшей или во время любовного свидания возникала эротическая тема. Глупо было бы думать, что, поедая осьминога в ресторане или на улице, где полно небольших лотков, продающих спрутов в разных видах, вы намекаете окружающим на свое неуемное либидо. Кстати, даже принимая осьминога в соответствующем контексте, мужчина мог вежливо отказать женщине, если брал продукт руками, а не предложенными соискательницей палочками. Жив ли этот обычай сейчас? О нем знают, но пользуются очень редко.

При том что спрут на гравюре удовлетворяет женщину повсюду, ее фигура все же обнажена не полностью. Японские художники хорошо знали, что полуприкрытые образы возбуждают больше, чем открытые, тем более что для средневекового японского общества обнаженная женская грудь не считалась остросексуальным элементом, а одежда, как мундир, рассказывала о статусе модели. Гораздо важнее было то, что японка могла показать, будучи одета в кимоно: уши (чем более они оттопырены — тем более сексуальна их обладательница), шея (не случайно именно ее обнажает воротник кимоно гейши и сегодня), ступни (приличным женщинам полагалось носить носки-таби, а куртизанкам следовало выставлять свои ступни напоказ). Здесь сексуальность жен-

щины подчеркивал оттопыренный большой палец — японки и сегодня, щеголяя в европейских босоножках, за большим пальцем ухаживают особенно тщательно, отращивая на нем ноготь до размеров гитарного медиатора. На сюнга пальцы ног нередко «ведут» себя отдельно от безучастных лиц любовников, сжимаются и наоборот — комично торчат веером, демонстрируя таким образом огонь страсти, пожирающий героев.

На многих сюнга различить — особенно европейцу, — где мужчина, а где женщина, нелегко: одежда очень похожа, и определить место расположения любовников относительно друг друга можно только по их гениталиям (иногда с удивлением обнаруживаешь, что любовники однополы).

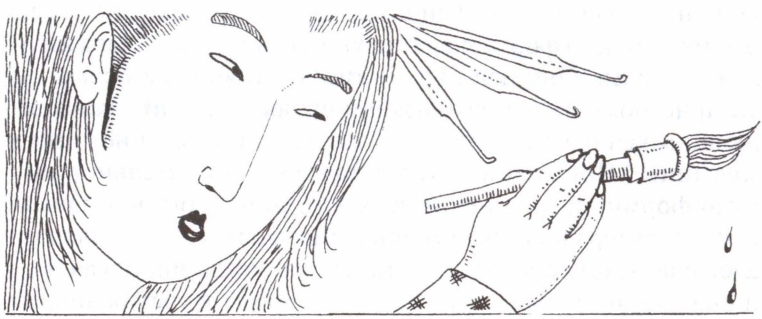
Однако даже полураспущенное кимоно или халат с задранными полами должны были подробно и анатомически точно — со всеми сосудами, складками кожи, волосами и прочими физиологическими подробностями — показывать половые признаки главных персонажей сюнга, как правило, преувеличивая их размеры до грандиозных пропорций. Если изображалась финальная фаза свидания, на переднем плане мог возвышаться немного не доходящий до размеров своего обладателя фаллос, из которого мощным потоком изливалась сперма — чем больше, тем более мужественным был герой фрески. Тот же самый фактор могли подчеркивать многочисленные листки специальной впитывающей бумаги, во множестве разбросанные вокруг любовников.

Вообще внимание к второстепенным деталям — отличительная черта сюнга. На первый взгляд шокирующие картинки довольно скоро убеждают в небольшом выборе основных сюжетов, хотя есть и совсем необычные, любовно запечатлевающие, например, акт дефекации, а вот детали, фон происходящего, не знают себе равных по богатству выбора. Здесь и романтические пейзажи, которыми по традиции любуются печальные любовники в момент неспешного соития, и классические сцены из жизни Ёсивары — от обычного свидания до внезапной страсти во время пьяной драки, и многочисленные варианты вуайеризма, начиная с нескромного взора ребенка, обращенного на оттопыренный палец на ноге взрослой женщины, и заканчивая наблюде-

нием оргазмирующих партнеров за соитием кошачьей пары прямо перед ними. Есть наполненные юмором сценки, когда, например, мужчина входит в лоно массажистки, делающей в это время прижигания на спине клиентки, или когда семья «фермеров» обсуждает происходящее на их глазах изнасилование. Вообще на гравюре обычно присутствуют несколько действующих лиц, хотя сцены группового секса крайне редки — как и в жизни, когда в и без того сложные отношения между партнерами приходится вмешивать еще и запутанные нюансы коллективной иерархии. Здесь снова можно вспомнить о сюрреалистичном осьминоге, в одиночку выполняющем работу, для которой в немецком порно потребовалась бы целая труппа актеров.

Среди сюжетов сюнга присутствуют картинки, показывающие связь японок с иностранцами, есть обучающие девушек почти медицинские пособия, изображающие развитие женского организма до самой старости — нередко в действии присутствует врач с соответствующим гинекологическим инструментом, наблюдающий пациентку и вступающий после наблюдения в связь с ней. Немало гравюр посвящено использованию девушками из Ёсивары заменителей мужчин — различных фаллоимитаторов — харигата, энги, включая сюда маску длинноносого и краснолицего тэнгу. Сюнга запечатлели для нас и скопированные с китайских оригиналов упражнения с харигата в одиночку, когда женщина управляет искусственным стволом, продев в дырочку у основания фаллоимитатора шнурок, один конец которого привязывается к ноге, а второй, как поводья, берется в руку, и тренировки с шариками рин-но тама, и многое другое, о чем лучше пока умолчать — дабы окончательно не шокировать читателей...

Глава 6
Гэйко — дитя любви... к искусству



Тройственный союз

Гейша — один из самых загадочных и, безусловно, самый сексуальный символ Японии. При всей их необычной красоте, загадочности, экзотичности нарядов приходится признать, что главным вопросом, тревожащим европейских мужчин в связи с упоминанием о гейшах, остается банальный — «все-таки они проститутки или нет?».

Еще совсем недавно гейши воспринимались нами без всяких экивоков: «Японские гетеры, которые умеют такое, что вы себе и представить не можете!» Время идет, нам упорно пытаются объяснить, как не правы мы в своих убеждениях, но и сегодня для неискушенного западного человека гейша — это лишь экзотическая японская куртизанка высшей квалификации, «госпожа Бабочка», хотя в самой Японии все не так... ну, или не совсем так.

Безусловно, гейша — уникальное явление эротической традиции Страны солнечного корня. Уникальное потому, что она составила вершину беспрецедентного любовного треугольника японского мужчины: «жена — проститутка —

гейша». До нее все было банально и просто: мужчина имел жену и имел любовницу, позже — проститутку-дзёро. Такой дуализм естественен для многих мировых культур, и японцы отличались от остальных разве что несколько более прохладным отношением к эротическому общению с женами, нажимая на ту чашу весов, которая склонялась на сторону профессионалок. Гейши сломали эту схему, поставив жирную точку в формировании уникального характера японских мужчин. Они дали возможность мужчинам более утилитарно подходить к реализации своих желаний, став «клапанами» вечно озадаченного на службе и подавленного дома мужчины. Появление института гейш значительно ускорило формирование некоторых черт японского национального характера и японского общества в целом. Благодаря им сложилась незыблемая сегодня схема, когда японская женщина для японского мужчины существует в трех основных ипостасях: жена, которой он отдает свой кошелек и которая рожает, воспитывает детей и ведет хозяйство; проститутка — когда-то юдзё и ойран, а сейчас чаще всего филиппинская или китайская «массажистка»; и, наконец, женщина, с которой мужчина может поговорить, которой может раскрыть все свои тайны и с которой может поделиться самыми сокровенными эротическими фантазиями, облеченными, в зависимости от ранга собеседницы, в изысканную или самую грубую форму. Последняя категория является еще и своеобразным «способом вложения капитала» — у представительных мужчин гейши подороже. Женщина как престижный психоаналитик — уникальный эффект японской эротической традиции, перед которым преклоняются и японцы, и иностранцы

В 1926 году Борис Пильняк писал о гейшах: «...У мужчины есть потребность в прекрасном, в вечной женственности, в общении с умной женщиной, с другом-женщиной, товарищем-женщиной, советником, поучителем: тогда он идет к гейше. Института, аналогичного институту гейш, нет в западной культуре. Там, в чайном домике, мужчину встретят прекрасные женщины, они поклонятся ему так, как требует этого большое искусство, они проведут с ним чайную церемонию, они будут с ним весело, беззаботно,

остроумно и умно беседовать, — они споют ему старинную песенку, протанцуют тихий и прекрасный танец, они сыграют ему на сямисэне и кото. На пороге чайного домика насыпана горка белой соли — символ чистоты и целомудрия. Веселые, улыбающиеся, нежные, они нальют и вновь подольют мужчине саке, — всяческой грацией уклонившись от своей чашечки.

...Гейша — это идеальная женщина, женщина мира искусств и красоты и ума, — к гейшам надо идти, чтобы касаться прекрасного. Не менее прекрасны тайны пола, — но это уже не гейши: тогда, после гейш, надо ехать к ойран. И было: мы были у гейш, с нами была моя жена, мы очень веселились; мы пели вместе с гейшами, писатели плясали старинные танцы самураев и читали старинные баллады, — и тогда сказали мне, чтоб в следующий раз я не брал жену, ибо такой прекрасный вечер преступно не кончить ойран, старые писатели недовольны.

Быть гейшей — это призвание, и это — на всю жизнь. Быть гейшей — честь, и для того, чтобы быть гейшей, надо учиться с малых лет. Гейша должна иметь не ниже среднего общее образование.

...Веснами, в дни цветения вишни, этого национального цветка Японии, символа весны и мужской доблести, гейши объезжают все города, знаменитейшие гейши, корпорациями в несколько сот человек, и в этих городах, в лучших театрах ломятся двери от тех, кто хочет посмотреть на действо гейш. О гейшах пишут в газетах. Их имена славны. Великие, знаменитейшие гейши влияют на государственную политику. На интимные банкеты государственных деятелей — приглашается не жена, а любимая гейша того, в честь кого дается банкет. Гейша — точный перевод: посвященный искусству.

Многие гейши выходят в замужество, например, государственный деятель эпохи Мэйдзи, принц Ито, был женат на гейше. Иные, кроме патента на гейшество, берут патент на ойран, — тогда до конца дней они остаются в почетной свободной любви, эти единственные свободные женщины, — и в этой свободной любви остаются, главным образом, талантливые гейши, как и у нас — талантливые актрисы. Институт гейш — очень древен, — и слово гэися — новое слово, ибо оно

существует только с токугавской эпохи, ибо раньше гейши назывались сирабьоси, что значит — белый, чистый тон...»[62]

Однако советский писатель Пильняк и представить себе не мог масштабов популярности, которые завоюют гейши менее чем через сто лет благодаря интернационализации и развитию средств массовой информации. Весной 2001 года мировые СМИ облетело сенсационное сообщение: «Одна из самых знаменитых гейш Японии Ивасаки Минэко подала в суд на американского писателя Артура Голдена, обвинив его в клевете». Здесь надо отметить, что известность гейши в Японии — категория весьма расплывчатая. Современная их столица, древний город Киото, напоминает что-то вроде «заповедника гейш», и здесь, в не самом большом городе 126-миллионной Японии, имена лучших, самых опытных, самых популярных представительниц этой далеко не самой древней профессии на слуху. Выяснить же, кто такая Минэко Ивасаки, у жителя, например, Токио представляется почти невероятным делом.

Однако Ивасаки-сан действительно стала очень известным человеком и в самой Японии, и за ее пределами, но не столько благодаря гейшевским талантам, сколько с помощью своего обидчика Артура Голдена, создавшего бестселлер «Воспоминания одной гейши» (в русском переводе — «Мемуары гейши»), на основе которого в 2005 году был снят не менее известный голливудский фильм. Однако если так, то в чем же заключалась причина недовольства новой суперзвезды? Разгневанная японка утверждала, что американский литератор заработал 10 миллионов долларов на эксплуатации ложной версии биографии гейши и нарушил данную им клятву не разглашать секретов личной жизни Ивасаки. Якобы американец узнал интимные подробности из мира гейш и не только не сохранил имя Минэко в тайне, но и извратил в книге многие факты из жизни главной героини. Гейша Ивасаки объявила: клятвопреступник должен заплатить ей по суду за нанесенный моральный ущерб, а затем, в соответствии с древней самурайской традицией, она смоет позор с помощью сэппуку (харакири), но на практике она поступила совсем иначе. Одновременно с выходом в мировой прокат фильма в мировое же книгоиздание попала книга с незатейливым

названием «Настоящие мемуары гейши» и фамилиями двух авторов на обложке: Минэко Ивасаки и Рэнд Браун. В предисловии к книге знаменитая гейша написала: «Слишком много тайн окутывает понятие "гейша", слишком многие не понимают, что значит быть гейшей или, как в моем случае, гэйко. Надеюсь, моя история объяснит, чем в действительности является эта профессия, и, кроме того, познакомит читателей со многими уникальными моментами культурного наследия и национальными традициями Японии»[63]. Что ж, попробуем и мы разобраться, что такое гейша, разобраться, откуда растут корни иных развесистых сакур, но, объективности ради, сделаем это не только с помощью госпожи Ивасаки.

Корни сакуры

Наиболее популярная, можно даже сказать, официальная версия возникновения профессии гейш содержит сведения о точном времени ее основания, запротоколированные с японской тщательностью. Считается, что четверть тысячелетия назад — в 1751 году — некая женщина впервые взяла на себя функции шута-барабанщика, развлекающего клиентов одного из борделей района куртизанок Симабара в Киото. Вроде как до этого публику и проституток-юдзё имели право веселить только мужчины. Но у этой версии есть немало противников, в том числе в стане самих гейш, которые уверены, что их ремесло куда более древнее и история его появления на свет вообще сокрыта от глаз современников во тьме веков. Сторонники и противники официального летосчисления сходятся в одном: проститутки появились раньше, и, скорее всего, первые гейши начали свою трудовую деятельность чуть позже возникновения в крупных японских городах «веселых кварталов». Тому есть некоторые документальные подтверждения. Среди самых авторитетных свидетельство все того же Ихара Сайкаку о том, что еще в 1658–1661 годах «некий слепец по имени Сюраку» обучал девушек развлечению гостей с помощью любовных песен и плясок.

После Первой мировой войны в Японии на английском языке появился буклет о гейшах, написанный журналистом Акияма Айсабуро: «Перелистывая записи событий древности, мы можем проследить косвенное происхождение гейш от женщин, которые вели богемное существование в период Нара (710—794 годы), перемещавшихся между прибрежными городами с целью даровать приятные часы провинциальным аристократам и путешествовавшим по государственным делам. Находясь далеко от столицы, в местах с весьма ограниченным комфортом, эти чиновники чувствовали себя одинокими и печальными, а потому находили большое утешение в этих женщинах, явно имевших небольшое знание поэзии, а также обученных пению и танцу. <...>

Исходно и мужчины, и женщины, профессионально существовавшие на подобные легкие доходы, назывались гейшами, только мужчин определяли, как отоко-гэйся, а женщин — как онна-гэйся (мужчина-гейша и женщина-гейша. — *А. К.*). Понемногу приставка "онна" отпала, и женщин стали называть просто гэйся; название же отоко-гэйся исчезло вовсе, и вместо него появилось слово "хокан" — "жиголо".

Нечего и говорить, что почти все гейши прекрасно осведомлены в том, что именуется мужской психологией, поэтому они чрезвычайно искусны в ублажении мужчин с различными характерами, мыслями и темпераментами, вне зависимости от их возраста и социального положения. Вполне можно сказать, что зрелая гейша могла бы работать квалифицированным преподавателем социологии — разумеется, для мужской аудитории.

Рассмотренная в этом ракурсе, гейша была практически принуждаема совершать духовное самоубийство, предавая себя океану отчаяния и постепенно превращаясь в лодку без руля, бесцельно дрейфующую по океану существования. Если в первой половине жизни их не брали в законные жены, то жизнь им приходилось оканчивать непривлекательными старыми "мисс".

Гейши чрезвычайно суеверны и странно религиозны; они верят во всевозможных богов и будд, в честь которых устанавливают небольшие алтари в своих домах. Несмотря на любовь поспать, они иногда и летом, и зимой подыма-

ются очень рано, чтобы посетить свои излюбленные храмы, причем не по чисто религиозным мотивам, но лишь из стремления заручиться божественной поддержкой и обрести важного покровителя, чьи карманы полны золота»[64].

Как говорится, комментарии излишни. Добавлю только, что учениц, которых описывал и Ихара Сайкаку, и Акияма Айсабуро, приглашали на один вечер, их внешний вид отличался от облика юдзё, а называли их майко.

Это название до сих пор в ходу, но сейчас так зовут только молодых гейш-«стажерок», не менее популярных, а на взгляд иностранца, значительно более эротичных и красивых, чем их старшие, а то и попросту престарелые наставницы. Слово же «гэйко», как в Киото и по сей день частенько именуют гейш, появилось позже, возможно, как раз в 1750-х годах, когда представительниц этой профессии начали официально регистрировать как специалистов в области развлечений — «массовиков-затейников». В этом смысле статистика права.

Действительно, до самого конца XVIII века профессия гейши не была исключительно женской прерогативой, и это еще одно косвенное подтверждение того, что между гейшей (будем для легкости восприятия называть гэйко привычным нам европейским термином) и проституткой с самого начала пролегала некая граница. Последний мужчина официально оставил эту профессию в 1800 году, и с тех пор гейша стала олицетворением истинной женственности, сексуальности, утонченной красоты. Особенно — для японских мужчин. Привыкший к безмолвной и покорной жене-домохозяйке, состоятельный муж готов был отдать все за общение с ее противоположностью — раскованной, остроумной, интеллектуальной красавицей гэйко. Именно эта особенность японских гейш стала залогом их выживания и предопределила вековой конфликт с большей частью японских жен.

Еще один секрет выживания — искусство. Привычное нашему уху слово «гейша» — искаженный вариант от «гэйся», то есть «человек искусства», «мастерица», «артистка», — указывает на основную характеристику гейш: это женщины, в совершенстве умеющие развлекать публику с помощью тех приемов, которые были в ходу в XVIII–XIX столетиях, — танцем, пением, шутками, в том числе с выраженным эро-

тическим подтекстом. В ходе веселого застолья гейши, в отличие от скромных японских жен (которых обычно туда и не приглашают), не дают спуску в остротах подвыпившим мужчинам, подчас заставляя их краснеть. Подчеркнутый эротизм вкупе с косвенной принадлежностью к «веселым кварталам» и статусом «вечной невесты» (замужних гейш не бывает) породили полумифические догадки о легкой доступности. Сами гейши считают сегодня отождествление их с проститутками если не оскорблением, то по меньшей мере грубой ошибкой и бурно протестуют против этого. «Чайная церемония, а не секс, непринужденный разговор, а не знание"Сидзю хаттэ" — вот зачем идут к гейше, но только те, кто готов воспринимать гейш как неотъемлемую часть японской культуры. Мы не проститутки»[65], — с гневом говорят сегодняшние гейши, и им почти удалось убедить в этом слушателей. Тем более что сегодня, когда гейш осталось не так уж и много, а их услуги стоят по-прежнему исключительно дорого, по-иному относиться к ним стало трудно — это элитарный отдых для тех, кто знает в нем толк, но вот раньше...

Японский язык сохранил множество поговорок, связанных с сексуальным восприятием гейш японскими мужчинами. Одна из самых распространенных переводится на русский язык примерно так: «Пусть сначала раздвинет ноги, а потом послушаем, как она поет». Дело в том, что даже в японских правилах случаются исключения, а уж когда речь идет о столь тонких материях, как отношения мужчины и женщины, бывает совсем нелегко разобраться — где правило, а где исключение.

То, что сексуальное положение гейш всегда было несколько туманным, иллюстрирует тот факт, что еще в 1779 году специальным распоряжением тем гейшам, которые работали в «веселых кварталах», запрещалось спать с клиентами проституток, а для контроля за деятельностью гейш работало специальное управление — кэнбан. Значит, все-таки спали? Да, спали — в этом не может быть никаких сомнений, многочисленные литературные памятники той эпохи подтверждают это со всей ясностью.

При этом существовало несколько разновидностей, своеобразных специализаций гейш. Были упоминавшиеся Пиль-

няком сиро-гэйко — «белые», или «чистые», гейши, которые только пели или танцевали перед изысканной публикой. Пользовались спросом гейши-скоморохи — короби, а вот дзёро-гэйся — «шлюха-актриса» развивала в себе совсем иные способности, снова и снова запутывая современников и потомков в вопросе о том, чем же все-таки можно и чем нельзя заниматься гейше. Считается, что окончательную точку в этом вопросе поставило японское правительство в 1957 году, запретив проституцию. К гейшам этот указ никакого отношения не имел, что вроде бы еще раз подтвердило их особый, не совместимый с продажной любовью статус.

С другой стороны, в Японии до сих пор существует важная для сознания обывателя квартальная система устройства больших городов, когда в определенных местах жители занимаются определенным делом. Сегодня в Токио в районе Канда покупают книги, на Сибуе отдыхает молодежь, в Роппонги — иностранцы, в Кабуки-тё снимают проституток обоих полов. В средневековой Японии такая градация была еще более жесткой, а гейши работали и жили там же, где и юдзё, — в случае с Токио (Эдо) речь идет о квартале Ёсивара. Родина и столица гейш Киото долгое время считалась оплотом этой профессии. Еще в начале XIX века там было уже пять районов увеселений, где работали гейши. Сейчас их шесть: элитарный и известный на весь мир Гион, воспетый в «Мемуарах гейши», менее престижный, но более демократичный Понто-тё и малоизвестные Хигаси-синти, Миягава-тё, Камиситикэн. В альма-матер первых гейш — квартале киотских проституток Симабарем — дела сейчас настолько плохи, что, скорее всего, рассказы о его «мастерицах» в ближайшем будущем войдут в число преданий, но недавно гейши жили и там, путая непосвященным их нравственные ориентиры.

Известная исследовательница истории и сегодняшнего дня гейш американка Лайза Дэлби сама некоторое время работала гейшей квартала Понто в Киото, знакомясь с подноготной этого дела методом включенного наблюдения. Она рассказывает о том, что в Понто-тё хранятся предания о том, как в 1770 году в этом небольшом районе появился новый вид бизнеса: предоставление сомнительных услуг в чайных

домиках, где до этого действительно только пили чай. Очень скоро чайные домики распространились по нескольким районам Киото, бизнес в них становился все более сомнительным, и в 1813 году четыре квартала получили лицензии на открытие борделей — вслед за Симабарой[66]. Во всех злачных заведениях этих районов, а гейшевский Понто-тё стал одним из самых «веселых» среди них, разрешалась работа гейш, что еще более усилило путаницу между ними и проститутками и поставило гейш на грань исчезновения из-за непонятного и нечеткого статуса.

Вообще вся история гейш — сплошная летопись небывалых взлетов и падений, едва не стиравших их с лица земли. Впервые киотские «цветочные кварталы» — ханамати — оказались на грани жестокого кризиса после переноса столицы из Киото в Токио в 70-х годах XIX века. Вместе с основными клиентами — членами правительства, крупными чиновниками и высшим офицерством — туда переместилась и большая часть доходов. Опасность была столь велика, что, оставшись без серьезного источника пополнения бюджета, мэр Киото решил провести в 1875 году специальный праздник — фестиваль гейш. По этому поводу даже издали брошюру на практически неизвестном тогда в Японии английском языке. Идея оказалась настолько удачной, что фестиваль провели еще несколько раз, а с 1952 года и по сей день он проходит дважды в год и стал своеобразной визитной карточкой Киото, вернув ему славу «гейшевской столицы» Японии.

Проблема выбора

Период на стыке XIX и XX столетий называют «золотым веком» гейш — престиж профессии был тогда велик как никогда. «Мастериц» насчитывалось в то время в Японии более 25 тысяч, и на поднимающейся волне национализма их объявили символом ушедшей эпохи, носительницами рыцарского духа великой Японии. Любовниками гейш не стыдились становиться виднейшие политики, включая премьер-мини-

стров, а обнародование таких связей добавляло популярности обеим сторонам (хотя бывало и наоборот). Апофеозом развития патриотических чувств «цветочных дам» стало создание во время Русско-японской войны 1904—1905 годов Национальной конфедерации домов гейш. Члены этого «гейшевского профсоюза» ради помощи фронту даже отказались на время от обычая надевать три кимоно, сэкономив на нижнем. Сорок лет спустя гейши снова пожертвовали фронту свои одежды. Японцы шутят, что немалое количество парашютистов разбилось, заглядевшись на свои купола, пошитые из нижних кимоно непорочных майко.

Но одновременно это был и самый трудный период в истории гейш — по многим причинам. В 20—30-х годах XX века профессия гейш вновь оказалась под угрозой гибели: проблема скрывалась в повальной моде на всё западное. Даже создание конфедерации гейш (тоже западный шаг!) не помогло избежать женщинам угрозы исчезновения профессии. Япония в то время всё активнее открывалась миру, и в новой стране гейши с их допотопной манерой пения, древним музыкальным инструментом сямисэном и набеленными лицами казались сущими динозаврами. Именно тогда появились альтернативные гейши, одевавшиеся в европейское платье и отплясывавшие с клиентами чарльстон. Карюкаи, «мир ив и цветов», как часто называют особую социальную прослойку гейш, раскололся надвое и одновременно достиг предела численности — в конце 30-х годов гэйко и майко было свыше 80 тысяч.

Но существовала и еще одна опасность, гораздо более щепетильного характера. Европейская психология, несмотря на официальные заслоны*, поставленные на ее пути, проникала в Японию и оказывала значительное влияние на японские умы. Европейцы и американцы, не знакомые с традицией гейш и не понимавшие тройственной природы сексуальных отношений в Японии, причесали всех японок в кимоно под одну гребенку. Все «мадам Хризантемы» или «Чио-Чио-сан» казались им просто яркими, как бабочки,

---

* В конце XIX века японским правительством был объявлен лозунг «перестройки»: «Западная техника — японский дух!»

экзотическими шлюшками. Такой эмоциональный заряд, подкрепленный шоком перед развитием западной цивилизации и уважением к ней, болезненно воздействовал на японских мужчин. Да и сами гейши не случайно начали танцевать чарльстон — от них ждали всего западного, в том числе и поведения. Гейши по молчаливому согласию и в самом деле могли вот-вот окончательно превратиться в тех, кем их считали.

Исторический фон и аромат «мира ив и цветов» тех лет передал нам долгие годы запрещенный в Японии писатель Нагаи Кафу. Как и Ихара Сайкаку или Тамэнага Сюнсуй, он был завсегдатаем и знатоком женского мира, прекрасно владел материалом, любил женщин и много писал о них. Самый знаменитый его роман «Соперницы» посвящен борьбе двух гейш. Одна из них — продолжательница классических традиций квартала Симбаси в Токио. Вторая — пока еще работающая в кимоно, но уже ведущая себя как западные девушки гейша. Перед каждой из них стоит проблема выбора — кем стать и с кем спать? Но не только перед ними. Те же самые вопросы пытаются решить для себя и мужчины — их клиенты и возлюбленные. Книги Нагаи Кафу, и прежде всего «Соперницы» — это то, чего не могут оспорить сегодняшние гейши и чего они предпочитают не замечать, практически документальное повествование о том, что главное в мире гейш — деньги. И если финансовая ситуация складывается так, что гейша должна спать с клиентом, она будет с ним спать. Иногда, как это случается с главной героиней «Соперниц», с тремя разными клиентами за ночь: «До сих пор ни одному клиенту, кроме Ёсиоки, она не согласилась прислуживать у изголовья. Ханаскэ же судила об этом со своей точки зрения, и ее мнение было таково: не извлечь выгоду теперь означает нанести себе урон в будущем»[67].

Такое поведение причиняло душевные страдания самой героине, но не вызывало осуждения у окружающих. Ее возлюбленный ревновал, но сам рассуждал уже совершенно по-западному: «Он вел тихую и обыкновенную жизнь, в которой не было ничего достойного упоминания. Вернувшись с работы домой, он сразу ложился спать, а по воскресеньям вел жену и детей, к примеру, в зоопарк и при этом не

считал такую упорядоченную жизнь ни пустой, ни скучной, как, впрочем, не считал ее веселой и интересной, просто жил и жил день за днем как в забытьи. <...>

В ходе развития цивилизации, с возникновением общественных институтов, жизненная энергия людей стала проявляться в погоне за богатством, властью и наслаждениями или же в азартных усилиях преуспеть в бизнесе. Слава, богатство и женщины — эта триада составляет основу существования современного человека. Тот, кто сознательно это презирает, ненавидит или же боится этого, — попросту слабак, не имеющий воли бороться, или же неудачник, отворачивающийся от истины»[68].

Немудрено, что мужчина с такими нравственными установками искал женщину западного типа, хотя по традиции шел к гейше. Но и сами гейши знали, зачем теперь приходят к ним такие клиенты. Среди девушек всегда находились те, кого в Ёсиваре причислили бы к дзёро, но сейчас они считались просто развратными «иностранками»: «Такие женщины бывают только на Западе. Чем-то Кикутиё в точности напоминала западных проституток из тех, что ночь напролет веселятся, сидя нагими на коленях у мужчин с бокалом шампанского в руках.

Если взяться за перечисление особых достоинств Кикутиё, то первым будет белизна кожи. Среди японок это редкость, и лишь у таких вот белокожих все тело может залить ни с чем не сравнимый нежно-розовый румянец.

Ну а вторым достоинством Кикутиё была ее полнота. В просторечии ее назвали бы "сбитой пампушкой" — ни слишком рыхлая, ни слишком плотная, как раз в меру. Ее нежное полное тело обладало удивительной упругостью, а в любовных объятиях оно словно само скользило в руки мужчины и притягивалось к нему, не оставляя ни малейшей щелочки. <...> На самом деле Кикутиё, когда ее обнимали, от удовольствия непрестанно извивалась всем своим небольшим телом. И каждый миг мужчина испытывал новые ощущения, как будто каждое следующее мгновенье с ним была совсем другая женщина.

Манера держаться была третьим достоинством Кикутиё. Она была необычная гейша, и, будь то дневной свет или свет

фонаря, она не пугалась и не смущалась, как все японские женщины. Если мужчина искал близости с ней еще прежде, чем была приготовлена постель, она вела себя столь же бесстыдно, как если бы стояла глубокая ночь и все вокруг уже уснули. Постельные принадлежности, а тем более ночная одежда служили, в представлении Кикутиё, лишь для защиты от холода, но отнюдь не для прикрытия наготы. <...>

Четвертой особенностью, отличавшей Кикутиё от остальных гейш, была ее речь — разговоры, которые она вела в постели, порой вступая с гостем в перепалку. <...>

Она вела оживленные беседы лишь о себе самой. Правда, ни одной складной истории от нее никто не слышал. Все рассказы всегда сводились к мужчинам, к тому, как они с ней забавлялись»[69].

В этом описании заметна причудливая смесь западных и восточных нравов, которые, кажется, тогда еще не имели таких различий, как сегодня. Японская гейша шокирует клиента по-западному откровенной своей наготой, но он готов атаковать ее, по-западному же доказывая сам себе свою силу и смелость. Ее первым достоинством автор называет цвет кожи — то же самое, что и во времена Сайкаку, но теперь это считается признаком не японского, а европейского благородства. И сами гейши все чаще поглядывают через плечо своих мужчин на Запад, с трудом удерживаясь, чтобы не облизать острым язычком ярко накрашенные губы.

Мечты сбываются: из золушек в принцессы и обратно

Любая гейша всегда мечтала о богатстве и возлюбленном. Собственно, возлюбленный и должен был это богатство предоставить, чтобы выкупить гейшу из дома, которому она принадлежала. То есть каждая гейша по сути своей — Золушка, с той лишь разницей, что Золушка умела выполнять только черную работу по дому, а гейши — прекрасно образованные в самых разных областях, интеллигентные, воспитанные девушки с навыками профессиональных пси-

хологов. Разве этим они заслужили счастье меньше, чем сказочная героиня?

Сегодня мир знает больше всего о счастье гейши Саюри — той самой «мемуарной» Ивасаки Минэко, но гейшам везло и до нее. А с началом XX века начались и первые случаи отъезда гейш за границу — их возлюбленными стали богатые и знатные иностранцы. Самая яркая история произошла с гейшей О-Юми из киотского квартала Гион. Представитель американской олигархической семьи Морганов Джордж Морган познакомился с ней в 1902 году на фестивале «Мияко Одори» в Театре гейш в Киото и сразу влюбился в нее. О-Юми имела совершенно иные планы, да и внешне белые гайдзины тогда еще не считались привлекательными для японских девушек, и она вежливо, но решительно отказала Моргану. Американец принялся настойчиво ухаживать и даже взялся за японский язык, но гейша была непреклонна. Более того, ходили слухи, что ее собственный любовный роман с одним студентом близится к тому, чтобы завершиться двойным самоубийством. Парень нуждался в деньгах, он не мог выкупить О-Юми, и терраса Храма Киёмидзу уже поджидала их, чтобы сбросить молодые тела вниз.

Однако не зря говорят, что японские женщины стократ хитрее мужчин, да и в любви куда искушеннее. О-Юми решила принять предложение Моргана и стала его официальной любовницей, передав все деньги, полученные за согласие, своему возлюбленному студенту. Спустя год спасенный любовник успешно окончил университет и... уехал из Киото, даже не попрощавшись с О-Юми.

После того как несчастная девушка пришла в себя, она по-новому взглянула на всю эту историю и на самого Моргана. После некоторых раздумий она приняла его предложение руки и сердца. Чтобы сочетаться законным браком с любимой, Морган выкупил ее у хозяйки за громадную сумму — 40 тысяч иен, но и О-Юми вынуждена была отказаться от японского гражданства — общество презирало ее за то, что она стала женой «белого варвара».

Морган и О-Юми поженились в начале 1904 года, в разгар милитаристских настроений в Японии, и предпочли сразу уехать в Нью-Йорк. Но тут уже клан Морганов, а также их

«коллеги-миллионеры» встретили молодоженов холодным презрением и подвергли обструкции. Не нашедшие понимания ни в Киото, ни в Нью-Йорке, Джордж и О-Юми вынуждены были уехать в Париж, где они наконец обрели свое счастье — на девять лет. С началом мировой войны Моргану пришлось вернуться в Нью-Йорк. Он рвался обратно, к О-Юми, но так и не смог до нее добраться — умер от инфаркта по дороге к жене.

О-Юми стала наследницей состояния Морганов и переехала в Нью-Йорк. Как ни странно, разыгравшаяся драма подействовала на воображение высшего американского света, и жизнь бывшей гейши протекала теперь вполне спокойно. Она занималась своим домом, много играла на фортепьяно, которое сопровождало ее в долгих переездах по всему миру, покровительствовала выставкам японского искусства в Америке. О-Юми пережила и Вторую мировую войну, в которой новая ее родина победила старую, сбросив на ту сотни тысяч обычных бомб и две атомные, добилась возвращения ей японского гражданства и вернулась в Киото, чтобы умереть на родине.

Почти одновременно с О-Юми скончалась еще одна великая гейша современности — О-Кои. Будущая звезда родилась в 1870 году и была отдана в чайный дом в возрасте четырех лет — ее семья очень нуждалась и не могла прокормить малышку. Когда О-Кои исполнилось тринадцать, она стала токийской гейшей из района Симбаси и вскоре завоевала признание как красивая, тактичная, умная и веселая «искусница».

Еще через пять лет О-Кои по собственному желанию стала наложницей немолодого завсегдатая чайного дома Омудзи, где она тогда работала. Теперь она превратилась в хозяйку собственного дома и даже смогла выкупить долги своих приемных родителей, которые к тому времени разорились. Слава О-Кои росла с каждым днем — она была лучшей, самой эротичной и самой недоступной гейшей Симбаси.

По существовавшей тогда традиции почитатели таланта О-Кои предложили ей «закрутить роман» с популярнейшим актером театра кабуки Итимура Удзаэмон — самым известным любовником Токио тех времен. И... О-Кои согла-

силась. Это был «роман по сговору» — в Японии случается и такое. А его спонсором и даже организатором свадьбы двух знаменитостей стал «данна» — любовник О-Кои, который только таким образом и смог оставить свое имя в истории: его звали Ядзима.

Однако дальше все развивалось совсем не так романтично. После свадьбы О-Кои приняла свое детское имя Тэру и перешла жить в дом супруга, где попала фактически в услужение к одной из самых злобных и привередливых свекровей на свете. О-Кои стала Золушкой — обычная история для молодых японских девушек, не только гейш. На мужа рассчитывать ей не приходилось: перестав быть гейшей и став законной женой, О-Кои перестала и существовать для него. Через два кошмарных года О-Кои попросила развода.

Получив свободу и взяв денег взаймы, она открыла новый чайный домик, снова став королевой ночного Токио. Вскоре за ее руку и сердце сошлись в поединке два гиганта — борцы сумо Араива и Хитатияма. Бой выиграл Араива. Он отдал гейше призовые деньги и предложил выйти за него замуж, но О-Кои это уже не было интересно. Тем более что Араива, мягко говоря, не блистал интеллектом, а у О-Кои только что появился новый любовник (да еще какой!) — премьер-министр Японии Кацура Таро. Они любили друг друга и встречались около десяти лет — до смерти Кацура в 1913 году.

Но и в их жизнь вмешалась политика. Хотя, в отличие от О-Юми, О-Кои не была замужем за иностранцем, Русско-японская война попортила ей немало нервов. Население Японии не одобряло подписанный после войны Портсмутский мирный договор и винило в неудаче премьер-министра, а заодно ненавидело и О-Кои. Националисты объявили любовников предателями родины. На них было совершено несколько нападений, и дом О-Кои пришлось охранять солдатам. Чтобы спасти и себя, и ее, Кацура ушел в отставку, официально объявив, что отныне порывает и всякие контакты с О-Кои. Однако со временем негодование правых утихло, и любовники опять стали встречаться, а Кацура даже вновь занял кресло премьер-министра.

После его смерти О-Кои провела несколько лет в одиночестве, но потом вернулась в Токио и в полном соответствии

с духом времени открыла один из первых баров в западном стиле на Гиндзе — в самом центре японской столицы в двух шагах от ее родного квартала Симбаси. Последним ударом для нее стало Великое землетрясение Канто в 1923 году, которое уничтожило Токио вместе с ее баром. О-Кои уже не смогла оправиться от потрясений и после череды новых злоключений стала в 1938 году буддийской монахиней, чтобы завершить свою жизнь в чтении сутр и размышлениях о бренности мира, превратностях судьбы и способах совершенствования кармы.

Мокрое дело

К 30-м годам прошлого века мода в Японии на чарльстон закончилась, и вместе с нею исчезли гейши-модернистки. Оказалось, что японскому обществу важнее сохранить Традицию, чем ломать ее в угоду прогрессу. Сегодняшние гейши, которых осталось менее 10 тысяч (в 1947 году их было еще меньше — 2478), внешне выглядят точно так же, как их предшественницы двухсотлетней давности. Гейш по-прежнему приглашают на банкеты дзасики в чайные дома, где они по предварительной договоренности определенное время развлекают гостей: поют, танцуют, шутят, наливают саке — в общем, делают то, что обычно называют «скрашиванием досуга». Умение это делать стоит даже по японским меркам чрезвычайно дорого (счет идет на тысячи долларов), и приглашений год от года становится все меньше. Сегодня позволить себе посиделки-дзасики с участием таких танцовщиц могут либо чрезвычайно богатые люди (их в Японии не так уж много), либо крупные фирмы, в бюджетах которых специально предусматриваются расходы «на гейш» — это очень престижно и совсем не зазорно. Помимо установленной платы, которая перечисляется на счета домов, содержащих работниц, сами гейши могут получить наличными чаевые, а могут и не получить — все зависит от клиента, и консумация здесь неуместна.

В общественном смысле гейши ценны для Японии тем, что сейчас они одни остаются носителями духа старины: только они умеют носить кимоно именно так, как надо, и только у них и осталось такое их количество, которое когда-то должна была иметь уважающая себя японская женщина. На наряды уходит бóльшая часть немалых заработков современной гейши, и это такая же необходимость, как хождение в гэта и окубо — деревянных сандалиях-скамейках, высота которых зависит от статуса гейши и которые дали толчок неоднократно охватывавшей весь мир моде на туфли «с платформой».

Ныне только гейши и майко специально обучаются чайной церемонии и по-настоящему искусны в исполнении песенок коута и игре на сямисэне, а увидеть их традиционные танцы могут все желающие на майских фестивалях в Киото — таких же, как и в 1902 году, когда Морган встретил свою О-Юми. Кстати, только в Киото гейши по-прежнему живут в кварталах-ханамати. Токийские «служительницы муз» предпочитают приезжать на работу на такси, а «онсэн-гейши», то есть работающие в курортных городках близ горячих источников онсэнов, и вовсе ходят пешком и носят лишь одно кимоно. Кстати, именно онсэн-гейши пользуются наиболее громкой славой по части сексуальной осведомленности, хотя и тут ожидать от них знания «Камасутры» не следует. Это объяснимо: в отличие от столицы или Киото, где в кварталах гейш складывается постоянная клиентура, на курортах гости все время меняются, и все они хотят как можно больше расслабиться и получить от гейш «по полной». Лайза Дэлби побывала в качестве гейши в одном из самых знаменитых курортных городов Японии — Атами, который славится своими онсэнами и располагает собственной, хотя и очень небольшой, общиной гейш, и сделала любопытное наблюдение: «На банкетах с гейшами в Атами витает дух похотливости. Администрация отелей часто вывешивает в банкетных залах такой плакат: "Дорогие гости, наши гейши — это актрисы", хотя в то же время поощряет самые дикие выходки своих гостей. В одном из отелей я видела брошюру "Введение в гейшелогию", специально изданную для туристов, не зна-

комых с искусством гейш, с тем чтобы проинструктировать гостей, как вести себя с гейшами*. Там приведен такой разговор между гейшами:

«Гейша Д.: Когда мы были в ученицах, нам приходилось на банкетах играть "Мелкую речку". А там нужно задирать подол все выше и выше.

Гейша А.: Из-за этой "Мелкой речки", когда я была еще молодая, я ревела.

Гейша Г.: Сямисэн все играл и играл, а мы поднимали подол все выше и выше. Сначала сямисэн играл медленно, потом темп ускорялся, и мелодия звучала все выше и выше.

Гейша Б.: Гости следили с ухмылкой и все приговаривали: "Покажи волосики, покажи волосики!"

Гейша А.: Им надо увидеть это место, они все пили и хохотали.

Клиент: А вы что, без трусов были?

Гейша Г.: Конечно, мы же танцовщицы. Трусы видны сквозь кимоно, так нам нельзя.

Гейша Б.: Когда меня заставляли танцевать "Мелкую речку", я сгорала от стыда, убегала в слезах и запиралась в ванной.

Клиент: Но вы показывали?

Гейша Б.: Иначе нельзя. Ведь сямисэн играет не останавливаясь.

Гейша Г.: Бедные девчушки, у некоторых даже еще пушка там не было.

Клиент: Ну и что же они делали?

Гейша Г.: Перед началом банкета брали кисть и тушь и рисовали себе растительность под животом»[70].

Та же Лайза Дэлби впервые откровенно, но без предвзятостей рассказала неяпонцам об одной из самых загадочных сторон жизни гейш, во многом из-за которой и возникла сначала популярность книги Артура Голдена, а затем и его конфликт с Ивасаки Минэко. Речь идет о церемонии лишения

---

* Японцы вообще любят инструктировать путешественников. Одна девушка рассказывала нам, как во время странствий по Японии остановилась на ночлег в буддийском храме. В ее комнате оказались две книги на английском языке: Библия и «Камасутра».

гейш, а вернее, майко девственности — традиции мидзу-агэ. Вот как в изложении Артура Голдена узнала об этом молодая гейша Саюри:

«— Что называется мидзу-агэ?

— Когда женскую пещеру впервые посещает угорь. Вот, что мы называем мидзу-агэ.

"Мидзу" означает "вода", а "агэ"— "поднять" или "поместить", поэтому дословно термин мидзу-агэ означает "поднимающаяся вода" или "поместить что-то на воду". Если вы спросите у трех гейш, откуда взялся этот термин, никто из них не ответит на вопрос.

— Думаю, ты догадываешься, почему Доктор любит бывать в Гионе, — продолжала Мамеха. — Он получает очень много денег от своего госпиталя. Часть денег он тратит на содержание своей семьи, а остальные — на поиски мидзу-агэ. Думаю, тебе будет интересно узнать, что ты как раз тот тип молодой девочки, который ему нравится больше всего. Я это точно знаю, потому что сама оказалась одной из них.

Как я позже узнала, за год или за два до моего приезда в Гион Доктор Краб заплатил рекордную сумму денег за мидзу-агэ Мамехи — 7 или 8 тысяч иен. Сейчас эта сумма не кажется такой огромной, но в то время даже Мама, все мысли которой поглощали деньги или то, как бы заработать их побольше, только раз или два в своей жизни видела такие деньги. <...>

В конце концов, Доктор Краб согласился заплатить 11 тысяч 500 иен за мое мидзу-агэ. До настоящего времени это самая высокая цена за мидзу-агэ в Гионе, а возможно, и во всех районах гейш в Японии. Имейте в виду, что в те дни один час времени гейши стоил около 4 иен, а экстравагантное кимоно могло продаваться за 1 тысячу 500 иен. Может, это покажется небольшой суммой, но она гораздо выше, чем, скажем, рабочий зарабатывал за год.

Должна признаться, я не очень умею считать деньги. Многие гейши гордятся отсутствием наличных денег. Даже здесь, в Нью-Йорке, я живу так же. Хожу в магазины, в которых меня знают, где продавцы записывают все мои покупки, а когда в конце месяца приходит счет, я прошу своего помощника оплатить его. Так что вы видите, я до сих пор

не могу сказать, сколько денег трачу или на сколько флакон духов стоит дороже, чем журнал. Поэтому мне меньше всего подходит рассуждать о деньгах. Тем не менее хочу сослаться на слова своего близкого друга, сказавшего мне — а он знал, о чем говорил, потому что был министром финансов Японии в 1960-е годы, — деньги дешевеют с каждым годом, поэтому мидзу-агэ Мамехи в 1929 году стоило гораздо больше, чем мой в 1935-м, хотя цена за мой и составила 11 тысяч 500 иен, а мидзу-агэ Мамехи — 7 или 8 тысяч иен. <...>

Наконец бездомный угорь пометил свою территорию, и Доктор лег всей своей тяжестью на меня, влажный и потный. Мне совсем не нравилась такая близость с Доктором, поэтому я сделала вид, что мне тяжело дышать, в надежде, что он слезет с меня. Долгое время он вообще не шевелился, но затем резко встал на колени и стал опять очень деловым. Я не смотрела на него, но краем глаза заметила, что он вытирается одним из полотенец, бывших подо мной. Он завязал пояс своей пижамы и надел очки, не заметив маленького кровяного пятна на линзе. Затем начал вытирать у меня между ног, используя полотенце и ватные тампоны, словно мы находились в палате госпиталя. К этому времени я почувствовала себя комфортнее. Доктор же достал деревянный ящик и вытащил ножницы. Он вырезал кусочек кровавого полотенца, лежащего подо мной, и вложил его в стеклянную пробирку с моим неправильно написанным именем на ней. Затем официально поклонился мне и сказал:

— Спасибо тебе большое»[71].

Неудивительно, что подобное изложение исключительно интимных сторон ее жизни вызвало такое возмущение у Ивасаки Минэко. Тем более что ее весьма аккуратная по части сексуальных откровений книга вообще старательно обходит тему мидзу-агэ, хотя этот термин в ней и упоминается, но исключительно как целомудренно-независимая цирюльная церемония взросления: «После того как я больше двух лет пробыла майко, пришло время для моего мидзу-агэ — церемонии, отмечающей повышение этого статуса. Майко пять раз меняет свою прическу, символизирующую каждый шаг, ведущий к становлению гэйко. На церемонии мидзу-агэ пучок волос на макушке символически стригут, чтобы

более взрослой прической обозначить переход от девочки к молодой женщине.

Я спросила маму Масако, надо ли мне просить своих клиентов оплатить стоимость мидзу-агэ.

— О чем ты говоришь? — рассмеялась она. — Я растила тебя независимой женщиной. Нам не нужна в этом помощь мужчин. Окия прекрасно может обо всем позаботиться. <...>

— А что мне тогда делать? — спросила я.

— Не так уж много. Тебе нужно сделать новую прическу. После я проведу церемонию сакадзуки, чтобы отметить это событие и подарить подарки всем, кому следует, включая и те маленькие сладости, которые так расстроили тебя в четырнадцать лет.

Моя церемония мизу-агэ состоялась в октябре 1967 года, когда мне исполнилось семнадцать лет. Мы нанесли традиционные визиты, чтобы сообщить об этом и подарить подарки всем, с кем имели связи в Гион Кобу.

Я распрощалась с прической варэсинобу, которую носила последние два года, и стала носить прическу в стиле офуку, как положено взрослой майко».

Конечно, это мидзу-агэ разительно отличается от того, которое описывает Артур Голден, и от того, о котором с большой иронией рассказывает Лайза Дэлби:

«Мужчина предлагает майко лечь; тут он разбивает яйца, желток проглатывает, а белком смазывает ей заветное место, говоря: "Это мидзу-агэ. Покойной ночи, дорогая". Затем гасит свет и выходит. На следующий день все готовится точно так же, он разбивает яйца, проглатывает желток, а белком смазывает у девушки между ног. "Это мидзу-агэ. Приятных сновидений, дорогая". И так каждый вечер, день за днем. Но каждый раз он своими пальцами, смоченными в белке, углубляется все дальше и дальше. К концу недели майко привыкает к этой короткой процедуре и чувствует себя совершенно свободно. В этот момент мужчина, который, как понимаете, хорошо укрепил себя съеденными яйцами, легко совершает мидзу-агэ».

Живущей в Америке гейше подобный рассказ наверняка показался бы оскорбительным, но зато Ивасаки Минэко в своей книге немало места отводит борьбе за свою сексу-

альную независимость, то и дело рисуя неприглядные картинки, явно указывающие на неоднозначное понимание сексуальных функций гейш. Вот как она описывает свою реакцию на грубые приставания клиента:

«...Когда я поклонилась в знак приветствия, один из гостей, притворяясь пьяным, толкнул меня на пол. Я упала на спину и уже собиралась вскочить, когда он дернул меня за полы моего кимоно и задрал мне юбку, обнажая ноги и нижнее белье. Затем схватил меня за ногу и потащил по полу, как тряпичную куклу. Все смеялись, даже другие майко и гэйко, присутствовавшие в комнате.

Я была ошарашена, но в душе росла ярость. Я мертвенно побледнела. Найдя в себе силы высвободиться, я вскочила на ноги, одернула юбку и побежала прямо в кухню. Выхватив у одной из служанок нож для сасими, я положила его на поднос и вернулась в банкетную комнату.

— Значит, так, слушайте меня все, — сказала я. — Никому не двигаться!

— Успокойся, Минэ-тян! Я же пошутил. Я не хотел сделать ничего плохого.

Вслед за мной прибежала окаасан.

— Я собираюсь ранить этого джентльмена, могу даже убить. Я хочу, чтобы вы все поняли, как глубоко я оскорблена.

Подойдя к своему противнику, я приставила нож к его горлу.

— Нанеси удар — и он заживет, но потревожь сердце, и рана останется на всю жизнь. Ты ранил мое достоинство, я никогда не испытывала большего позора. Я не забуду того, что здесь сегодня произошло, никогда. Ты не заслуживаешь того, чтобы из-за тебя я села в тюрьму, поэтому отпущу тебя. На этот раз. Не вздумай никогда делать что-то подобное.

С этими словами я бросила нож на татами рядом с тем, на котором сидел гость, и, держа голову прямо, вышла из комнаты».

Если верить гейше Ивасаки, сексуальные домогательства ожидают ее коллег не только на работе, прямо подразумевающей по уже известным причинам такой риск, но даже на улицах спокойных японских городов, хотя в современных

полицейских сводках описанные ниже нападения большая редкость:

«Однажды я возвращалась от святыни Симогамо, где выступала с новогодними танцами. Было пятое января. Я несла "стрелу демона", талисман, который продают у синтоистских святынь, чтобы отгонять злых духов. Джентльмен средних лет шел прямо на меня. Проходя рядом со мной, он вдруг повернулся, схватил меня и начал лапать.

Я вытащила бамбуковую стрелу и вонзила ее в запястье мужчины. Я воткнула ее так сильно, как только могла. Нахал попытался высвободить руку, но я держала ее изо всех сил, вгоняя стрелу все глубже. Я холодно посмотрела на него и сказала:

— Вот что, уважаемый, у нас есть два выхода. Мы можем пойти в полицию, или прямо здесь вы поклянетесь, что никогда в жизни ни с кем вы так не поступите. Это зависит от вас. Ну, так что будем делать?

Он ответил немедленно, голос его звучал плаксиво:

— Я обещаю: больше никогда так не сделаю. Пожалуйста, отпустите меня.

— Я хочу, чтобы вы смотрели на шрам каждый раз, когда захотите причинить кому-нибудь вред, и останавливались.

В другой раз мы с Юрико прогуливались по улице Ханами-кодзи. Краем глаза я заметила троих мужчин, приближающихся к нам. Они выглядели пьяными. У меня появилось плохое предчувствие, но, прежде чем я что-либо предприняла, один из них схватил меня и закрутил мне руки за спину. Двое других стали приближаться к Юрико, и я крикнула ей, чтобы та убегала. Подруга увернулась и скрылась за поворотом.

В это время парень, который держал меня, наклонился и стал лизать мне шею. Это было отвратительно.

— Что за глупости! Разве не знаешь, какие теперь женщины? Ты бы поостерегся, — сказала я и приготовилась бежать. Он расслабился, а я схватила его левую руку и впилась в нее зубами. Насильник закричал и отскочил от меня. Из руки сочилась кровь. Двое других смотрели на меня полными удивления глазами. Наглецы сбежали.

Мои губы были покрыты кровью. Я была в двух шагах от окия, когда группа самодовольных молодых людей, явно пытающихся произвести впечатление на своих спутниц, обступила меня. Они искоса смотрели на меня и хихикали. А потом начали прикасаться ко мне. Один из прутьев корзинки, которую я несла, был сломан, и я выломала его до конца. Держа его перед собой в свободной руке, я направила его на атакующих.

— Думаете, вы крутые, да? — закричала я. — Грязные недоноски!

Потом я стала тыкать острым концом прута, целясь в лицо самому агрессивному. Они отступили и забежали в какой-то дом»[72].

Так или иначе, но все это бесконечно далеко от рекламных статеек в российской прессе, увлеченно повествующих о совершенно бредовых вещах: «Гейша — подруга, психоаналитик, собеседник, источник наслаждений и еще много-много всего, чему, кстати, девочки учатся с шести до шестнадцати лет. То, что гейши услаждают душу, вовсе не означает, что при этом тело отдыхает. Оно тоже наслаждается, да еще как! Просто секс с гейшей совсем не такой, как с женой или проституткой. "Главное отличие меня от проститутки, — рассказывает известная гейша Сакава Эси, — в том, что основное удовольствие от продажной женщины, пусть самой дорогой и умелой, клиент получает в постели. Я же обучена таким движениям, которые заставляют клиента испытать оргазм еще во время самого танца. Но это первый оргазм. Затем я восстанавливаю мужскую силу при помощи рук, губ и волос — этими легкими прикосновениями вновь заставляю его испытать второй оргазм, и только третий оргазм достигается в постели". Это, так сказать, минимальный норматив для гейши, которая не может по японским традициям уделять клиенту больше двух часов».

Нам так и не удалось установить, кто такая Сакава Эси, но трогательная рекламная история о стахановских «трех оргазмах от гейши» в сжатые сроки явно не имеет никакой связи с реальной жизнью, где все значительно проще, хотя и сексу здесь всегда есть место. В мифические «сексуальные секреты гейш» тем более трудно поверить, что Япония —

слишком бурно развивающаяся страна для того, чтобы в ней оставался хотя бы один небольшой незаполненный участок. Закрытый прежде мир ханамати впустил за свои стены журналисток: после того как Артур Голден прославил на весь мир Ивасаки Минэко, а она, отвечая на его вызов, сама стала автором бестселлера, после того как Лайза Дэлби написала интереснейшую книгу о своей «стажировке» в квартале Понто-тё, прославившаяся своими сексуальными похождениями в горячих точках русская «дрянная девчонка» Даша Асламова при помощи наших общих русских и японских друзей изведала все прелести дзасики в другом знаменитом квартале, Гионе, и на личном опыте убедилась в том, что, хотя профессия эта не из легких, сегодня никто уже не продает своих дочерей в ханамати, чтобы заработать на кусок хлеба, — теперь это предания далекого прошлого Японии: «В старые добрые времена перед мидзу-агэ онэ-сан рассказывали юным майко историю о бездомном угре. У мужчин, говорили они, между ног есть "бездомный угорь", который всю жизнь пытается найти себе дом. А у женщин внутри есть маленькие пещеры, где так любит жить угорь-странник. Попав в пещерку, он недолго осваивает территорию, а потом метит ее своим плевком. Всю свою жизнь угорь ищет дом для постоянного проживания, но особенно он любит пещеры, в которых до него никто не бывал. О квартале чайных домиков Понто-тё говорят, что он "узкий, как ложе угря", — если переводить на обычный язык, "узкий, как влагалище".

Теория "бездомного угря" до сих пор популярна в Японии. Хиромацу тоже пытался выяснить, нельзя ли пристроить ко мне для временного проживания его угорь. "У меня внутри не просто дом для одинокого странника, а целый отель уровня «Хилтона», — объяснила я Хиромацу. — Но... отель, к сожалению, переполнен. Мест нет". — "Но я зарезервировал номер заранее, — вскричал Хиромацу. — Я звонил, я помню. Проверьте свой компьютер". — "Компьютер завис", — ответила я, и мы оба рассмеялись. Вот вам типичный разговор между гейшей и ее клиентом, состоящий из двусмысленностей, обиняков и искусно зашифрованных вольностей.

Или еще: мы с Хиромацу сидим за стойкой бара. Хиромацу флиртует со случайной соседкой, сидящей по его

правую руку. Я устраиваю ему притворную сцену ревности. "Настоящий самурай никогда не покажет, что голоден, — объясняет мне Хирамацу. — Он будет ковыряться зубочисткой в зубах, хотя, может быть, он готов съесть свою зубочистку. Так же поступаю и я. Я ужасно голоден до тебя, но делаю вид, что меня интересует соседка".

Японцы любят обо всем говорить метафорами. Если правильно прочесть их старинные легенды, то выяснится, что Японские острова — это застывшая сперма. Бог и богиня — Идзанаги и Идзанами — родили все живое на земле. В процессе создания жизни они так неистово занимались любовью, что капельки божественной жидкости вытекли из богини и упали прямо в море. Вот так появились на свет Японские острова. Теперь ясно, почему японцы так любят разговоры о сексе и зачем они ходят к гейшам...

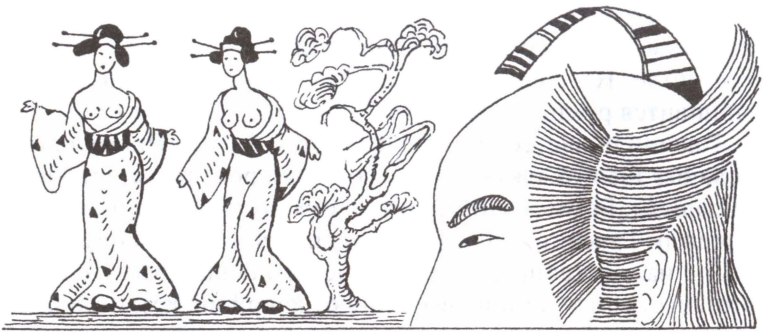
"Для меня общение с гейшей — это возможность пройти весь путь любви с незнакомой женщиной и остановиться у самого порога, потому что там горит «стоп-сигнал»", — объяснял мне Хиромацу. "То есть замахиваться на все и не рисковать ничем. Но ты можешь сделать то же самое с любой женщиной", — возражала я. "Нет, потому что с обычной женщиной я могу переступить через порог, это зависит от ее желания. А с гейшей ясно, что секса не будет. Есть упоительная игра, в которой важен сам процесс игры"»[73].

Эти правила в современной Японии постигает новое поколение юных майко-сан, которых когда-то готовили с семи лет, теперь с пятнадцати — иначе будет нарушен закон об обязательном образовании. Сами майко научились разбираться в трудовом законодательстве, и бывает, что слишком уж рьяно берущиеся за учебу наставницы получают в ответ судебный иск за нарушение трудовых прав. В 1995 году даже имело место массовое выступление девушек-стажерок против условий труда, практически не оставляющих времени для личной жизни. О том, что когда-то девственность майко выставлялась на своеобразный аукцион между наиболее уважаемыми клиентами, а сам ритуал ее лишения мог продолжаться пять дней, ныне помнят лишь гэйко-ветеранки. По-прежнему острые на язык, они говорят, что никогда не справились бы с этим делом на заднем сиденье автомобиля,

как это принято у современной молодежи. Свой же творческий опыт они передают тем нынешним майко, которые еще верят в романтический флер, окружающий профессию. Около половины из них сами дочери гейш, рожденные вне брака, и живут надеждой, что смогут найти богатого клиента, который станет их покровителем — данна, обеспечит им безбедную жизнь и когда-нибудь, если уж очень повезет, возьмет их замуж. Сказка о Золушке популярна в «мире ив и цветов» как нигде. Наверное, потому, что здесь она хотя бы иногда становится реальностью.

Так или иначе, гейши существуют, и без них Япония потеряла бы значительную долю своего очарования и привлекательности. Бесполезно спорить о том, нужны ли они и сохранится ли Традиция дальше. Один японский журналист очень верно назвал гейш «пупком японского общества». Подобно этой части тела, они не выполняют какой-то заметной роли в жизни организма, но так же, как невозможно представить тело без пупка, нельзя себе представить и Японию без гейш.

Глава 7
Островной вуайеризм и другие не-извращения



Под присмотром самих себя

Рассказывая вам о разных этапах становления японской сексуальной культуры, мы незаметно добрались до самого сложного момента — до современности. Следует признать, что, по-прежнему не пытаясь оценивать японцев с европейской точки зрения, нам все же придется остановиться на некоторых их «странностях». Под «странностями» я имею в виду любовь японцев к тому, что в европейской сексуальной традиции считается извращениями: вуайеризм, особо острая любовь к белым женщинам, к женщинам в разного вида униформах, к связанным женщинам. Начнем, пожалуй, с вуайеризма, так как история сексуальной культуры, в том числе сюнга, созерцанию которых мы недавно предавались, дают нам обильную пищу для размышлений.

Вуайеризм, или попросту страсть к подглядыванию, трактуется классической европейской наукой как сексуальное извращение, требующее лечения. История японского вуайеризма может опровергнуть такую точку зрения, поскольку для японца подглядывание — составная часть любопыт-

ства, которое, в свою очередь, одна из самых заметных черт японского национального характера, давно замеченная иностранцами. Возможно, и нет в мире другого такого народа, чьи представители столь ярко и, если позволяет обстановка, непосредственно реагируют на все новое, что входит в их жизнь. В самом деле, кто из нас не видел отечественных или иностранных фильмов, где японцы изображаются как люди, непрерывно щелкающие затворами фотокамер? Японцы фотографируют все, всегда и везде, они очень любопытны и очень наблюдательны, и вряд ли кому-то придет в голову относиться к этому любопытству как к болезни, требующей врачебного вмешательства. Разумеется, как любая черта национального характера, повальное и столь веселящее американцев и европейцев японское любопытство имеет свои причины возникновения, свои, если угодно, исторические корни.

На протяжении двух с лишним тысячелетий Япония формировалась как довольно закрытое, гомогенное государство, почти не знавшее внешних этнических вливаний. Или, по крайней мере, эти вливания были настолько небольшими (и продолжают оставаться такими сейчас), что мы можем игнорировать их без ущерба данному положению. Почти на всем протяжении долгой японской истории главным культурным и технологическим донором для Японии оставался Китай, но самими японцами их национальная культура, жизненный уклад, основные ценности осмыслялись как самостоятельные и уникальные. Да и сегодня гордость за свою страну и ее неповторимую культуру — одно из основных качеств, которые мы могли бы перенять у этого народа. Интересно, что соседний Китай при этом помещал и помещает себя в центр схемы мироздания, а японцам вполне достаточно было осознавать себя на ее периферии. Вроде и уникальные, сильные и замечательные, они оказались как будто «на всякий случай» дистанцированы от излишне бурной истории материковой Азии. Японцы словно наблюдают за всем происходящим в мире через моря и океаны — с безопасного для себя расстояния, не стремясь особенно сильно вмешиваться в мировые процессы. Переводчик-японист и писатель Г. Ш. Чхартишвили охарактеризовал такое поло-

жение вещей как «взгляд из аквариума», и это выражение нам кажется вполне уместным, чтобы описать отношение японцев к внешнему миру.

История доказала обоснованность японского подхода к любопытству. Японию не затронули тяжелейшие катастрофы материковой Азии в древние времена, и даже самая страшная из них — орда Чингисхана — не дошла до Японских островов, поглощенная волнами тайфуна-камикадзе. Когда же у самих японцев возникало желание поучаствовать в материковых делах, ничем хорошим это не кончалось — ни в эпоху легендарных императоров и императриц, когда царство Ямато впервые решило завоевать территорию Корейского полуострова, ни в Средние века, когда те же земли манили к себе самураев, ни в Новейшее время, когда Япония еле спасла саму себя от полной катастрофы в результате инициированной ею же Тихоокеанской войны. Поневоле после этого начнешь верить, что самими богами японцам предначертано лишь наблюдать за всем происходящим в мире с безопасного расстояния. А разве секс — исключение? С точки зрения психологии — вряд ли. Ведь ничто так не провоцирует любопытство, как возможность следить за процессом с одновременным ощущением собственной безопасности. Японцы всегда с интересом наблюдали события за стенами своего «стеклянного аквариума», будь то воображаемые стены, окружавшие их страну, или вполне осязаемые, но полупрозрачные и легко раздвигающиеся перегородки в традиционном японском доме. В сознании народа возникло и навсегда осталось чувство безопасного любопытства, своеобразный островной вуайеризм, влияние которого не могло не сказаться и на отношении к интимным сферам жизни.

Сюнга стали визуальным подтверждением того, что японцы всегда любили подглядывать за любовниками, да и просто за хорошенькими девушками, испытывая от этого совершенно особое, не совсем понятное европейцам наслаждение. Вполне эротическая любовь к наблюдениям сохранилась и по сей день. Не случайно в списке эротических развлекательных программ японского телевидения вы обязательно найдете шоу, основанные на вуайеризме, когда ведущие занимаются элементарным подглядыванием за девушками,

качающимися на качелях, переодевающимися в кабинках на пляже, выходящими из туалета и в самых разных иных, но схожих по смыслу ситуациях. Интересно, что далеко не всегда для этого применяется скрытая камера, хотя такие съемки — тосацу — тоже очень популярны в Японии благодаря великолепной электронике и постоянному спросу вуайеристов. Но во-первых, применение техники слежения может оказаться наказуемым, а во-вторых, участницы, героини подобных шоу вполне нормально относятся к такому вниманию к собственным персонам. Они видят камеру, понимают, зачем она поставлена, но стесняются лишь напоказ, оживленно обсуждая после съемки, например, детали своего нижнего белья с развязными ведущими. Может ли быть иначе? Ведь если бы не существовало эксгибиционистов, вряд ли так процветал бы вуайеризм. Разумеется, до подглядывания за половым актом пока дело не доходит, но любопытно отметить, что часть иностранок, долго живущих в Японии и с пониманием относящихся к особенностям японского сексуального мировоззрения, соглашаются на участие в таких шоу, выступая в роли «приглашенных звезд». Автору доводилось встречать среди этих девушек и россиянок.

Хотя это относится уже не вполне к вуайеризму, но и к другим сексуальным «перверсиям» японцев, стоит упомянуть в этой связи и о том, что нередким объяснением популярности русских женщин среди зрелых японцев является простая фраза «потому что интересно» (наряду с популярным «потому что красивая»).

К сожалению, но по вполне понятным причинам мы не можем показать здесь результаты соответствующих статистических опросов — провести их объективно и искренне было бы весьма затруднительно. Однако авторам удалось побеседовать с довольно большим количеством японок и даже русских жен японских мужей, многие из которых отметили страсть своих избранников к вуайеризму. Нередко она даже затмевает натуральное либидо — мужья привычно довольствуются просмотром порнофильмов, избегая полового контакта со своими женами, кем бы те ни были, и сублимируя половой акт впечатлениями от наблюдения за голубым экраном. «Секс — это просто путь к большим проблемам», — призна-

ется в интервью еженедельнику «Сюкан Асахи» 35-летний мужчина, никогда не испытывавший близости с женщиной, но регулярно мастурбирующий с 19 лет, а сексолог Акаэдо Цунэо констатирует: «Некоторые мастурбируют до такой степени, что это просто невероятно. Ребята к этому привыкают и в итоге не могут получить необходимое удовлетворение от влагалища, чтобы кончить».

Но если японок такое положение ничуть не удивляет, то русским девушкам приходится испытать от этого немалый шок, сопоставимый лишь с известными случаями, когда они обнаруживали подглядывание за собой через подзорные трубы или бинокли из квартир напротив (нередко это организовывают хозяева квартир, которые снимают эмигранты, а иной раз и сами мужья иностранок) или когда, вывесив нижнее белье после стирки на балкон, утром они не обнаруживали его на привычном месте. Уровень материальной обеспеченности в Японии не позволяет ни на секунду предположить, что трусики или бюстгальтеры были похищены с целью наживы. Видимо, дело совсем в другом...

Не надо бояться человека в форме

«Фетишизм — половое извращение, при котором объект, вызывающий половое влечение, — неодушевленные предметы (например, волосы или детали туалета женщины)». Такому энциклопедическому определению фетишизма нет места в Японии, не говоря уж о том, что волосы сложно назвать неодушевленным предметом (особенно подпитанные какими-нибудь живыми керамидами или липидами, как учит нас реклама). При том что фетишисты существуют во всех странах мира, в Стране солнечного корня у них особый уровень развития и особые пристрастия. Например, некоторая часть японских мужчин очень любит девушек в униформе. О том, насколько велика эта часть, нам также сложно судить из-за отсутствия статистических данных, но в соответствии с законами политической экономии относительно известной

взаимосвязи спроса и предложения эта прослойка должна быть довольно велика.

Японское телевидение обязательно держит в секторе развлекательных программ передачи и шоу, посвященные квазисексуальным забавам, связанным с удовлетворением интереса мужчин к девушкам, одетым в различную униформу — от школьной до полицейской. Сюжет таких передач обычно столь же незатейлив, как и многих их конкурентов, — чем проще шоу, чем ниже планка, тем легче оно «переваривается» наибольшим количеством зрителей — уставших после трудового дня клерков-сарариманов, студентов, рабочих. Организуется посторонняя сюжетная канва: например, катание на сноуборде с горы, в котором принимает участие группа девушек, чаще всего не профессионалов, а обычных студенток или молоденьких домохозяек, желающих подзаработать, покрасоваться перед камерой, повеселиться и раскрепоститься. Нередко в таких шоу участвуют многочисленные в Японии «девчачьи» музыкальные группы, ищущие любой способ для дополнительной раскрутки на телевидении. Их переодевают в униформу, стилизованную, например, под военную, но гораздо более красивую, блестящую (хорошо использовать для этого латекс) и, главное, очень сексуальную — с коротенькими юбочками, глубоким декольте и тому подобными сексапильными хитростями. Далее действие развивается по уже знакомому плану: катание с визгом и как бы случайным обнажением различных частей тела, «подглядывающие» камеры, незатейливый разговор на тему нижнего белья: «Какого цвета у тебя трусики? А ты можешь их показать? А посмотри, как он хочет их увидеть!» и так далее. Возможны варианты: ведущие шоу подходят на улице к девушкам, одетым в униформу, напоминающую полицейскую, и просят забрать себя в участок, чтобы подвергнуться «суровому наказанию». Далее все следуют в студию, часть которой оформлена как «полицейское учреждение», и с шутками-прибаутками начинается все тот же разговор с демонстрацией якобы высокой сексуальной озабоченности девушек в униформе. Разумеется, самой распространенной и популярной являются униформы медицинской сестры

или горничной отеля. Профессиональная принадлежность здесь видна довольно ярко, а сюжетные коллизии при не самом богатом выборе позволяют создавать наиболее впечатляющие, хотя и классические, эпизоды — например, у врача-стоматолога или во время уборки горничной комнаты ведущего в отеле.

Современное телевидение, в том числе японское, абсолютно коммерческая структура, жизнеспособность продукции которой проверяется единственным мерилом — наличием спроса. Судя по тому, что подобные передачи, незначительно меняясь по оформлению, но сохраняя смысловую канву, идут по телевидению годами, спрос на них существует достаточно высокий. Это неудивительно — его подогревают факторы повседневной японской жизни и особенности национальной сексуальной культуры, столь непривычной для нас. Поговорим сначала о первых.

Традиционные места раскрепощенного вечернего отдыха японцев и иностранцев в Японии сохранились с давних времен. Автору удалось побывать в некоторых из них, главным образом в Саппоро (квартал Хосуй Сусукино) и в расположенных в районе Токио — Кавасаки — Иокогама. В японской столице, за исключением официально запрещенной Ёсивары, ночная жизнь с ее сексуальными атрибутами, как и прежде, кипит в знаменитом Синдзюку, где многонациональный женский бизнес сконцентрирован главным образом в квартале Кабуки-тё, а неподалеку оттуда, у парка Окубо, мы разговаривали с местными гомосексуалистами. Менее раскованная и более молодая часть населения Токио предпочитает встречаться в демократичной Сибуе, а увеселения иностранцев сконцентрированы в «дипломатическом» районе Роппонги (для совсем уж недипломатических развлечений многие отправляются в район Эбису, известный своими китаянками). О хранящих традиции Ёсивары (девушки там и сегодня сидят в витринах, но уже не решетчатых, разумеется, а в стеклянных) кварталах Фудзими в Кавасаки и Исэдзаки-тё в Иокогаме разговор особый. Но в каком бы районе развлечений вы ни были, вам обязательно встретятся «горничные», девушки в медицинских халатах или просто одетые непонятно во что, но во что-то форменное,

раздающие флаеры с рекламой массажных салонов, «клубов по интересам», секс-шопов, частных клиник, конечно же, «рабу хотэру» — отелей любви — и нередко даже совсем не имеющих отношения к какому бы то ни было эротическому бизнесу, но торгующих униформой модных магазинчиков. Униформа стала отчетливым символом секса, эротическим клише, понятным японцам и вызывающим у них соответствующую реакцию. Им это нравится, их это возбуждает, и обращение девушек в форме к мужской аудитории всегда оказывается высокоэффективным. Почему?

По всей вероятности, объяснение этого феномена следует искать в истории становления японского общества — очень иерархичного, четко поделенного по вертикали и горизонтали на общественно значимые ячейки, в каждой из которых размещается и осознает свое место любой японец. При этом для некоторой части японских мужчин такое четкое позиционирование в обществе доставляет значительные сексуально-психологические неудобства. Японский социум, бывший на протяжении как минимум тысячи лет ориентированным исключительно на верховенство мужчин, после буржуазной революции 1868 года и особенно в послевоенное время заметно изменил гендерную систему ценностей, и этот процесс продолжает углубляться и сегодня. В Японии и в прошлом женственность части мужского населения и ее нестандартные влечения были серьезной проблемой — тому свидетельством сочинения самурайских классиков. Женщины и раньше старались показать в сексе превосходство мужчины методом самоуничижения — вспомните простые, но действенные приемы куртизанок из Ёсивары. Но сегодня проблема стала еще острее. Многие мужчины чувствуют дискомфорт из-за того, что их ведущая роль в семье, шире — в обществе, на глазах утрачивается, и они не могут ничего с этим поделать, не только потому, что у них нет на это сил, но и в связи с тем, что такая тенденция является безусловно модной. Модно — быть унисексуалом, женственным юношей, покорным сотрудником, мягким, как сейчас говорят в Японии — «травоядным», мужчиной. Однако человеческая природа пока не может перестраиваться так же быстро, как общественное сознание и тем более мода. В глубине души

многие мужчины хотят первенства, хотят главенства над женщиной, зримого, визуального воплощения своей способности обладать ею, как в сексуальном, так и в психологическом контексте, — хотят быть «хищниками», даже если не способны на это. Лучшего решения этой проблемы, чем обладание (или хотя бы намек на это) женщиной, одетой в униформу, пожалуй, не найти.

В традиционном, бюрократичном, жестко регламентированном японском обществе любая форма значит очень много. Человек, облаченный в униформу, теряет часть собственной природы, которую с лихвой возмещает его общественная функция, обозначенная этой формой, и соответственно он как бы немного возвышается над тем, кто в этот момент такой формы не имеет. В обычных условиях это никак не выражается, и, конечно, не стоит думать, что настоящий японский полицейский, к примеру, надев форму, упивается своей властью. Но дополнительная степень уважения, возникающая в подсознании большинства по отношению к человеку в форме, — безусловная реальность. Даже горничная в отеле, соответствующим образом одетая, может представлять интерес для мужчины, испытывающего комплекс неполноценности, так как, принуждая ее к сексу, он понимает, что заставляет уклоняться ее от выполнения важных служебных обязанностей, и его маскулинное самосознание в этот момент чувствует удовлетворение охотника. Он не только сильнее, чем она, ему кажется, что он сильнее общества, хотя скандал в нью-йоркском отеле с главой МВФ, думается, надолго отбил у многих «хищников» страсть к «охоте» на горничных. И наоборот: уступающая, но сопротивляющаяся женщина выказывает таким образом уважение даже к самому вялому мужчине. В голливудском блокбастере «Трудности перевода» есть показательный фрагмент на эту тему. К знаменитому американскому актеру, приехавшему в Токио на съемки рекламного клипа, в номер приходит женщина, предлагающая себя изнасиловать и наглядно показывающая, как это надо сделать («мните, мните на мне колготки!»). Когда актер отказывается, она сама падает на пол и, обнажаясь, кричит «Не надо, не надо!». Остается загадкой — прислали ее к гостю радушные хозяева или она пришла сама,

но, так или иначе, с японской точки зрения это знак высшего расположения к мужчине.

Специально обученные девушки, «обмундированные» в эротическую униформу и позволяющие мужчинам легко достичь желаемого, являются очень удобным и необходимым для строго регламентированной японской жизни «сексуальным клапаном», как, впрочем, и многие другие разновидности японских «извращений».

Интересно, что один из наиболее шокирующих иностранцев вариантов сексуального поведения японцев — школьная проституция «эндзё косай», также во многом основана на эффекте клапана, присущего японским вариантам вуайеризма и фетишизма.

Смысл эндзё косай (энко) следует из самого названия — «свидания для помощи». В помощи «нуждаются» тинейджерки в возрасте от 14 до 18 лет, а оказывают ее, естественно, мужчины от 40 до 60 лет — самая активная в смысле поиска сексуальных приключений часть японского общества. Некоторые из таких встреч, хотя и далеко не все, заканчиваются сексом, а это означает, что школьницы фактически занимаются проституцией, но не все так просто. С формальной точки зрения большинство из них отговариваются тем, что это «встречи по любви» с бойфрендами, а то, что те в разы превосходят своих любовниц по возрасту, так ведь любовь зла... По этой причине расследования по фактам проституции эндзё косай проводятся крайне редко — несколько сотен случаев в год. Какая это часть от общей массы, легко может понять каждый, кто знает о традиционных местах встреч девушек со взрослыми «бойфрендами» в районах Сибуя и Харадзюку и может своими глазам наблюдать «парады» эндзё косай — многие японцы уверены, что энко занимались не менее половины всех девушек японской столицы, да и в остальных городах Японии ситуация похожая.

Однако материальная подоплека таких свиданий всем хорошо известна. При том что подавляющее большинство девушек принадлежат к «среднему классу» и их никак не назовешь «обездоленными жертвами гнусного обмана, вынужденными торговать собой ради лекарств для больной мамы», девушки именно торгуют собой и именно ради денег

или дорогих подарков: сумочек (лучше всего от Луи Вюттона), косметики (хорошо идет «Палома Пикассо»), одежды («Гуччи» и любые французские марки в Японии в большой цене). Понятно, что заработать на такие вещи, которые в Японии могут стоить на порядок дороже, чем в странах-производителях, школьницы не способны, а правило неукоснительного следования моде в Японии нарушать не принято, и не менее 70 процентов девушек, идущих на эндзё косай, делают это из элементарных корыстных соображений — каждая встреча стоит в среднем около 20 тысяч иен (около 250 долларов), а это немалые деньги для подростков. Газета «Майнити» от 15 октября 2007 года опубликовала результаты исследований этого бизнеса: 68 процентов старшеклассниц Токио живут половой жизнью, имея от 5 до 37 партнеров, 5,8 процента этих старшеклассниц страдают различными венерическими заболеваниями. Особенно любопытно, что после окончания школы интерес к сексу среди японской молодежи катастрофически падает, но об этом речь впереди.

Существует «индивидуально-обезличенная» форма эндзё косай, когда они не встречаются с клиентами, а продают через специализированные магазины свое поношенное нижнее белье. Герметично упакованное, в комплекте с фотографией и мини-диском с записью звуковых эффектов — ее «сексуальных» стонов, всхлипываний, криков «Больно, больно!», оно пользуется большим спросом у фетишистов. В Интернете без труда можно найти сайты, занимающиеся продажей поношенных трусиков энко. На некоторые из них заходит около 100 тысяч посетителей ежедневно! Поговаривают даже о войне между традиционными продавцами грязного белья — бурусэра — и их онлайн-конкурентами, но похоже, что в современной Японии рынка хватит на всех.

Образ школьницы, «Лолиты» — древний, но одновременно один из наиболее популярных и эксплуатируемых сексуальных образов эпохи. Не случайно даже намного более старшие девушки — студенческого возраста а порой и еще старше охотно надевают на себя школьную форму, чтобы завлечь потенциального клиента в свои сети. Школьница в синей юбочке и с воротником-матроской — один из главных секс-символов Японии, уже знакомый нам по мульт-

фильмам-аниме. Их изображения встречают вас в Японии повсюду: на рекламе все тех же массажных салонов и эротических шоу, кинотеатров и магазинов, игровых залов патинко, едва ли не в каждом вагоне метро, и так далее, и так далее...

Японские психиатры и социологи знают об этом эффекте, но пока могут только констатировать его: да, японские мужчины ищут применения своим силам с помощью образа неопытных девочек, а те, в свою очередь, вполне сознательно торгуют собой, прикрываясь этим имиджем. Безусловно, знают об этом и мужчины, которые таким образом оправдывают свои педофильские устремления: раз девочка уже совсем не такая неопытная, как она себя представляет, так чего стесняться?

Хэнтай, банзай?

Японские анимационные фильмы, мультфильмы аниме — передовой отряд современной японской культуры, который идет впереди икебаны, карате и чайной церемонии, приобщая молодежь всего мира к японским культурным ценностям и создавая образ «клевого японца» (cool Japanese). Такая роль отведена аниме в рамках официальной культурной дипломатии Японии, и эта роль с успехом исполняется на мировой сцене. К сожалению, в тени аниме, но гораздо быстрее, активнее и незаметнее для официальных властей действует еще более передовой отряд — хэнтай.

Один из вариантов перевода этого слова с японского языка — «половое извращение». Несмотря на это, хэнтай уже стал очень популярным жанром, а его будущее видится в еще более розовых и голубых тонах. Аниме осваивает новые территории быстро и напористо. В Рунете большинство сайтов о Японии либо отводят аниме значительные информационные площади, либо просто посвящены этому искусству, а остальная Япония идет, как и задумано, — «прицепом». Строгие по части порнографии законы многих стран не позволяют так же активно пропагандировать и хэнтай, но в России и это «извращение» завоевывает новых поклон-

ников каждый день. На одном из сайтов, посвященных аниме, так и написано: «Для многих из тех, кто начал знакомиться с аниме и мангой через электронные сети, именно хэнтай стал их визитной карточкой».

Написание «аниме» и «хэнтай» взято из английского языка и свидетельствует о путях появления этого направления в России, отчасти объясняя его популярность. По-английски элементарные тексты у нас читают многие, и освоить в Интернете сайт с порномультфильмами «юзеру» (пользователю компьютера) совсем не сложно. Слово «хэнтай» успело не только прижиться в русском языке, но и родить прилагательное «хэнтайный», то есть имеющий отношение к хэнтай, порнографический.

Манга — традиционные японские комиксы, также содержащие важную эротическую составляющую, берут начало от «весенних картинок» и переняли даже часть полиграфических особенностей: двухцветную печать, плохую бумагу, огромные тиражи. По сути своей манга — предвестник аниме, в том числе и хэнтай. Говоря о манга или об аниме, можно с некоторым допущением утверждать, что у этих видов искусства в целом существуют одни и те же особенности — по крайней мере, что касается эротического аспекта. Оба этих продукта довольно примитивны с точки зрения вербальной культуры — их тексты не просто лаконичны, они элементарны, а нередко, и это особенно характерно для хэнтай, — идиотичны. Важно, что это не зависит от того, на какую возрастную группу направлен данный экземпляр продукции — ориентирован ли он на взрослых или на подростков и детей.

Пока что можно говорить, что в нашей стране более популярен раздел для подростков (сёнэн) — именно с детских аниме началось их проникновение на рынок. Считается, что секс в этом направлении не является главенствующей темой (хотя его присутствие никто даже не пытается отрицать), но подача материала в подобных аниме выглядит несколько странной. Главные герои сёнэн-аниме — школьники и студенты, переживающие подростковые проблемы, основная из которых — отношения с противоположным полом. При этом начисто забывается, что аниме — сугубо японский продукт и естественно, что показ этих проблем выполнен в соответ-

ствии с японскими реалиями и с японским видением мира. А реалии таковы: сексуальная жизнь и сексуальная культура современного японского общества определяются его постоянно возрастающей феминизацией. И здесь речь далеко не только о повышении значения женщин, но и об их отделении от мужчин и замыкании в пределах собственного пола, о колебании сексуальной ориентации.

Телевидение, например, постоянно демонстрирует рекламные ролики, в которых полуобнаженные (или вовсе обнаженные) девушки весьма откровенно обнимают и целуют друг друга. По мнению рядового японца, которому эта реклама адресована и для которого она превращается в стереотип, это — каваий, то есть «миленько», «красиво», «симпатично». Именно это прежде всего легло в основу заочной любви японцев к группе «Т.А.Т.У.», которая очень быстро сошла на нет после того, как восторженные фанатки подросткового возраста смогли познакомиться с ней поближе и воочию увидели предмет обожания.

Феминизация и бисексуальность — реальность для «травоядных» японских мужчин, которые все чаще отпускают длинные волосы, красят их, вставляют цветные линзы, худеют, отбеливают лица, носят серьги, украшения и одежду экзотических цветов, так что издалека не всегда можно верно определить их половую принадлежность (это особенно заметно, когда смотришь на пары). Аниме по большей части — как раз о таких унисексуальных индивидах и парах*.

Аниме полностью отражает японские реалии и японский взгляд на них — взгляд совсем не строгий и даже не очень взволнованный. В большинстве префектур Японии (кроме

---

* Еще один крайне важный факт, имеющий отношение к этой деликатной сфере жизни. Создается впечатление, что молодые японки постепенно утрачивают потребность в сексуальных контактах с мужчинами ради удовольствия, то есть не ради денег и не из подросткового любопытства. В большинстве японских эротических журналов непременно найдутся изображения женщин, удовлетворяющих себя с помощью вибратора и получающих от этого полноценное наслаждение, — сюжет, едва ли представимый в аналогичном европейском или американском издании. И ведь это не оттого, что в Японии не хватает мужчин!

Нагано) приняты местные законы об ответственности за «некорректное сексуальное поведение», распространяющейся как на «нимфеток», так и на их «помощников». Но те, против кого эти меры направлены, отзывались об их эффективности более чем скептически. Там это — почти нормально, это — хицуёна аку. В России же, где у подростков проблем не меньше, чем в Японии, но качество этих проблем несколько иное, «фанатение» от аниме вызывает немного странную и непривычную пока для нас реакцию. Иное социальное содержание мужской роли в современном российском обществе еще не подвигает наших подростков к феминизации (по крайней мере, в массовом порядке), а вот девушки оказались подвержены эффекту экзальтированной маскулинизации, склонности к бисексуальности и лесбийской любви значительно больше. Среди российских фанаток аниме, любительниц аниме-тусовок, которых с каждым годом становится все больше, межполовые отношения, строящиеся на невнимании и неверии в мужскую составляющую, становятся все более популярными и ярко выраженными. Низкий уровень жизни многих из них, неполные семьи (особенно с отсутствием отцов), социальная дезориентация, сложные взаимоотношения со сверстниками мужского пола, многие из которых еще ничего не достигли в жизни и не могут ни представлять собой опору, ни хотя бы понять девушек, ведут последних к замыканию в романтическом мире аниме и к отрицанию веры в иную, кроме лесбийской, любовь. Однополая любовь — «яой» — одна из наиболее распространенных тем в хэнтай. Американцев это настолько шокировало, что в популярном и у нас сериале «Сэйлормун» они были вынуждены сделать одного из героев — Дзойсайт — девушкой (по яой-классификации Дзойсайт — «укэ», то есть пассивный гомосексуалист).

Типаж такого героя — светловолосый и изящный, слегка манерный и изнеженный, похожий на девушку юноша. Яой-пару дополняет его сильный и темноволосый старший «товарищ». Если девушка влюбляется в одного из них, ей приходится переодеваться мальчиком.

Еще один распространенный вариант — любовь ангелов и демонов, но там пол вообще трудно определить. Зато в яой

стиля «сётакон» (от сочетания распространенного имени Сётаро и слова «комплекс» — по аналогии с «рорикон» — «комплекс Лолиты»*) всё понятней: главный персонаж там маленький мальчик... Ничего запретного в таких фильмах нет: инцест, различные формы садомазохизма — все в подробностях и самых шокирующих ракурсах.

Большинство авторов яой — женщины, а среди потребителей сего «продукта» немало молоденьких девушек, фанатеющих от «бисён» — смазливых женоподобных мальчиков. В продолжение средневековых традиций конец для них в яой должен быть трагическим — лучше всего смерть героев. Подростки-максималисты подсаживаются на такие фильмы как на наркотик, и в России уже есть девчонки, последовавшие примеру своих анимешных возлюбленных.

Но аниме основываются не только на голубых «лавстори». Сюжеты, построенные на лесбийской любви, называются «юри». Среди самых известных — популярный сериал «Утэна». Но и в культовом «Сэйлормун» есть юри-линия: любовь Харуки и Митиро. Совсем как в Ёсиваре. Кстати, есть исторические аниме на эту тему, например «Ханамати» — «Цветочный квартал», ставший лидером продаж в России в марте 2006 года. Трогательная история девочки-рабыни, позволяющей апробировать на себе самые изощренные извращения взрослых садистов...

Ценители «взрослого» хэнтай (сэйнэн) такие сложные сюжеты не очень любят. По признанию самих «анимешников» этот уровень не несет вообще никаких идей, не обсуждает проблем. Его главная задача, нашедшая полное понимание и у российской, не озадаченной интеллектуальными проблемами аудитории, — доставление зрителю максимального сексуального удовольствия с помощью упрощенных до крайности сюжетов и грандиозных сексуальных сцен, часто с такой степенью извращений (по меркам любых цивилизаций), какие только может воспроизвести не всегда здоровая фантазия авторов. Впрочем, учитывая, что большинство хэнтай-фильмов также производится в Японии, перечень «сексуальных приманок» в них нам уже почти полностью изве-

---

* В японском языке «л» заменяется на «р» — Рорита вместо Лолита.

стен: педофилия, садомазохизм, фетишизм (прежде всего униформа), изнасилования, однополая любовь, групповой секс (обычно несколько мужчин и одна женщина) и, наконец, связывания. Неудивительно, что, по данным Национального полицейского управления Японии за август 2008 года, ежегодный прирост числа преступлений, связанных с детской порнографией, составляет 17 процентов. Полиция напрямую увязывает эту прискорбную тенденцию с интернет-пропагандой хэнтай-фильмов: из задержанных за первые шесть месяцев 2008 года 190 педофилов 105 оказались связаны с распространением соответствующей продукции через Интернет.

Фильмы, производящиеся за пределами Японии, стараются не отставать от самой продвинутой страны. В России подпольные «мастера» снимают сериалы, в которых запредельными видами секса занимаются любимые персонажи известных советских мультфильмов: Чебурашка спит с Шапокляк, дедка с репкой, бабка — с Жучкой, Колобок стал голубым, а что вытворяют тридцать три богатыря — пусть останется тайной! У американцев Белоснежка резвится в постели с семью гномами, кот-негр Том насилует мышонка Джерри, Кролик Роджер пустился во все тяжкие — рисованный Апокалипсис...

Сколько веревочке ни виться...

В одном из крупных книжных магазинов Токио я увидел однажды еще одно подтверждение гипотезы о необходимости существования в японском обществе «сексуальных клапанов» и об их ограниченном ассортименте. На стенде эротической литературы на глаза мне попалась книжка, повествующая об искусстве связывания. Самое удивительное, что среди многочисленных иллюстраций различных способов опутывания сексуальной жертвы веревками, цепями, лентами и даже колючей проволокой выделялась картинка, судя по манере написания — очень старая, изображающая явного европейца — в мундире, в сапогах, с усами, но с вывернутыми

и замысловато связанными сзади руками. Лицо европейца, несмотря на характерную японскую манеру рисования, показалось знакомым. Прочитал подпись к картинке. Так и есть: русский капитан Василий Головнин, взятый в плен береговой охраной острова Хоккайдо в 1811 году.

Искусство связывания — ходзё-дзюцу — одно из старейших в арсенале японских единоборств. Мастера ходзё-дзюцу, существующие и поныне, могут быстро и эффективно связать противника так, что он не то что не сможет освободиться, но и каждое лишнее движение будет причинять ему боль, а то и вовсе приближать к смерти. Первый русский, оставивший воспоминания о таком связывании — тот самый капитан Головнин, писал: «...нас <...> поставили на колени и начали вязать веревками, в палец толщины, самым ужасным образом, а потом еще таким же образом связали тоненькими веревочками, гораздо мучительнее. Японцы в этом деле весьма искусны, и надобно думать, что у них законом поставлено, как вязать, потому что нас всех вязали разные люди, но совершенно одинаково: одно число петель, узлов, в одинаковом расстоянии и пр. Кругом груди и около шеи вдеты были петли, локти почти сходились, и кисти рук связаны были вместе; от них шла длинная веревка, за конец которой держал человек таким образом, что при малейшем покушении бежать, если б он дернул веревку, руки в локтях стали бы ломаться с ужасной болью, а петля около шеи совершенно бы ее затянула. Сверх того, связали они у нас и ноги в двух местах — выше колен и под икрами; потом продели веревки от шеи через матицы и вытянули их так, что мы не могли пошевельнуться, а после того, обыскав наши карманы и вынув все, что в них только могли найти, начали спокойно курить табак».

С определенной натяжкой, но можно считать эти строки первым известным нам описанием иностранцем популярнейшего японского способа сексуального удовлетворения с помощью связывания жертвы — кимбаку — ближайшего и самого интимного родственника ходзё-дзюцу.

Если попытаться классифицировать это японское увлечение, оно, конечно же, попадет в раздел очередного извращения — садомазохизма. С консервативной точки

зрения — даже садизма, так как мало кто у нас готов поверить, что удовлетворение путем причинения жертве страданий здесь получает не только мужчина, но и женщина, страдая, выполняя свою характерную для японской сексуальной культуры роль жертвы, может получать законную (и немалую!) долю удовольствия. Европейская медицинская классификация способна и здесь лишь навесить ярлык, не пытаясь разобраться в сути происходящего и важности этого «извращения» для традиционной культуры. Но у японцев все сложнее.

Первые известные автору упоминания о связывании как оформленном способе полового удовлетворения относятся к эпохе сексуального расцвета и сексуального перелома японского общества — второй половине XIX века. Некоторые мастера сюнга уже тогда отображали эту разновидность садомазохизма как вариант тончайшей услады для пресыщенных прелестями Ёсивары ее постоянных клиентов. Но если в те времена к этому и в самой Японии, возможно, относились как к некоей причуде, действительно извращению, то в наши дни ситуация несколько поменялась.

Пытаясь избавиться от уже упоминавшегося нами комплекса «подкаблучника», японские мужчины ищут изощренных наслаждений, в которых женщина будет не просто выступать в роли объекта их сексуального интереса, но сможет еще нагляднее выражать свою подчиненную по отношению к мужчине роль. Более того, женщина должна страдать — так, чтобы мужчина это видел, осознавал и получал от этого удовлетворение (и не обязательно женщина — Мисима писал о возбуждении, которое охватывало его при виде изображения связанного святого Себастьяна). Излишне говорить, что о жестком садомазохизме, точнее, БДСМ (бондаж-доминанта-садо-мазохизм) речь здесь чаще всего не идет: в современной Японии существует вполне достаточное количество возможностей для мужчин «выпустить пар» тем способом, какой им больше нравится, с помощью профессионально подготовленных девушек. Тем более что искусством связывания по-настоящему владеют единицы, и для того, чтобы связать «жертву» так, как это сделали самураи с русскими моряками, нужны годы подготовки. Понятно,

что и далеко не все женщины чувствуют при этом настоящее унижение или испытывают какие-то неудобства. Но помимо профессиональных «моделей», которые таким образом зарабатывают на хлеб, есть и девушки, которым это просто нравится. Почему? В ответе на этот вопрос нет ничего нового: давно известно, что большинство женщин при грубом анализе можно разделить на два основных типа: женщин-дочерей и женщин-матерей. В интимной жизни первые подсознательно ищут в любовнике отца, который будет заботиться о ней, баловать и наказывать. Второй тип — женщины-матери, независимо от возраста воплощающие собой материнскую грудь, к которой готов припасть мужчина, в глубине своего «я» ощущающий себя ребенком. Если происходит несовпадение типов, к примеру, мужчина-ребенок живет с женщиной-дочерью, то последняя психологически готова к своей подчиненной роли в сексе, хотя и сама далеко не всегда знает об этом. Это сложнейшая и очень тяжело решаемая по причине глубокой интимности проблема, из-за которой распадается множество браков: женщине, может быть, и хотелось бы подчиниться, да некому. В Японии — есть кому, и существует немало мужчин, которые ищут таких женщин.

В Токио и других городах этой страны процветают клубы связывания, придя в которые (лучше по рекомендации) желающие за деньги могут сами научиться вязать хитроумные сексуальные узлы или пообщаться с девушкой, уже опутанной специальным образом и готовой оказать разного рода услуги прямо в таком виде. По мере того как продвигается феминизация японского общества, все большее число мужчин пытается найти для себя самые разные формы психической компенсации этого процесса, и кризис таким клубам в ближайшее время не грозит. Одновременно все большее количество женщин ищет различные способы раскрепощения и самоутверждения (в том числе через самоуничижение ради снятия психических оков), приходя подчас к самым неожиданным решениям. Вероятно, в этом кроется причина, по которой то, что европейцы все еще решительно относят к садомазохистским перверсиям, в Японии давно является лишь вариантом получения сексуального удовле-

творения, если угодно, способом успокоения. В европейской сексуальной традиции садомазохисты нередко видят свою цель в достижении критической точки боли, когда богатство сексуальных переживаний гарантируется форсированной выработкой в организме естественного наркотика — бета-эндорфина (не случайно в Средние века знахарки собирали специальную траву на местах казни — сопротивляющиеся организмы повешенных выбрасывали такое количество энергии, что казненные испытывали оргазм и эякуляцию). В Японии поклонники такого жесткого садомазо тоже есть — достаточно вспомнить нашумевший и бывший до последнего времени запрещенным фильм Осима Нагисы «Империя чувств», где герои ради бурного оргазма то и дело душат друг друга во время бесконечных половых актов, а на исходе сексуального марафона героиня отрезает любовнику гениталии. Но обычно и японцы, и неяпонцы связывают человека лишь для того, чтобы его раскрепостить, чтобы он (точнее, она) потерял контроль над собой и расслабился. Этой же цели служат и выполняемые попутно ласки, массаж, петтинг, а также дополнительные технические приспособления. Связанная «жертва» нередко подвешивается к потолку через систему блоков и полиспастов (в европейской традиции чаще растягивается на кровати, но это не дает такого ощущения «отрыва от реальности», как в случае с подвешиванием, полностью нейтрализующим партнершу).

Иногда такие люди находят друг друга в клубах любителей кимбаку, где могут встречаться наедине один мужчина и одна женщина, а может и одна профессионалка оказывать услуги целой группе клиентов. Самое интересное в этом то, что до сексуального контакта между мужчиной и женщиной дело доходит довольно редко — мужчине достаточно видеть женщину в веревках, осознавать, что цель достигнута, а все остальное — дело его собственных рук, что вообще характерно и для современных японских традиций, и для все более популярной в Европе японской линии БДСМ. Но чаще всего из-за того, что искусство кимбаку довольно сложное, к одному мастеру приходят и клиенты, и клиентки. На базе подобных клубов снимается множество эротических и пор-

нографических фильмов, показывающих секс или просто «мучения» связанных женщин. Большое количество ищущих адреналина любительниц гарантирует даже съемки беременных.

Обычных, или, как выражаются поклонники БДСМ, «ванильных», европейцев это неизменно потрясает — трудно увидеть прелесть в том, как подвешенную к потолку, перевязанную как сосиску девушку с заклеенным ртом стегают специальной плеткой, не оставляющей следов. Известная в России как «Дрянная девчонка» журналистка Дарья Асламова на себе испытала элементы кимбаку. Несмотря на то что ей казалось, что она была готова к испытанию, а жизненный и профессиональный опыт научил ее ничего не бояться, ее поверг в шок даже просмотр фотоальбома одного из токийских салонов: «Меня бросает в жар, когда я вижу молодых, причудливо связанных женщин, закапанных воском, с прищепками на груди, которых разнообразно насилуют. В некоторых из них я узнаю девушек, сидящих на полу. На фотографиях — молящие лица и губы в трагическом изломе. Рабы, опьяненные своим рабством, от души благодарные палачу за пытки»[74].

«Благодарных рабов» — девушек — сюда приходит действительно немало, они вообще в Японии раскрепощеннее мужчин. По крайней мере, их сексуальные интересы чаще имеют реалистическую направленность. Та же Асламова описывала разговор с любительницей кимбаку. На фоне бойфренда-некрофила ее увлечение связыванием и поркой выглядело поистине детскими шалостями, и, в отличие от его желаний, ее устремления реализовать было куда проще и безопаснее.

На самом же деле БДСМ, в том числе кимбаку, оказывается страшным и опасным только в случае, если им занимаются непрофессионально, бездумно, не понимая, что и для чего делают, если нарушают главные правила: например, связываемая жертва не должна действительно испытывать сильную боль, категорически недопустимы травмы, ничего нельзя делать против желания и т.д. При условии выполнения этих и других заповедей БДСМ перестает быть страшилкой и становится лишь весьма своеобразным видом сек-

суального удовлетворения, то есть тем, чем он и является в современной Японии.

На случай же, если японский мужчина хочет испытать элементы садомазохизма со своей женой или просто подругой, не заходя в клуб кимбаку, в японских магазинах (и далеко не только в секс-шопах, но и в обычных «универмагах»), а также в уличных автоматах можно легко купить наборы для связывания (около 5000 иен за штуку), в которых специальные конопляные веревки, не оставляющие следов, или цепи уже особым образом соединены, имитируя хитроумные узлы и не доставляя никаких дополнительных хлопот любовникам. Более современным и не менее популярным развитием этой темы являются также постоянно имеющиеся в ассортименте таких крупных сетевых универсальных магазинов, как, например, «Дон Кихот», обшитые розовой пушистой тканью наручники (специалисты не хвалят их, предпочитая настоящие) или кожаные кляпы в рот — спрос на подобную атрибутику все время растет. «Кто сказал, что мы ненормальные? — говорила девушка в салоне кимбаку. — О'кей, я садистка, но я никому не причиняю вреда. Я не тушу сигареты о мужчин — от этого остаются шрамы. Я люблю поджигать волосы на груди у партнера просто потому, что мне нравится запах паленых волос. Но после этого не остается следов»[75]. Главное правило — не мешать своими «извращениями» обществу — в Японии стараются выполнять неукоснительно.

Общественные связи

Если связывание или любовь к девушкам в форме — общепризнанные японские сексуальные ценности, то есть и почти неизвестные стороны жизни мужчин и женщин этой страны, которые по ряду причин ранее здесь никогда широко не практиковались, да и сейчас продолжают оставаться для многих значительно бóльшим извращением, чем вуайеризм или садомазохизм. Таков свинг — широко распространенная,

в отличие от Японии, в Америке и Европе практика обмена сексуальными партнерами.

Сложная система общественных и семейных отношений в средневековой Японии, сохранившая в своей структуре вплоть до наших дней своеобразные феодальные взгляды на семейные ценности в рамках «японского треугольника», до самого последнего времени не позволяла японцам даже вообразить, что у них когда-то появится такой сложный вариант удовлетворения изысканных сексуальных интересов, как свинг. Да и на Западе, откуда этот вид половой активности попал в Японию, он возник, судя по всему, относительно недавно — в середине XX века, на общей волне либерализации общественных ценностей и сексуальной революции. Не случайно среди японских свингеров сегодня немало иностранцев (есть даже русские, живущие в Японии). Это естественно: как и в любом деле, в свинге требуются наставники, уже опробовавшие новинку на себе и обладающие как теоретическими знаниями, так и практическими навыками. Скованным японцам, и сегодня еще с трудом ассимилирующимся за границей, сложно было бы приобрести эти знания и этот опыт без прибывающих в их страну значительно более раскрепощенных американцев и европейцев. Именно они рассказали гражданам Страны солнечного корня о новом способе снятия сексуального напряжения и, что особенно характерно для свинга, внесения свежей струи в семейные отношения. Дело в том, что для свинга наиболее характерна ситуация, когда в групповом сексе (а свинг — это специфический вариант группового секса) участвуют именно семейные пары, представители которых по обоюдному согласию обмениваются сексуальными партнерами в той или иной пропорции. Для японцев это оказалось не слишком актуально, так как в отличие от ориентированных на незыблемость семейных ценностей европейцев и особенно американцев, готовых на свинг только в составе «команды» — семейной пары, японские мужчины и женщины традиционно более свободны во взглядах именно на внесемейную половую жизнь. То есть если для американца или американки свинг сегодня может оказаться спо-

собом разнообразить свою сексуальную жизнь, не нарушая семейных уз (ведь партнер согласен и, как правило, участвует сам), то японцу проще, сохраняя вековые традиции, отправиться к проститутке или гейше или же выбрать какой-нибудь необычный клуб, исходя из своих тайных пристрастий и не ставя партнера в известность об этом. Однако внимание ко всему американскому здесь тоже традиционно, и свинг в Японии все-таки есть.

По свидетельству активных свингеров, это течение находится в Японии пока в зачаточном состоянии, не дотягивая до российского (весьма немалого), а тем более до американского размаха. Интересно, что о свинге в других азиатских странах — со сходной с Японией системой мироощущения и семейных ценностей — вообще почти ничего не известно. По этому поводу русско-японские свингеры шутят, что свинг в Азии развит только в двух странах — России и Японии и это может послужить основой для укрепления двусторонних взаимоотношений на приватном — семейном — уровне. При этом, как и целом ряде других случаев, в Японии такой вид сексуальной активности фактически находится под запретом: формально в этой стране «нельзя заниматься сексом и обнажать гениталии в любом публичном месте, пусть даже и в закрытом клубе», а для обозначения свинга в Японии употребляется другое слово — «сваппингу» (от *англ. swapping* — обмен). Точно так же, как и в других случаях, владельцы клубов, их посетители и власти находят компромисс, стараясь не докучать друг другу. Один из активистов движения выразился по этому поводу следующим образом: «Свинг-клубы в Японии — яркий пример философского подхода к жизни: знаем, что придет полиция, все закроет, все порушит, а что делать? Не бросать же свинг из-за этого!»[76]

Эти клубы («кафе для пар» — «каппуру-кисса») соблюдают элементарные нормы конспирации и открыты только для постоянных клиентов. Впрочем, стать таковым весьма просто, если знаешь, где расположен клуб, — достаточно прийти туда и заплатить членский взнос (от 7 до 10 тысяч иен). Обычно столько же стоит вечер в этом клубе для пары, да и почти любой вечер в другом секс-клубе или же час

встречи с проституткой в каком-нибудь среднем «массажном салоне»*. После этого вам выдадут членскую карту — карточку свингера. Впрочем, что это за карточка, знают только посвященные: для соблюдения конспирации она оформляется нейтрально — как талон на прием к зубному врачу или карточка видеосалона.

Как и большинство японских секс-клубов, каппуру-кисса обычно очень небольшие по площади и часто даже не имеют душа, так как располагаются в коммерческих зданиях, где души не предусматриваются при строительстве. Так же как и в других клубах, мебель обычно ограничивается очень скромными «кафешными» диванчиками без спинок, несколькими стульями или креслами, подушками для сидения на полу. Со времен Ёсивары в таких заведениях предусмотрено обеспечение «джентльменским набором»: презервативами, салфетками, пепельницами для курящих. В некоторых клубах, позиционирующихся как «универсальные», на потолке может быть крюк для тех, кто хочет разнообразить свои ощущения легкими садомазохистскими играми — связыванием и подвешиваниями.

Если в Европе и Америке распространен «квартирный свинг», когда пары приезжают друг к другу в гости, то в Японии в принципе не принято ходить в гости. Но «квартирный свинг» все же существует. Отличие в том, что используется квартира не реальной пары — участника событий, а арендованная, что лучше: больше удобств и есть душ. Для тех, кто пришел в клуб ради секса (а присутствовать, не участвуя в процессе, не принято), это важно: секс — занятие физическое, требующее потения и последующего восстановления чистоты и сил организма.

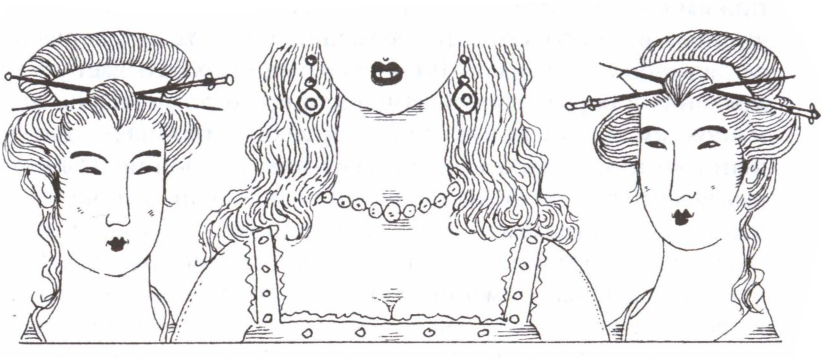
Говорят, что таких клубов в Токио всего-навсего около пятнадцати, в каждый приходит от 2–3 до 10–12 пар за вечер. Многие из таких пар смешанные, чаще всего американо-японские, знакомящиеся друг с другом по объявлениям в англоязычном еженедельнике *Tokyo Classified* или через один-два сайта в японском Интернете. Несмотря на малый

---

* Относительно стабильный курс иены к доллару составляет около 100 иен за 1 доллар США.

размах, у токийских свингеров есть свой рассылаемый по подписке гламурный журнал *Home Talk*, в котором в соответствии с общепринятой мировой практикой печатаются объявления от пар, большинство из которых среднего возраста и с достатком, статьи о свинге, многочисленные описания своего первого свинг-опыта, полезные советы, в том числе по лечению венерических заболеваний, и другие подобные сведения. Но этот журнал — пока единственный, и найти информацию о свинге в Японии еще непросто — возможно, это одно из самых редких сексуальных извращений в Стране солнечного корня.

Глава 8
Белоснежка и семь самураев



Мэрилин Монро и горячее сердце курсистки

Как в конкретном случае со свингом, так и в целом японская сексуальная культура продолжает испытывать на себе неослабевающее давление Запада, давление сексуальной революции. В данном контексте к Западу с чистой совестью можно причислить и Россию, тем более что именно интимные мечты и романтические грезы остались одними из немногих связующих нитей между нашими странами. Любовь к русским девушкам не позволяет японцам совсем забыть о России — не самой популярной сегодня стране на священной земле Аматэрасу.

Но тяга к русским является лишь частью новомодного увлечения японских мужчин — их внезапной, но всепоглощающей страсти к блондинкам. Многие девушки, европейки и американки, независимо от точного национального происхождения, а порой и от цвета волос, не раз испытывали на себе восхищенные взгляды токийских мужчин и сдавленные от экстатического восторга восклицания «Мэрилин Монро!».

Не важно, что внешностью вы на нее не очень похожи, а возрастом и тем более. Общая миловидность, желательно — светлые волосы, длинные прямые ноги, и все — вы красавица «номер один» японской электрички!

Надо иметь в виду, что точно так же, как европейцы без привычки с трудом различают азиатские лица, так и для японцев все европейцы и американцы кажутся на первый взгляд очень похожими*. В такой ситуации срабатывает установленный образ европейской девушки, хорошо знакомый и японцам, и даже нам по аниме: высокая, стройная, с длинными ногами, в короткой юбке, из-под которой постоянно выглядывает узкая белая полоска трусов, с упругим бюстом и огромными глазами, желательно синими, голубыми или зелеными. Это может показаться смешным, но многих европеек японцы видят именно такими героинями аниме, манга и, разумеется, хэнтай. Это очень привлекательное клише, и оно распространяется не менее, а даже более интенсивно, чем любой другой секс-символ современной Японии.

Естественно, что в условиях растущей интернационализации, бо́льших возможностей для выезда за рубеж и постоянно увеличивающегося притока иностранцев в Японию контакты между европейскими (будем включать в эту категорию и белых американок) женщинами и японскими мужчинами постоянно ширятся. Отдельно стоит отметить и то, что в Японии по-прежнему находится огромный контингент американских войск — десятки тысяч крепких, так не похожих на молодых японцев загорелых парней, в массе своей неженатых, не обремененных сложной японской моралью и не знающих, куда деть свою энергию во время увольнений. Японские женщины при этом также имеют свой клишированный образ европейского мужчины, только здесь наоборот — он строится на основе облика американского, голливудского героя, который оказывается так достижим

---

* Нельзя не вспомнить в связи с этим исторический анекдот о том, как на съемках фильма «Мимино» в гостинице «Россия» группа японцев, оказавшаяся в лифте вместе с актерами Фрунзиком Мкртчяном и Вахтангом Кикабидзе, обсуждала их внешность: «Посмотрите, эти русские все на одно лицо!»

в японской реальности. Японка, конечно же, не воскликнет при виде американского мужчины «Мэрилин Монро!», зато демократично-призывное «Вау! Ковбой!» нередко можно услышать на заполненных американскими морпехами и японскими девушками пляжах Йокосуки и Окинавы.

Если же объект интереса не военный, а гражданский специалист, например преподаватель английского языка, коих в Японии сейчас тоже немало, то он априори достоин воспевания японской женщиной. Японская пресса утверждает, что ни одно из многочисленных Обществ английского языка (Эйкайва), а их по всей стране тысячи, не обошла история любви японки и европейца. «Европейские мужчины обладают тонким и чутким сердцем, чего вы не встретите у японских парней. Когда женщина о чем-нибудь говорит, они внимательно слушают», — так охарактеризовала причины своей страсти одна из японок, влюбленная в своего преподавателя английского. При всей романтичности подобных настроений понятно, что нельзя полностью полагаться на сформированный кем-то образ и любить его, а не реального человека — это чревато негативными последствиями, когда по мере изучения языка и культуры приходит осознание разницы в мировосприятии возлюбленных. С целью предотвратить подобные инциденты многие курсы иностранных языков даже выпустили внутренние правила, определяющие границы общения между преподавателем и слушателями. Некоторые курсы открыто запретили преподавателям иметь контакты с учащимися вне занятий.

Первыми такое правило установили курсы иностранных языков *Nova* в Осаке, имеющие свои филиалы во всех регионах страны. Когда иностранцы подписывают трудовые соглашения с *Nova*, они обещают никогда не вступать в личные контакты с учащимися[77]. Но остановить крепнущие теплые чувства к иностранцам уже невозможно: Ассоциация юристов Осаки обратилась к курсам *Nova*, где преподают 6 тысяч иностранцев, с рекомендацией отменить этот пункт трудового соглашения, назвав его «чрезмерным и оскорбляющим общественную мораль и порядок». Большинство других курсов принимают более умеренные меры. Например, курсы *Geos* не разрешают преподавателям-ино-

странцам встречаться с учащимися только в том случае, если учащиеся младше их по возрасту. Курсы *Berlitz* советуют преподавателям не забывать об их «статусе старших», когда они входят в контакт с учащимися.

Создается полное впечатление, что курсисты и курсистки — японцы и японки — хотят следовать современным, прежде всего американским, понятиям свободы в вопросах любви и секса. Однако, судя по всему, это впечатление не полностью верно. Как часто бывает в Японии, в коллизию оказываются вовлечены скрытые экономические мотивы. «Истинная причина этих запретов заключается в том, что курсы не хотят, чтобы учащиеся брали дополнительные частные уроки у зарубежных преподавателей. Если иностранный язык начнут изучать при личном контакте с преподавателем, курсы от этого только проиграют и потерпят убытки, — считает сотрудник японского профсоюза, который представляет интересы большинства иностранцев, работающих в Японии. — Я думаю, что аргумент о предотвращении пикантных инцидентов приводится только для вида»[78].

Скорее всего, правы обе стороны. Во всяком случае, на форумах некоторых интернет-изданий, где обсуждалась тема знакомства белых гайдзинов с японками, были выведены краткие рекомендации для тех, кто хочет добиться успеха у японских женщин. Вот они, в отредактированном нами виде:

«Как легче всего познакомиться с японкой?

• Стать преподавателем английского языка в какой-нибудь языковой школе, где учатся японские девушки.

• Сказать, что вы джазовый музыкант. Лучше всего, если вы — черный.

• Сказать, что вы брат знаменитого голливудского актера или известный французский писатель (французскую прозу в Японии знают не очень хорошо, но каждой девушке известно, что писатели во Франции есть, и это "каваий", что в данном случае можно перевести как "гламурно").

• Внешне быть похожим на англичанина или ирландца (то есть быть высоким, худым и можно рыжим). Носить кроссовки огромного размера, длинные шорты, теплую куртку с капюшоном и большой рюкзак.

• Вести себя как джентльмен — в представлении японских красавиц.

Что нельзя говорить девушке ни в коем случае, если вы хотите ее очаровать.

• Нельзя говорить по-японски!

• Нельзя показывать интерес к японской культуре!

• Нельзя говорить, что вы из Восточной Европы! (Не все даже знают, где это.)

• Не следует одеваться как житель Советского Союза (или работник русского посольства): в двубортные костюмы коричневого цвета, короткие брюки, стоптанные ботинки и т. д.

• Нельзя быть националистом в японском понятии, то есть говорить, что Россия — великая страна, а русские — самые лучшие люди на всем свете!

• Ни в коем случае нельзя говорить, что Америка — плохая страна и угрожает Японии. Американцы — высшие существа для японцев, стоящие вне всякой критики, чего бы она ни касалась, а их голливудские звезды просто боги (см. выше)».

Так или иначе, но пока молодым преподавателям-иностранцам приходится делать строгое лицо, когда они замечают завороженный взгляд своих японских поклонниц. Полное расслабление возможно лишь в частной обстановке — на дискотеке или в баре, как правило, в таких районах, как токийский Роппонги. Там все, кажется, подчинено сексуальной интернационализации — мужчин и женщин со всех сторон света представлено в изобилии, общий язык — смесь японского с английским, обстановка копирует американские бары и дискотеки, и именно там европейцы и японки чувствуют себя наиболее комфортно. А русские девчонки «зажигают» там — в «Гаспаниках», «Уолл-стритах» и других «натанцованных» местечках — уже давно.

Блондинка за бугром

Европейские девушки оказались вполне приспособленными к настоящей японской обстановке — их можно встретить в любом районе Токио. Как правило, это так назы-

ваемые японские жены, то есть иностранные жены японских мужей, или хостесс — «хозяюшки» — закономерное искажение интернационализацией Японии многовековой традиции гейш. Часть из них русские, то есть гражданки России, но их значительно меньше, чем об этом принято думать среди японцев. Официальная статистика по данному вопросу крайне противоречива и входит в конфронтацию с полуофициальными сведениями и совсем уж неофициальными легендами и преданиями о начале «русского бума» в Японии. Понятно, что россиянки лишь подхватили пальму первенства в негласном соревновании по популярности среди белых женщин, которую много десятилетий удерживали американки и европейки. Не будем забывать, что тип девушки из аниме рожден именно Голливудом. Да и россиянок по-прежнему называют Мэрилин Монро, а не Катя Иванова.

Считается, что невест из Америки в Японию каждый год приезжает больше, чем откуда бы то ни было (азиатские страны не в счет). Каждый год приблизительно пятьсот японских мужчин становятся обладателями своей мечты — американки. Еще около двухсот человек осчастливливают англичанки, едут в Токио и немки, и француженки, и даже (очень медленно) шведки, финки и эстонки. Если верить статистике, их всех довольно много, но статистика очень противоречива и неоднозначна. Например, утверждается, что в 2003 году Японию посетили 112 невест из стран СНГ, то есть россиянки, белоруски, украинки, молдаванки, казашки, узбечки и другие представители женской половины народов большей части бывшего СССР. Японцы действительно считают всех их просто «русскими», добавляя нередко к этому списку гражданок Польши, Болгарии и Румынии. Понятно, что статистика, считающая всех скопом, не внушает доверия. Однако и официальных данных о русских невестах практически нет. Нам приходится довольствоваться результатами частной беседы большой давности (2003 года) с пожелавшим остаться неизвестным сотрудником российского посольства в Токио. Он сообщил тогда, что, по приблизительным подсчетам, на самом деле каждый год замуж за японцев выходит около 300 наших соотечественниц (именно гражданок России, а не

румынок и не узбечек), с постоянной тенденций к увеличению этого числа. Разница между приведенными цифрами и статистикой объясняется тем, что многие из невест приезжают в Японию как туристки, лишь на месте получая постоянную визу. Такие результаты гораздо больше походят на правду, потому что даже на глаз — русских жен в Японии все больше и больше.

Японский сексуальный фетиш — блондинка с огромными глазами и шикарной фигурой — образ, гораздо более распространенный в России, чем в Америке (да простят нас американки, но их легче опознать в Токио по одежде 64-го размера). Он сочетается с романистическим образом «тургеневской девушки» из русской литературы XIX века, о которой многие японцы слышали, даже если и не читали сами, этакой «Белоснежкой из Страны белых медведей», и удачно стыкуется со сведениями из японских средств массовой информации о крайне низком уровне жизни в России.

В Японии работают несколько десятков брачных агентств, специализирующихся на заключении браков с российскими невестами. Их специалисты считают, что японских женихов привлекает образ «белокурой, большеглазой, высокой красавицы, готовой слушаться мужа и жертвовать собой ради идеалов семьи». Из чувства политкорректности наши собеседники не стали называть еще одну причину — разницу в уровне жизни, позволяющую японцам ощущать себя настоящими мужчинами рядом с русскими девушками, которых эта же причина подталкивает в объятия новой, комфортной жизни.

Процедура знакомства достаточно проста и основана на доступе к Интернету. Любое из японских или российских брачных агентств готово подобрать жениху или невесте пару из нескольких десятков кандидатов на любой вкус и масштаб запросов. После первоначального отбора агентство обычно сначала организует телефонные переговоры кандидатов и кандидаток через переводчика, при желании жениха — доставку в Россию подарков потенциальной невесте. Если все складывается удачно, через несколько недель жених и сам может наведаться к девушке для личного знакомства с ней и с ее родителями. Если и тут все прошло как по маслу,

то теперь уже девушка может получить трехмесячную визу для выезда в Японию и осмотра будущего места жительства. Многие после этого в Россию возвращаются не через три месяца, а значительно позже, сразу приступив к налаживанию семейного быта с избранником. Весь процесс знакомства занимает от нескольких недель до года и отнимает у жениха около 3–4 миллионов иен (примерно 35 тысяч долларов). Деньги немалые, но может ли быть уверенным новоиспеченный супруг, что его вложения и время не будут потрачены впустую, и может ли невеста надеяться на то, что Япония станет ее второй родиной, а дом мужа — родным домом?

Основываясь на почти десятилетнем опыте изучения российско-японских браков, мы можем сказать, что такой уверенности изначально нет ни у кого — жизнь непредсказуема, и судьба может оказаться благосклонна и равнодушна к вам с одинаковой вероятностью. Но все же некоторые закономерности развития ситуации существуют. Чтобы понять их, надо точнее представлять отношение японских мужчин к браку с русской девушкой и причины, побуждающие русских уехать в Японию.

Даже самые корректные японские исследователи вынуждены признать, что в стремлении обладать «невестой-Белоснежкой» многими японскими мужчинами движет не сознательное желание выбрать подругу жизни, а привычка следовать моде, в том числе интимного характера. В этой связи можно упомянуть ныне уже не существующий, но бывший когда-то весьма популярным чат «Кимпацу дайски!» («Обожаю блондинок!»), на котором некоторые японские мужья и просто виртуальные фантазеры оставляли свои интимные откровения по поводу белокурых красавиц, по свидетельству самих авторов, нередко безбожно привирая и раздувая свои возможности — это модно. Уникальное соотношение «цена — качество» заставляет часть японских мужчин смотреть на русских невест как на товар интимного предназначения. Сходство подсознательно усиливает сам способ знакомства, до боли напоминающий процедуру покупки товара в интернет-магазине.

Передаваемый опыт и упоминавшийся образ русской жены как «добродушной и покорной красавицы» заставляют некоторых обратившихся к этой теме женихов заранее планировать свой брак как приобретение экзотической домработницы или сестры-сиделки по уходу за престарелыми родителями. Немало подобных примеров известно и японским и российским исследователям, и они стараются предупредить об этом соискательниц, но, к сожалению, не всегда это удается. Для таких мужей оказывается естественным следование уже принятому образу: подчеркнуто уважительное отношение на публике и даже хвастовство перед коллегами (как дорогой безделицей) может сменяться хозяйским помыканием дома*.

Особенно характерны такие примеры для старшей возрастной категории японцев — для тех, кому за 50. Можно сказать, что это критический для брака возраст японского мужчины. Если обремененные тяжким трудом на фирме и накоплением денег на жилье японцы до 50 лет мало обращают внимания на свою личную жизнь и не успевают жениться на соотечественницах, им вряд ли приходится рассчитывать на их благосклонность ближе к пенсии. Зато к этому времени обычно удается решить финансовые проблемы, и начинает казаться, что и с семейными получится справиться: при помощи денег — не дома, так за границей... Среди самых сексуально озабоченных мужчин Японии немало сотрудников фирм, вступающих в предпенсионный возраст. Это они лихорадочно листают порнокомиксы, составляют значительную часть покупателей в секс-шопах, становятся спонсорами эндзё косай, и они едут за невестами в холодную Россию, стараясь выбрать соответствующую образу — до 25 лет и с теми показателями, которые мы уже неоднократно упоминали. При этом, естественно,

---

* Побеги русских жен в результате такого обращения или в связи с тем, что девушка хочет вернуться, но муж ее не отпускает, происходят с завидной регулярностью. Известно, что даже некоторые российские компании, работающие в Японии, помогают таким невестам выбраться из страны, ссужая деньги или оказывая помощь в приобретении билета в Россию.

многие из таких женихов оказываются несостоятельны как мужчины. Они замещают обычный секс различными японскими «примочками» — от виртуальных откровений до посещений клубов кимбаку — это естественный процесс, если и не норма, то не очень большое отклонение от нее. Женившись на европейках, особенно на русских, такие мужья делают то, что делали всю свою сознательную жизнь: работают днем и напиваются вечером — по-другому они себя вести просто не умеют.

Русские же девушки, не привыкшие к такому обращению, вернее, к его полному отсутствию, пополняют нашу колонию в Японии, ходят на полуформальное собрание молодежной части русской диаспоры в Токио — в Русский клуб, чья репутация от этого становится все более определенного характера, скучают и развлекают себя сами. Среди самых распространенных развлечений — любовники: русские, японцы, американцы, пакистанцы, иногда африканцы, китайцы и тайваньцы. Это тоже естественно: у многих девушек, вышедших замуж по расчету (а описанный случай относится именно к такой категории), сексуальная неудовлетворенность, ставшая следствием неудовлетворенности моральной, женской, семейной, — обычное дело.

Объяснять японцам, что лучшая невеста для 55-летнего мужчины не вчерашняя студентка, а женщина, более близкая ему по возрасту, так же бесполезно, как просить камень самостоятельно откатиться с дороги. И наоборот: мало кто из тех русских девушек, которые на родной кухне жалуются на жизнь в Японии, отважится «на камеру» рассказать правду о встреченных проблемах. Слишком непросто бывает попасть в эту страну, слишком неоднозначное отношение к эмигранткам на родине, и уж совсем не хочется возвращаться в грязь, нищету и неустроенность российских дворов. Лучше уж потихоньку в одной из самых благополучных и красивых стран мира...

Опыт браков удачных и даже счастливых, а такие тоже есть, говорит о том, что для полной гармонии в интернациональной семье, в том числе для гармонии сексуальной, между мужем и женой не должно быть заметной разницы в возрасте (нормальный интервал — 5–15 лет), и очень желательно,

чтобы один из супругов эмоционально, по складу характера и по мироощущению укладывался бы в рамки не своей, а противоположной цивилизации. Русской будет значительно легче найти общий язык с японцем, если он не очень походит на японца по своему менталитету. Или наоборот — девушка должна быть не совсем русской по своему мировосприятию. Тогда у жены появляется реальный шанс понять своего мужа. Речь не идет о языковом барьере — практически все русские жены говорят по-японски. Но многие местные мужья со своими женами почти не разговаривают — таков их менталитет, такова традиция, воспетая когда-то Ямамото, а уже в наши дни Мисимой: «Идеал любви — тайная любовь. Высказанная любовь теряет свои достоинства». Одна наша знакомая, специалист по японской культуре, вполне счастлива в браке с мужем-японцем (и даже есть общий ребенок). У них совсем небольшая разница в возрасте, а его молчаливость ее завораживает: «Он так меня любит! Это же сразу видно — он все время молчит. Кажется, вообще меня не замечает. Только глаза как щелки и губы толстые сжаты: сразу видно — любит». При таком подходе, судя по проведенным среди русских девушек опросам, и сексуальных проблем практически не возникает — эротическая культура оказывается прочно инкорпорирована в культуру национальную и естественным образом воспринимается как ее часть.

Впрочем, думать, что сексуальные или иные проблемы возникают только по вине японских мужей, было бы огромной ошибкой. Да, русских невест могут поджидать в браке разнообразные неприятности, начиная от банального обмана агентством и попыток продажи в сексуальное рабство (таких случаев все больше и больше) и заканчивая элементарным «несхождением характеров» — классической причиной распада далеко не только интернациональных браков по всему миру. Но и японцы рискуют: немало доверчивых женихов были обмануты своими невестами, едва сошедшими с трапа самолета. Дело в том, что брак для некоторых из них — самый дешевый и удобный способ попасть в Японию на заработки, чаще всего в качестве хостесс.

Открывайте — «хозяйка» пришла!

Хостесс — самое скандально известное для граждан постсоветского пространства понятие из области жизни современной Японии, возникшее по причине слабой информированности о реалиях этой страны. Как и их прообраз, гейши, хостесс (а заодно и все русские жены японских мужей) отчетливо ассоциируются в России с проститутками. Особую ненависть эта профессия вызывает почему-то у части отечественных японоведов и дипломатов, но этот вопрос не имеет прямого отношения к теме книги, а потому оставим его в стороне.

Заинтригованные многочисленными рассказами о «русских проститутках», якобы заполонивших японские притоны и методично роняющих там имидж России, я несколько раз отправлялся с друзьями на поиски этих проституток — очень хотелось увидеть их «живьем», чтобы убедиться в том, что они вообще существуют. Дело в том, что расспросы «крышующих» квартал Кабуки-тё в Синдзюку мафиози очень скоро заставили меня усомниться не только в реальности существования какой-то организованной русской проституции, но и вообще в том, что русские девушки на такое способны в массовом порядке. Понимая, что наши японские знакомые из уважения к нам могут излишне корректно отозваться о находящемся в их ведении женском бизнесе, мы отправились в пригороды — Кавасаки и Иокогаму, чтобы уже частным образом найти там русских проституток. Возможно, этот способ покажется кому-то наивным, но мы поступили именно так: подходили к ярко освещенным стеклянным витринам, за которыми сидели одетые в откровенные купальники китаянки, «рассортированные» по сексуальным пристрастиям — с большим бюстом, брюнетки, крашенные в рыжий цвет, в возрасте, «лолитки» и прочие сексуальные приманки, — и, вызвав одну из них, запрашивали себе русскую. В двух местах — один раз в Иокогаме и один раз в Кавасаки — нам повезло: девушки сказали, что у них есть русские «сотрудницы», и попытались их вызвать. Представшие в конце концов перед нашими истомленными очами

девушки оказались: одна — обесцвеченной филиппинкой, одна — полячкой. Вполне возможно, что русские проститутки в Японии все-таки есть. Однако теперь мы смеем утверждать, что явление это отнюдь не массовое, а скорее, наоборот, единичное и редкое.

О ком же в таком случае с возмущением говорят «официальные» русские? Да все о тех же хостесс — девушках из хостесс-баров, обязанности которых состоят в посильном развлечении клиента с целью «раскрутить» его на выпивку и на регулярное посещение бара, а в свободное время на дополнительные подарки и материальное вспомоществование его «возлюбленной» — хостесс.

Считается, что первые русские хостесс появились в Японии году в 1991-м, когда в районе Роппонги открылся бар «Тамбурин». Его хозяин рассказывал, что первопроходицами стали семь бывших гимнасток и танцовщиц (поговаривают, что этой профессией подрабатывали и некоторые балерины из Большого театра). Загадочные женщины из страшного Советского Союза пользовались огромной популярностью, и, по меткому выражению русского журналиста Сергея Бунина, жившего тогда в Токио, «на них ходили смотреть, как на живые полотна». Общая японская нелюбовь к России, казалось, совершенно не распространялась на русских красавиц, завораживавших сердца японских клерков, и громадный спрос повлек за собой соответствующее предложение. Сегодня в редком японском городе нет хостесс-бара с русскими девушками. Справедливости ради надо отметить, что, как и в случае с русскими женами, значительная часть «русских» хостесс — представительницы ближнего зарубежья России. Гостей с Украины так много, что в замечательной повести Вадима Смоленского «Киевское Динамо», посвященной проблеме хостесс, есть такая фраза: «Скоро на Украине не останется ни одной девушки, которая не побывала бы в Японии». Большинство зачинальщиц дела хостесс из Японии давно уехали — кто в Америку или Австралию, кто домой. Некоторые из них время от времени возвращаются в Токио — у них остались связи и японский язык.

Работа хостесс незамысловата, но требует элементарного умения общаться с людьми и минимального дара психолога.

Вот как сами хостесс описывают свои главные задачи: «Если хочешь хорошо заработать, сверх контрактных и при этом минуя постель, самое сложное — лавировать между клиентами, чувствовать грань, держать дистанцию, — говорит Алена Ш., которая вышла замуж за бывшего клиента, японца, и живет в Токио с ним и с ребенком от первого брака. — Если у тебя приличные внешние данные, то тебя приглашают за столики наперебой. Чем больше "риквестов" — приглашений, — тем больше премия в конце месяца. Где "риквесты", там и "дринки": клиенту виски, себе сок. С "дринков" тоже идет навар. Один "дринк" — 500 иен (четыре с половиной доллара). Один "риквест" — 2000. Но этим дело не ограничивается. В клубах действует еще система зарабатывания очков, "дохан". Очки начисляются за каждый повторный приход "твоего" клиента в клуб. "Дохан" — это своего рода план, и если он не выполняется, то следуют штрафы. А перевыполняется — премии. Так что часто приходится упрашивать клиента прийти снова в клуб. А тот после этого считает, что ты ему обязана. Начинаются приглашения на море, в горы, подарки — от часов и музыкальных центров до драгоценностей и автомобилей... Крутить амуры можно одновременно со многими, но рано или поздно наступает та самая грань, которую так важно не перейти. <...>

Существуют и правила трудовой этики, весьма, впрочем, незамысловатые: при себе нужно иметь сумочку, в которой обязательно должны быть визитка с клубным именем, платок, ручка и зажигалка; юбка должна быть как можно короче, а каблуки — как можно выше, никаких свитеров и джинсов; за столиками с подружками не переговариваться; жвачку не жевать; при появлении новых посетителей хором приветствовать вошедших "Иррассяимасэ!" — "Добро пожаловать!"; своих гостей провожать до выхода и, кланяясь, благодарить: "Домо аригато годзаимасу!"»[79]

«Не перейти грань» — самое сложное в работе хостесс. За это их ненавидят и презирают те, кто не верит, что грань можно не переходить. На самом же деле, помимо нравственных устоев, переступать черту ни в коем случае нельзя исходя из соображений бизнеса. Если клиент начал ухаживать за хостесс, принялся дарить ей вещи и давать деньги, значит,

он включился в сложную игру подарков, где его роль имеет мазохистский оттенок. Клиент прекрасно понимает, что из него, словно насосом, выкачивают деньги, но это доставляет ему удовольствие, почти сексуальное наслаждение. Ведь чем больше девушка отказывает ему в близости, не порывая полностью контакт с ним, тем больше она зависит от него, оставаясь при этом все такой же возвышенной и недоступной! Они нужны друг другу, и в их обоюдных интересах как можно дольше тянуть эту игру. Основная инициатива при этом исходит от партнерши. Если девушка скажет клиенту «да», наиболее вероятными становятся два варианта развития событий. Первый — оптимистичный: они просто полюбили друг друга и все их дальнейшие отношения будут строиться, исходя из этого. Бывает, что хостесс и клиент становятся женой и мужем, и мы знаем такие по-настоящему счастливые семейные пары. Если же любви не было, вся сложная система взаимоотношений «хостесс — клиент» рушится, и реализуется второй вариант: он, подвыпив, рассказывает друзьям, что она проститутка, и ей приходится либо уходить из этого бара, либо уступать и дальше... Такое не устроит ни ее, ни хозяев бара, не желающих терять деньги и осложнять отношения с полицией. Бывают и срывы: известны случаи, когда клиенты не выдерживали игры, теряли разум от ревности, насиловали и даже убивали девушек.

Хостесс или танцовщица может отказаться от свиданий и бонусов, сославшись на условия контракта. Тогда она будет зарабатывать от 600 до 1000 долларов в месяц, в зависимости от своих профессиональных навыков и условий договора, но тех, кто приехал в Японию за большими деньгами — 20–30 тысяч долларов за полгода работы, — всегда больше. Жить в таком напряжении невыносимо тяжело, если думать хотя бы о чем-то кроме денег. Но с деньгами в России хуже, чем в Японии, и большинство девушек считают, что готовы ради них на все. Многие хостесс выходят замуж за японцев. Некоторые из них — формально. Бывало, что, приходя в консульство РФ в Японии за получением «Справки об отсутствии препятствий к заключению брака», они были не в состоянии вспомнить фамилии своих «избранников». Но им и не надо, их все устраивает: Япония — великая страна, здесь уютно

и комфортно жить, если, кроме денег и спокойствия, ничего не требуется. Этим девушкам повезло — они нашли для себя земной рай, а что касается сексуальной жизни, то они строят ее по своему усмотрению, точно так же, как их мужья продолжают следовать своим устоявшимся традициям. Ничего личного — только бизнес! Те же, кто так и не смог привыкнуть к такому способу существования, пишут вот такие письма (орфография автора сохранена):

«Здравствуй Мама! Сегодня 5.9.05* — это у нас, там, где я стою в Японии, за кулисами у самого Дракона. Здесь всё в этом мире перевернуто и не так, как у нас на Земле. А у Вас сегодня — это просто 5 сентября 1993 г.

...Мама, мы всякое видали, но такой молодежи, как в Японии — этого еще не видывали ни звёзды небесные, ни звёзды морские! Детишки здешние, лет с 14 уже гомосексуалисты или лесби, смотря по полу. Виски пьют — курят, на мотоциклах по ночам. Гульбища такие строят, что вся японская полиция не в силах одолеть это дикое побоище...

В 40 лет женщина здесь никто, ничто и звать ее никак. Ну да, плавает на поверхности пару Акул, это сотрудницы фирм, телекомпаний, прессы и религиозных обществ. В низах — тьма в сердцах людских и тьма в бытие человеческом. Ах, мама, ну их всех на..., зае...сь я стоять промеж них и кровью своей разрежать и освежать, освящать и благословлять...

Это не та Япония, где стоит наше Посольство, это совсем иная Япония, где стоит возле моего дома храм синтоический. Храм буддизма, пару кладбищ и горы, горы, горы покрытые зеленью, а выше Небо. Ну да, оно красивое, голубого цвета. А на небе Солнце. Но все это Чужое. Воздух здесь чужой, речь чужая и я мама, если умру, то мне будет легче, ибо жить промеж... этих у меня нет более ни сил, ни желания, ни воли в груди.

...Ах, мама! Пусть бы я лучше тихо сидела где-то в Шепетовке, чем в угоду ихнему императору стою на этих островах... Ах, мама...»

---

* По японскому летосчислению — Пятый год эпохи Хэйсэй; соответствует 1993 году.

Письмецо как с фронта, на одном листке, сложенном треугольником, без конверта. Адрес: «Дипкорпус России в Токио». Подпись: «Надя из Нагоя»[80].

Правило бонсай

Есть в российско-японских семейных отношениях и еще один аспект, о котором пока почти так же мало известно, как, например, о японском свинге. Начать рассказ о нем мы решили с констатации банального факта: не только русские девушки выходят замуж за японцев, но и русские парни, хотя и совсем не так часто, женятся на японках. Занимаясь изучением этого вопроса, мы выяснили, что большинство русских мужчин разделились на две группы в зависимости от своих сексуальных предпочтений. К первой, более многочисленной, относятся те, кого не прельщают интимные контакты с японками. Основная мотивация поведения этой группы: «С японками скучно. Разговоры все примитивные, о шмотках да о жратве»*. Вторая, менее многочисленная, но более сплоченная группа, наоборот, избегает интимной близости с русскими девушками: «Зачем? Чего-то говорить все время, ублажать. Да и потом "сервис" не тот». При более глубоком проникновении в проблему выяснилось, что у представителей каждой группы либо вообще не было сексуального контакта с отвергаемой категорией и им просто страшно оказаться в незнакомой ситуации после того, как все идет по привычному руслу. Либо же такой контакт имел место, но он был не первым и не самым удачным, а человек естественным образом тянется к лучшему и не спешит дважды наступать на одни и те же грабли. При этом представители первой группы (нелюбители японок) чаще всего живут в Японии с русскими женами или подругами и не испытывают благодаря этому сексуального голода. Вторые чаще всего «хронические холо-

* Многие при этом ориентируются на интеллектуальный уровень русских девушек прошлых лет и искренне изумляются, встречая поклонниц передач типа «Дом-2» или «Блондинка в шоколаде».

стяки» или «сексуально активная фракция» русской диаспоры в Японии.

Представитель как раз второй группы (русский, женат на русской женщине, активный свингер), узнав о наших исследованиях, авторитетно заявил: «Все это ерунда. Пока вы спорите, настоящие мужики не делят, а объединяют. Мы занимаемся делом — на обоих фронтах». Несмотря на юмор, прозвучавший в его заявлении, оно оказалось основанным на довольно стройной теории, с которой мы познакомились позже и приверженцами которой являются и некоторые русские, и некоторые японцы. Основа этой концепции зиждется на глубоких процессах интернационализации и глобализации, развивающихся в современной Японии; она использует чувство страха японцев перед постоянно растущей демографической проблемой и искреннее переживание за Японию со стороны части русских, давно живущих в этой стране. Некоторые нестандартно мыслящие межкультурные коммуникаторы видят выход из сложной демографической ситуации в реализации принципа бонсай, когда к одному дереву можно безболезненно привить другое, например к сосне — березу, и получить в результате новое необычное растение, обладающее качествами обоих предков.

Вот как звучит суть проблемы и принципа бонсай применительно к семейным союзам между русскими и японцами в изложении, хотя и несколько претенциозном, японского героя новеллы Игоря Курая «Бонсай»: «Судьба нашей нации, японцев, до последнего времени была относительно благоприятна — в основном за счет нашей обособленности. Много веков мы жили в изоляции от других народов и культур. Мы выработали свои уникальные традиции и обычаи, сформировали свой генотип, который оказался вполне жизнеспособен. Но лишь до того момента, пока мы не попытались навязать свой стиль жизни и образ мышления другим цивилизациям. Мы проиграли Вторую мировую войну, затем на некоторое время выиграли в конкурентной борьбе с Западом, но наши резервы исчерпаны.

Японцы утратили пассионарность, как выражался ваш Лев Гумилев. Уже сейчас мы вошли в фазу безнадежной депрессии. Еще немного, и Япония стремительно покатится вниз.

Вы видите нашу молодежь? Слабые, изнеженные создания, взращенные на американском фастфуде и отвратительной отечественной "попсе". По своим антропологическим данным японцы и раньше отставали, но зато были сильны духом. Знаете ли вы, что корни зубов у японцев вдвое короче, чем у любой другой нации — европейцев, индийцев, китайцев? Знаете ли вы, что костяк у японцев намного слабее? Все это плоды многовековой естественной селекции — питания, образа жизни. Дефицит кальция...

Зато корни нашей цивилизации всегда были глубоки и крепки. Сегодня рацион изменился, но изменить генетический код не так-то легко, при том что изменилась до неузнаваемости вся наша культура. Национальная сущность, дух нации, *ямато дамасий,* выхолощен, его более не существует. Молодые люди больше не интересуются ни нашим самурайским прошлым, ни шедеврами классической литературы, ни театром Но, ни музыкой гагаку. За редкими исключениями они увлекаются в основном бейсболом, пивом, безопасным сексом, американским роком и отечественными компьютерами. Нынешние японцы, так сказать, не конкурентоспособны в эпоху глобализации — у них нет стержня, нет воли к победе, нет ничего, кроме привычки к механическому труду и механическому потреблению. Они погрязли в бытовом комфорте, разучились принимать решения... У японцев нет шанса на выживание в двадцать первом веке — во всяком случае, в качестве великой державы...

...Моим соотечественникам я предложил "улучшить породу", внести в вены нации струю свежей высококачественной крови. В некотором роде демографическая революция, которая стала возможна как раз благодаря кризису в России. Многие японские мужчины охотно спят с филиппинками, малайзийками, таиландками, китаянками. Некоторые и женятся на азиатках. Наш демографический фон постепенно меняется. Но разве не лучше пассионарные красавицы, в жилах которых течет славянская кровь, веками смешивавшаяся с кровью самых жизнеспособных азиатских этносов? Русские только в двадцатом веке пережили несколько волн геноцида, после которых любой другой народ наверняка исчез бы с лица земли. А они остались! Причем

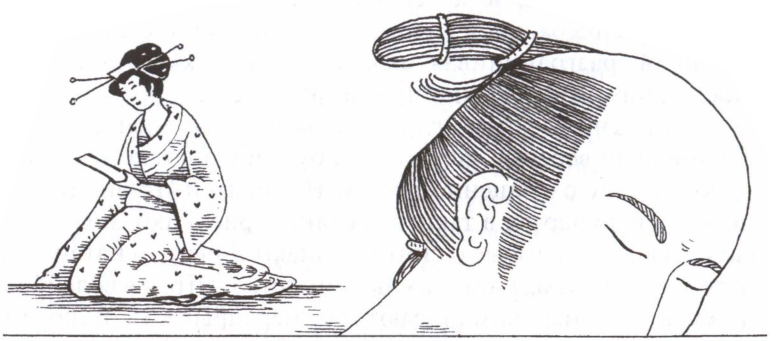
с каждой новой волной страшных испытаний в каждом новом поколении крепла иммунная система народа в целом и каждого рода, каждой семьи в частности. Это совершенно очевидно — закон естественного отбора. Хотя сегодня генофонд России под угрозой, пока что у русских женщин сопротивляемость организма гораздо выше, чем в любой другой стране.

Между тем у японцев иммунная система расшатана, сопротивляемость низкая и продолжает стремительно падать. Что делают ботаники, чтобы поддержать какую-нибудь агрокультуру, например виноград, в суровых климатических условиях? Прививают к обычным сортам морозоустойчивые разновидности, верно? Что же мешает применить тот же метод к человеку, к обществу? Ничего не мешает, ровным счетом ничего! Такая прививка возможна и, на мой взгляд, необходима для обеих сторон. Это и есть наш шанс на выживание в двадцать первом веке.

...С помощью русских партнеров мы набираем девушек в России — и заметьте, желающих очень много. Мы обеспечиваем им визы, переправляем в больших количествах в Японию, более или менее равномерно распределяем по городам и регионам. Конечно, никто не может им гарантировать быстрого замужества, но они получают возможность жить, работать, зарабатывать деньги. Допустим, пока собственным телом. Есть вакансии в барах, ночных клубах, курортных отелях. Это шанс на выживание и продление рода. При желании каждая может со временем спокойно родить ребенка, зная, что получит определенную государственную субсидию. Для русских женщин, у которых в собственной стране нет будущего, перспектива вполне недурная. Может быть, вскоре нам удастся наладить поток женской иммиграции из России, которая изменит демографическую ситуацию в Японии. И тогда наша нация будет спасена!»[81]

От себя можем добавить только следующее: авторам такая постановка вопроса не близка, но не признать ее существование в Японии мы не можем.

Глава 9
Страна сексуального блефа



Прыгая через веревочку

Итак, за тысячу с лишним лет развития японской сексуальной культуры она стала одним из самых удивительных феноменов в этой области человеческой жизнедеятельности. Как и многие другие сферы японской жизни, сексуальная культура этого народа смогла сохранить очень древние синтоистские традиции, впитать в себя экзотические буддийские нововведения, усложнить все конфуцианской этикой и подвергнуть получившееся суровому анализу при осуществлении вестернизации. Японский взгляд на соблюдение правовых норм позволил сохранить сюнга, совместное купание в банях и проституцию даже после многократного их запрещения как своими, так и оккупационными властями. Тройственная система удовлетворения мужского влечения к женщине («жена — проститутка — гейша») никуда при этом не делась, и все запреты свелись к тому, что японцы начали очень стесняться говорить о своей сексуальной культуре — как иностранцам, так и самим себе. Стало ли от этого меньше проблем? Нам представляется,

что их стало больше. В ряде случаев они решаются просто и иногда даже смешно. Если проституция запрещена, то «массажные салоны» — нет. Мужчинам и женщинам нельзя вместе купаться в горячих источниках онсэнах, но если очень хочется и никто не видит, то можно. Но даже если и видят, то кое-где нашлось такое решение проблемы: открытый бассейн с горячей минеральной водой делится пополам соломенной веревкой, разграничивая мужскую и женскую половины. После этого ванну можно принимать вместе, достаточно не заходить на чужую сторону. Разглядывать — не воспрещается. Соломенная веревка, кстати, атрибут синтоистского культа, напоминание о священном союзе Идзанаги и Идзанами. Но кое-где на курортах в такие бассейны приезжают американские солдаты, которые о синто не знают ничего, а натянутая веревка только разжигает их любопытство. Играя в волейбол, они как бы ненароком стараются ее перепрыгнуть. Впрочем, японкам это, кажется, нравится еще больше...

Загадочные японские женщины по-прежнему хладнокровно борются с проблемами интимного характера. Вслед за американскими феминистками они взялись бороться против «сэкухара» — сексуальных домогательств на работе, а пуще того — в общественном транспорте. Есть вокзалы, где уже ходят специальные поезда, последние два-три вагона в которых отведены только для женщин. Даже на эту часть платформы японскому мужику не проникнуть — она охраняется... другими мужчинами — в форме и со свистком. Женщин можно понять — маньяки, воображающие себя осьминогами, в японском общественном транспорте отнюдь не редкость. Полновластные хозяйки дома, японки рано утром отправляют мужей на работу, отсчитав им деньги на вечернюю выпивку, детей — в школу, а сами в переполненных электричках торопятся на свою службу. В страшной давке их щупают, залезают туда, куда вход воспрещен, и вообще всячески досаждают. Японкам это не нравится, и вагоны «только для женщин» — один из выходов из этой ситуации. Другой выход — методом «выпускания пара» — показан в известном фильме «Шокирующая Азия»: в публичном доме оборудован специальный кабинет, стилизованный под вагон общественного транспорта. Проститутка изображает из себя жертву,

маньяк — маньяка. Очень похоже на действительность, только в вагоне никого, кроме них, нет, и все можно.

На работе японкам тоже не всегда удается отстоять свои права. Есть даже профессии «повышенного сексуального риска», например гиды туристических автобусов. В Японии этих миловидных девушек в униформе (!), в круглых шапочках, напоминающих бескозырки, и с палочкой-маячком в руке чаще называют стюардессами. Внутренний туризм в Японии развит значительно лучше, чем выездной. Можете представить, что это значит, если видели, сколько японцев путешествует по миру. По самой Японии — во много раз больше. На всех японских дорогах, во всех туристических автобусах есть такие стюардессы. Они предлагают туристам напитки, горячие полотенца, ухаживают за немощными, но любопытными пенсионерами (они составляют значительную часть туристов), рассказывают о достопримечательностях и даже поют песни. Негласно профессиональной болезнью стюардесс называют... беременность. Дело в том, что по традиции многие японские мужчины чувствуют себя «обязанными» пошалить во время отпуска, даже если это всего лишь уик-энд на горячих источниках неподалеку от Токио. Что-то вроде обязательных танцев голыми при луне из бессмертного романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок» — понимают, что это уже не очень хорошо, но удержаться не могут*. Такие туристические группы обычно останавливаются на ночлег в гостиницах в японском стиле — рёканах, где спят на татамированном полу по нескольку человек — и мужчины, и женщины в одной большой комнате. Такова традиция, а ее продолжением может стать повязывание мужчиной на голову небольшого платка, который, все по той же традиции, делает его «невидимым», после чего он может со спокойной совестью приставать к женщинам, спящим в одном помещении с ним, в том числе и к стюардессам. Для японских мужчин

---

* Борис Пильняк вспоминал: «...Со мною был такой случай; собираясь путешествовать в горы, в добродушии сердечном, я пригласил с собою одну мою японскую приятельницу, — и на другой день, через переводчика, она передала мне, что она согласна поехать со мной в качестве моей любовницы».

это что-то вроде своеобразного «прыжка через соломенную веревку».

Интересно, что при всем этом уровень изнасилований в Японии очень низкий. О всякого рода извращенцах — вуайеристах, эксгибиционистах, трансвеститах и прочих — японская пресса пишет постоянно, объединяя их общим термином «тикан» — маньяк, а вот изнасилование — событие! На входах в некоторые японские парки установлены предупреждающие указатели «Осторожно — маньяки!», но изнасилование — действительно чрезвычайное происшествие! Скорее всего, японские женщины, все еще помнящие традиции сексуальной покорности и боящиеся осуждения обществом, стараются пореже сообщать о своих проблемах, тем более что для некоторых, как для тех же стюардесс, это стало чем-то вроде «профессионального риска». Кстати, о ночевках в рёканах и о сексе в онсэнах снимаются даже полнометражные порнофильмы, сюжетами которых служат жизненные приключения, и бывает, что женские роли в них исполняют... стюардессы.

Но в заграничных командировках «прыжки» у японских мужчин, конечно, повыше и приключения позабористей. Активность японских туристов в секс-турах в Юго-Восточной Азии достигла таких размеров, что в 2006 году газета «Майнити» опубликовала статью под заголовком «Публичные дома в Таиланде процветают за счет японских клиентов». Речь в ней идет о том, что организованные из Японии секс-туры основательно поддерживают публичные дома Юго-Восточной Азии, а в токийских книжных магазинах мгновенно раскупаются огромные тиражи путеводителей по борделям Бангкока. Более того, в прошлом году в Таиланде на японском языке тиражом в 8 тысяч экземпляров начал издаваться предназначенный для японских мужчин ежемесячный журнал под названием «Дневник госпожи G.», содержание которого сводится к подробному описанию «веселых кварталов» этой сексуальной столицы Юго-Восточной Азии, сведениям о борделях, рекламе «массажных салонов» и всяческих необычных заведений вроде салонов трансвеститов. Ныне этот журнал продается в 500 книжных магазинах Японии (цена за экземпляр стандартная — 680 иен), и в нем

появились рассказы побывавших в Таиланде туристов, их сексуальные истории и приключения, значительная часть которых, судя по нюансам, является плодом фантазии. Издатели журнала признаются, что хотели сделать его ежемесячником, пишущим о путешествиях, но скоро стало ясно, что финансовый успех лежит в иной плоскости. Восьми тысяч экземпляров уже не хватает, и это неудивительно — ежегодно в Таиланд приезжают более миллиона отдыхающих из Японии. Большая часть из них мужчины, готовые «перепрыгнуть веревку», изможденные работой и регламентированной жизнью в своей стране, где при всем богатстве «сексуальных клапанов» им все же не хватает свободы. Особенно интересно, что при всем этом таиландские, вьетнамские, китайские, корейские, филиппинские и даже русские проститутки нередко называют попавших к ним в руки японских туристов лучшими клиентами — по счетам платят, а вот в состоянии воспользоваться оплаченными услугами оказываются способны не всегда. Срабатывает домашняя привычка: просто смотреть ведь тоже интересно. Было бы где...

Обитель счастья или гнездо разврата?

Японцы практически не ходят друг к другу в гости — обычай не распространен, да и площадь жилья не всегда позволяет с комфортом принять друзей или даже возлюбленную. Но в таком случае возникает закономерный вопрос: а где же, собственно, крутить романы? Хорошо, если вы идете в «массажный салон», но далеко не всегда отношения между мужчиной и женщиной бывают так прямолинейны и циничны. В Японии, как и в большинстве других стран, мужчины и женщины встречаются, влюбляются, флиртуют — все это происходит обычно в кафе и ресторанах, которых в стране несколько миллионов и которые вполне для этого подходят, но дальше? А что делать сотням тысяч «тансин фунин» — командированных к временному месту работы без семьи, что в Японии практикуется очень и очень часто? Многие из тысяч «временно холостых» мужчин ищут менее

дорогого и более стабильного интимного отдыха, чем поход к проститутке или пьяный вечер в хостесс-клубе. Наконец, особенности японского жилья, когда в одном доме могут существовать несколько поколений семьи, а звукоизоляция отсутствует практически полностью, тоже никак не располагают к раскованному интимному общению. Не снимать же номер в отеле стоимостью около 100 долларов в сутки! Снимать, но... не в обычном отеле и не за такие деньги.

Почти в каждом квартале Токио, да и практически всех японских городов есть неприметные, на первый взгляд почти не отличающиеся от обычных домов здания практически без окон, но нередко с какими-то вычурными украшениями, иногда даже со статуями на крыше: в пригороде Токио, Кавасаки, крышу одного такого отеля венчает огромная статуя Свободы. Это отели любви — «рабу хотэру» (от англ. *love hotel*). Они-то и предназначены целиком и полностью для того, чтобы дать приют влюбленным, молодым супругам без жилья, бодрым командировочным, живущим в общежитиях или в одном номере с беспокойным соседом, и всем, кто еще нуждается в комнате, оборудованной для комфортных занятий сексом.

Своеобразной «столицей» рабу хотэру считают токийский район Сибуя и его улицу Догэн-дзака. Такой статус был обеспечен тем, что у одного из выходов из железнодорожного узла Сибуя расположена местная достопримечательность: памятник символу верности — собаке Хатико. Небольшая площадь перед ней — самое известное и популярное во всей Японии место для встреч, свиданий и знакомств (автор и сам в своей жизни нередко пользовался короткой фразой «встретимся у Хатико», так что испытывает к бронзовой собачке особое расположение). Молодежь нередко использует встречу у Хатико для начала или продолжения любовного знакомства. Встреча у Хатико — ресторан — кинотеатр — кафе «Старбагс» — вот стандартный маршрут по Сибуе, который проходится перед тем, как отправиться в рабу хотэру и за 4500 иен провести там незабываемые часы. Три-четыре ступени знакомства сегодня считаются вполне достаточными для того, чтобы либо оказаться покоренным сексуальностью партнера, либо увериться в обратном. Ездить для этого по всему городу,

согласитесь, было бы весьма глупо, тем более что рабу хотэру в Японии около 18 тысяч.

В «джентльменский набор» подобного отеля входят уютный небольшой номер с просторной кроватью, кондиционер, холодильник, короткие (видимо, эротичные) халаты, душ. Могут быть и недвусмысленные «дополнения»: один советский журналист вспоминал, как по незнанию снял номер в таком отеле: «Беру телефон и звоню в "рум сервис" с просьбой принести чего-нибудь выпить, а сам забираюсь под накрахмаленные простыни. Через несколько минут появляется девушка с подносом, ставит дюжину бутылок "коки" на стол и продолжает стоять. Чаевые в японских гостиницах давать не принято, и поэтому ситуация довольно странная. Смотрю на девушку и замечаю, что на ней чересчур короткое и откровенное то ли платьице, то ли фартучек. "Уважаемому гостю больше ничего не надо?" — спрашивает она с легким удивлением и удаляется, получив отрицательный ответ. Включаю телевизор, надеясь узнать новости дня, но вижу разгар какой-то любовной сцены. Переключаюсь на другой канал — то же самое, только еще круче. На седьмой или восьмой кнопке до меня доходит не только факт отсутствия "нормальных" телепрограмм, но и то, что я очутился в самом настоящем love hotel!»

Вряд ли гостю из СССР в рабу хотэру удивились. Разве что приняли за какого-нибудь одиночку-извращенца. И тогда, а сейчас и подавно номера в таких «гнездышках любви» может снять кто угодно и в каком угодно составе — один, одна, двое мужчин, двое женщин, веселая компания... Обычно в каждом отеле существует несколько вариантов «кроватных развлечений»: в одном номере может быть водяная кровать, в другом все в розовом цвете — специально для молодоженов, в третьем сымитирован салон самолета, в четвертом — любимый вагон электрички, а уж зеркальный номер есть обязательно.

У многих рабу хотэру средоточие секс-рекламы. Телефоны-автоматы, столбы, иногда даже стены наглухо заклеены цветными рекламками-стикерами с предложениями на любой выбор: одетая в траурное кимоно женщина с надписью «она только что стала вдовой», дама в строгом деловом костюме — «на работе она борется против сэкухара», сму-

щенная девчушка в школьной форме или целая стайка кокетливо смеющихся нимфеток — «мы хотим больше узнать о мужчинах»... Под фото расценки: номер мобильного телефона, цена встреч — от 18 до 23 тысяч иен (это 170–210 долларов), стандартное время на любовь — 90 минут. Часто на это время разрешается «неоднократный подход» или сервис «все девушки ваши» — риска ведь при этом почти никакого — как при просмотре порнографии*.

Мозаика тайной жизни

Японское порно так же загадочно и легендарно в остальном мире, как и весь японский секс. Интернет пестрит предложениями японской порнографии, за которым чаще всего скрываются работы немецких или американских умельцев с азиатскими актрисами в ролях. Причина этого проста: с помощью сюнга образ японок как невероятно сексуальных девушек сформировался в мире задолго до появления первых порнофильмов, но настоящая японская порнография ничего, кроме расстройства гневно осуждающим «извращения» европейским и американским любителям видеосекса, доставить не может.

Национальный порнобизнес существует в Стране солнечного корня вполне легально — кассеты и диски с соответствующим содержанием в изобилии представлены в видеосалонах, продаются в обычных магазинах, рекламируются в журналах. Для себя японцы решили проблему идентификации «что такое порнография, а что такое эротика?» весьма оригинальным способом. Вместо полного запрета они обя-

* Не верьте раздаваемым на улицах листовкам, обещающим вам «полный отдых» за 3000 иен (по нынешнему курсу — около 25 долларов). Не понимающему правил приличий европейцу это, может быть, и вправду обойдется в такую смехотворную сумму, но для японца она всегда выйдет намного круглее. Он не посмеет (да и не захочет) отказаться от выпивки и закуски, которая в заведениях такого рода намного дороже обычного.

зали производителей самих обозначать на экране ту степень показа полового акта и гениталий, после которой эротика становится порнографией, закрашивая цифровой мозаикой недопустимые элементы. С 1964 года в Японии существуют специальные комиссии, собирающиеся раз в месяц по предложению делегатов женского и молодежного отделов муниципалитетов для изучения рынка порнопродукции и ужесточения его контроля. Результат налицо: японский порнофильм выглядит почти как настоящий, вот только самые интимные места надежно «спрятаны» под расплывчатой мозаикой.

Помимо этого, в Японии запрещены съемки в порно лиц, не достигших 18 лет, при том что совершеннолетие в этой стране наступает на два года позже (возраст согласия — 13 лет). Разумеется, способы обходить законы уже найдены. Как всегда, среди них есть довольно комичные. Например, в некоторых случаях (в печати в том числе) положено закрашивать мужской член черной краской. Намерение похвально — уж за черной краской ничего, должно быть, не разглядеть. Но японские мастера «фотошопа» умудряются выполнять эту операцию так искусно, что фаллос выглядит «как живой» — только черный, как у... афрояпонца.

Вся японская порнография делится на «коммерческую» и «любительскую». В первой снимаются культовые эротические модели, а секс во время съемок часто искусно имитируется. В порнографии «любительской» снимаются, в соответствии с названием, любительницы. Делают они это очень профессионально и, можно сказать, с душой. Девушки идут на это с теми же целями, что и во многих других случаях, — ради денег на косметику, сумочки, украшения. Еще один стимул тоже уже не является необычным — повеселиться, расслабиться, «качнуть» адреналина.

«Любительские» фильмы редко выходят на большой экран: опасность быть узнанными заставляет актрис противодействовать рекламе и широкому прокату картин. Профессиональное же кино показывается в кинотеатрах, в том числе в открытом недавно специализированном 96-местном «Симбаси Романитику» в центре Токио. Обычно такие кинотеатры редко заполняются более чем наполовину, но новый «храм софт-искусства» полон, а зрители — настоящие фанаты

японского софт-порно, или, как его еще называют, «романтического порно». Такими же были когда-то постоянные посетители Ёсивары или гости гейш, только стоит это значительно дешевле: за 1300 иен любой желающий может увидеть в «Симбаси Роматику» три старых «романтик порно», которые до сих пор вызывают по всей Японии волну возбуждения, или более новые фильмы. Менеджеры кинотеатра говорят, что подавляющее большинство зрителей — мужчины предпенсионного возраста, что отчасти объясняется и ностальгией по молодости: первое «романтик порно» в Японии сняли в 1971 году на киностудии «Никкацу». Приход в жанр популярных певиц Маюцуми Дзюн и Сацуки Мидори обеспечил его грандиозный успех. Это было время кризиса молодежного движения в Японии, и считалось, что софткор в эротических картинах выражал «свободу, непринужденность и возбуждение» — понятия, ставшие сущностью «романтик порно». До 1988 года, когда наблюдался бум жанра, одна только компания «Никкацу» сняло около 110 порнолент. Сейчас в год производится всего около 90 картин, но зато качество исполнения стало гораздо выше.

Обширность вариативного сексуального горизонта в Японии позволяет найти себе нишу актрисам самого разного профиля: тут есть и имитирующие нимфеток миниатюрные девушки, есть обладательницы силиконовых бюстов, женщины в возрасте, беременные женщины, специалистки по связыванию и подвешиванию — все, кого только может придумать мужская фантазия. Всё, о чем писалось в этой книге, в изобилии представлено в японском порнокинобизнесе. Здесь разыгрывают псевдосамурайские драмы в Ёсиваре, изображают любовь между американцами и японскими гейшами, показывают, чем должны кончаться встречи эндё косай, здесь много униформы, хлыстов, силикона, кимоно, пива и онсэнов.

Многие в Японии считают, что доступность такого софт-порно и культивирование различного рода извращений негативно сказываются на общем уровне воспитания и образования молодежи, а также стимулируют сексуальную преступность. Однако либеральные настроения в стране очень сильны, и советы типа «собрать все это и сжечь»

в Японии не проходят. Относительно жесткие (очень относительно) меры, касающиеся порноизданий и вообще «женского» бизнеса, приняты даже не во всей Японии. Префектура Нагано и Токийское губернаторство значительно более свободны в определении того, что является порнографией, а конфискация подобной продукции разрешена только в Осаке и Киото — старых «гейшевских столицах» Японии.

Несколько лет назад японские газеты сообщили о новом рекорде: в январе 2006 года в Токио за ночь команда из 10 человек, включая режиссера, сняла новый софткор с бюджетом всего в 5 миллионов иен (около 45 тысяч долларов). Главную роль в нем сыграла 30-летняя Асада Маю. В интервью новоиспеченная звезда сообщила, что до этого считала порнофильмы «грязными и ужасными», пока ее бойфренд не пригласил ее в кинотетатр. Потрясение было столь велико, что с тех пор она снялась еще в семи таких картинах и призывает женщин чаще смотреть порно: «Бояться тут нечего!»

Какие проблемы, братья?

Но все это, как ни странно, более-менее нормальная жизнь современной Японии. Есть ли какие-то более серьезные проблемы в сексуальном плане у жителей этой страны? Увы, есть.

Одна из главных, связанная с уголовными преступлениями, состоит в том, что Япония, много лет отрицавшая наличие у нее сложностей с торговлей людьми, завершает работу над законом, который объявит эту практику преступной и поможет гражданам других стран, попавшим в плен японской секс-индустрии. Отчасти этот закон должен помочь и гражданкам России, иногда оказывающимся в переплетении сетей русской, японской, корейской и китайской мафии.

В соответствии с новым законом открываются специальные программы помощи жертвам, давшим показания против торговцев, будут приняты меры по замедлению нелегального притока женщин в страну, которая часто является

пунктом назначения для иностранных проституток и содержанок.

Японская полиция признала: иностранки, в основном кореянки и китаянки, являющиеся жертвами торговли, работают всюду: от кварталов красных фонарей в Токио до сельских районов, неизвестных большинству иностранцев. Они стоят на перекрестках улиц и сидят за стеклянными витринами; они участвуют в сексуальных представлениях и выполняют роль хозяек в клубах, за стенами которых встречаются с клиентами. Это значит, что отношение к хостесс, по крайней мере официально декларируемое, тоже будет ужесточено.

Японское правительство уже в несколько раз ограничило количество виз, выдаваемых представителям индустрии развлечений — категории, по которой чаще всего в Страну солнечного корня прибывали будущие хостесс и танцовщицы. Одних только вездесущих филиппинок по таким визам въезжало в Японию ежегодно около 80 тысяч человек в год. Любопытно, что инициатором этих мер стало правительство Соединенных Штатов, назвавшее сексуальный бизнес в Японии одной из форм рабства. Госдепартамент США поставил Японию под наблюдение в докладе, где дается оценка усилиям правительств, направленным на борьбу с торговлей людьми. Она оказалась единственной промышленно развитой страной в этом списке. При этом иностранки не просто приезжают в Японию, зная, что будут работать в секс-индустрии, они стремятся к этому, обычно вынуждаемые на такой поступок разницей в уровне жизни у себя на родине и в Японии. Но мало кто из них понимает, что попадет в долговую зависимость от торговцев, которые отбирают у них паспорта, ограничивают свободу передвижений, а иногда продают их японским преступникам.

Не стесняющиеся в выражениях американцы заявили, что «Япония всегда относилась к секс-индустрии как к бизнесу». Японское правительство поставляло своим солдатам азиатских секс-рабынь в годы Второй мировой войны (главным образом из Кореи, за что сейчас приходится платить отступные) и устраивало бордели для американских солдат в период послевоенной оккупации.

Но возмущены оказались не только американцы. Полуторамиллиардный Китай бушевал, когда в 2003 году стало известно, что одна из компаний Осаки организовала трехдневный праздник с участием 500 китайских проституток в китайском городе Чжухай. Китайцы были в ярости особенно из-за того, что праздник закончился 18 сентября, в годовщину японского вторжения в Китай в 1931 году*.

Внутри самой страны за первые девять месяцев 2004 года полиция Японии зарегистрировала 46 случаев торговли людьми и арестовала 12 посредников по обвинениям в нарушении иммиграционных и других законов. Но эти скромные цифры не дают представления об истинных масштабах проблемы, так как чаще всего, по словам дипломатов, защитников жертв и японских чиновников, подобные преступления не регистрируются. Говорят, что истинное число пострадавших исчисляется тысячами, а тремя крупнейшими поставщиками являются Таиланд, Колумбия и Филиппины. Только по опубликованным данным посольства Колумбии проститутками в Японии работают около трех с половиной тысяч колумбийских женщин.

Помимо нового закона, наказывающего нарушителей, изменения иммиграционного законодательства избавят жертв, не имеющих соответствующих документов, от депортации, если они сотрудничают со следствием, давая показания против торговцев «живым товаром». До недавнего времени женщин немедленно депортировали, даже если они изъявляли готовность свидетельствовать против своих хозяев, и интерес к этому у них даже не возникал.

Впрочем, в демократической Японии далеко не все согласны с таким ужесточением законодательства в сфере

---

* По данным эстонской полиции, в секс-барах Японии работает около 60 эстонок. Руководитель по информации Центральной криминальной полиции Айвар Пау подтверждает, что Япония популярна среди эстонцев, зарабатывающих на жизнь секс-услугами. По словам Пау, в полицию не обращалась ни одна эстонская женщина, которую бы насильно заставляли заниматься сексом. Но полиция часто слышит об эстонцах, которые находятся в Японии больше, чем разрешает виза, то есть 90 дней.

секс-бинеса. Депутат парламента от Либерально-демократической партии Кобаяси Коки заявил, что визы дают бедным иностранкам возможность заработать и помочь своим семьям. «Это японская экономическая помощь», — сказал он, и с ним трудно не согласиться.

Дорога, которую никак не найти

Помимо нравственно-правовых проблем, внешне сексуально озабоченное японское общество оказалось на пороге XXI века перед целым рядом проблем психологических и физиологических. Миф о повышенной сексуальности японских мужчин и особенно женщин не выдерживает критики японских же сексологов. Как часто бы ни ездили японцы в Таиланд и сколько денег они ни оставляли бы в карманах у хостесс, «в японском сексуальном королевстве» отнюдь не все спокойно. Прежде всего из-за проблем с японской молодежью. По меткому выражению одного российского исследователя, «японские парни не знают, для чего нужен рабу хотэру», а выражаясь языком сексопатологов, «молодые японцы не получают удовольствия от секса».

Мнение о том, что «занятия сексом являются лишь пустой тратой времени и ничего не дают», становится все более популярными среди японских двадцатилетних. Они ставят секс на одно из последних мест в числе жизненных приоритетов, отдавая пальму первенства кино, музыке, учебе, зарабатыванию денег и встречам с друзьями. Нынешняя японская молодежь с детства привыкла к непристойным объявлениям в подъездах, к навязчивому сексуальному спаму, к рекламе секс-продукции в электричках и в журналах. Содержание кинофильмов и телешоу компонуется исключительно таким образом, чтобы щекотать чувственное воображение японцев, но переизбыток рекламы вызвал отторжение, и это воображение теперь волнуют совсем иные вещи. Молодые японцы все больше начинают испытывать отвращение к сексу, и первыми это заметили бизнесмены.

За последние пять лет объем продаж презервативов, выпускаемых компанией «Сагами», вторым по величине изготовителем этих резиновых изделий в Японии, сократился примерно на 20 процентов. Никакие рекламные ходы, снижения цен и специальные акции не помогают — презервативы становятся не нужны. Это же подтверждает крупнейшая в этой области фирма «Окамото», расположенная неподалеку от Токийского университета. Ее представитель говорит, что идея о том, что изделия подобного рода всегда будут пользоваться спросом, изжила себя по самой невероятной причине — японцы стали меньше заниматься сексом. В целом по данным Министерства здравоохранения, труда и соцобеспечения с 1998 года наблюдается устойчивый спад объема продажи презервативов. В 2002 году их удалось продать 420 миллионов штук, что на 40 процентов меньше, чем в 1993 году, — тогда было продано 680 миллионов презервативов, и этот год считается лучшим по объему продажи данной продукции за последние 20 лет. Один из крупнейших в мире производителей — торговая марка Contex — провел свое статистическое исследование, но уже во всем мире. По его данным японцы занимают одно из последних мест по частоте сексуальных контактов на планете — в среднем 37 раз в год, при средней частоте контактов около 100 раз (самыми активными признаны два племени из экваториальной Африки — их представители занимаются сексом около 400 раз в год).

Кстати говоря, слова российского исследователя по поводу бесполезности рабу хотэру подтверждают менеджеры и хозяева этих гостиниц, констатируя падение доходов на 20–30 процентов за последние пять лет и сожалея о переходе отелей на обслуживание обычных клиентов, останавливающихся просто для ночлега в необычной обстановке. Цены на номера в рабу хотэру заметно упали. Теперь снять номер на сутки стоит всего около 4000 иен. Но финансовые проблемы ничто по сравнению с тяжелым демографическим кризисом, в который впадает Япония. По прогнозам Министерства экономики, торговли и промышленности в 2006 году население Японии достигло своего максимального показателя,

после чего начнется его уменьшение. К 2050 году японцев станет 100 миллионов — на 26 миллионов меньше, чем сейчас. Снижение рождаемости представляет для демографического состояния страны большую опасность, в связи с чем министерство даже намерено обратиться в парламент с инициативой отменить запрет на демонстрацию в телевизионных программах предложений бюро знакомств. В настоящее время они размещают свои объявления исключительно в газетах[82]. И если падение спроса на презервативы можно объяснить недавним разрешением на продажу оральных контрацептивов — таблеток, то такая неутешительная статистика да проводимые постоянно опросы на эту тему подтверждают: японцам секс становится неинтересен! Вот почему некоторые специалисты уже сейчас говорят о возможности исчезновения через 150–200 лет с лица земли японской нации, если сокращение населения страны будет продолжаться такими темпами.

Клиника Японской ассоциации планирования семьи в 1999 и 2002 годах совместно с крупнейшей вещательной корпорацией NHK провела опрос молодежи относительно ее половых влечений. Этот опрос показал, что количество молодых людей в возрасте 20 лет, «имевших половые связи в течение года», значительно снизилось за три года, и если в 1999 году в половые связи вступали 74 процента юношей и 81 процент девушек, то в 2002 году — только 68 процентов юношей и 62 процента девушек. «Сексуальное поведение молодежи существенно меняется. Некоторые молодые люди ведут активную половую жизнь и имеют более одного партнера, однако в последнее время увеличивается количество молодых людей, не желающих вообще заниматься любовью», — резюмировал директор клиники, знаменитый сексолог Китамура Кунио.

Японские юноши жалуются, что не могут заниматься сексом, а японские медики подтверждают распространенность эрекционной дисфункции среди молодых. Сираи Масафуми, профессор медицины из университета Тохо, наблюдал пациентов одной из токийских клиник, которые страдали эрекционной дисфункцией, в течение 10 лет. «У людей среднего и старшего возраста это заболевание развивается в резуль-

тате злоупотребления препаратом "Виагра". Однако самое большое количество моих пациентов составили молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет. Почти во всех случаях у молодежи это заболевание вызвано причинами психологического характера», — говорит он[83]. Среди 126-миллионного населения Японии (в котором преобладают женщины среднего и старшего возраста) число страдающих психогенной эрекционной дисфункцией, не связанной ни с другим заболеванием, ни со старением, достигло 1 миллиона человек, и среди них больше всего молодых людей в возрасте 20 лет. Японские журналисты описывают типичные примеры возникновения такого заболевания: «Эрекционная дисфункция — главная проблема 27-летнего служащего компании ценных бумаг. Еще будучи студентом Токийского университета, однажды на вечеринке он познакомился с симпатичной девушкой и пригласил ее в гостиницу. Они занимались любовью, а после этого девушка спросила: "Скажи, а твоя подруга действительно получает удовольствие от близости с тобой?" Этот вопрос поверг молодого человека в шок. Когда он учился в средней школе, он был целиком погружен в занятия и не имел подружки. Первый половой контакт произошел у него в возрасте 20 лет, когда он уже учился в университете. Вопрос девушки сильно подействовал на неопытного и не уверенного в себе юношу, и с тех пор он постоянно стал думать о том, что "справляется с этим не очень хорошо". Разумеется, чем больше он по этому поводу волновался, тем хуже становилась ситуация. Он принимал значительное количество цинковых и других предполагаемых лекарственных препаратов, однако ничего не помогало. Через год он расстался со своей подругой, окончательно утратив способность к сексуальной близости. Еще через год он начал встречаться с другой женщиной и рассказал ей о своей проблеме. И хотя он говорит, что эта беседа помогла ему почувствовать себя более уверенным, он до сих пор боится вступать в половые контакты. "Я боюсь вновь потерпеть неудачу, и это опасение усугубляет мою проблему. Это стало порочным кругом", — говорит он»[84].

По данным японских медицинских учреждений с 1997 года резко увеличилось количество мужчин, испытывающих неприязнь к сексу, и тех, кто успешно занимается мастур-

бацией, но не способен вступать в половые контакты и не испытывает желания делать это. Медики считают, что главной причиной появления подобных недугов и изменений полового поведения молодежи является усиленная пропаганда секса, которая порождает различного рода отклонения и «странности».

Речь при этом идет не только о мужчинах, японки тоже высказываются о сексе несколько странно. В проведенном недавно национальным еженедельником *WaiWai* опросе приняли участие 973 японские женщины, которые заявили, что в среднем за всю жизнь у них было от 2,9 партнера (девушки в возрасте от 20 до 29) до 4,5 (от 25 до 29 лет), а у женщин от 30 до 34 лет в среднем было 4,2 мужчины. Почти половина опрошенных японок рассказали, что предпочитают заниматься сексом в течение недели, а не в выходные дни, тогда как 33 процента предаются плотской любви лишь раз в две недели, а 23 процента — два раза в те же две недели. Многие социологи и сексологи считают, что эти цифры сознательно завышены женщинами, но в любом случае в их ответах заметны неудовлетворенность и откровенное разочарование в мужчинах. Одна из респонденток, например, рассказала, что когда она «занималась с ним оральным сексом, то посмотрела вверх. Каково же было мое разочарование, когда я увидела, что он заснул».

Другая женщина, 21-летняя студентка, рассказала, что ее выводит из себя, когда ее парень «надевает на себя мой бюстгальтер, а свои трусы себе на голову и хочет, чтобы мы в таком виде занимались сексом». Некоторые женщины признались, что чаще всего настроение для занятий любовью у них появляется, когда они чувствуют себя одинокими, тогда как у других любимое время для секса наступает непосредственно перед менструацией, после тяжелой работы или во время просмотра мелодрам.

Около 70 процента опрошенных японок испытывают оргазм, однако 27 процентов во время стимуляции не чувствуют разрядки, а потому не стремятся к знакомству с молодыми людьми, предпочитая во всем полагаться на себя. Мужчины же не знают, как знакомиться с девушками, и если среди первых модно стало выглядеть и слыть «травоядными»,

то среди вторых повальным увлечением становится имитация «снулых рыбин» — женщин, безразличных к любым проявлениям секса и сексуальности.

Патовую ситуацию пытаются разрешить психологи. Они даже придумали самую эффективную фразу для первого знакомства: «Райнэн-но коно хи мо иссё-ни вараттэ иё», что значит «В будущем году посмеемся вместе в этот же день». Согласно результатам дотошного психологического и социологического исследования, именно она будет стимулировать желание одиноких людей продолжать активный поиск партнера и завязывать новые знакомства. При этом магическое притяжение этой фразе придают три мощных «спусковых механизма», которые оказывают воздействие на человека на подсознательном уровне и заставляют его упорно идти к цели, даже с дрожью в коленях. Каждое слово в этой фразе хорошо само по себе, а вместе они просто непобедимы.

Специалисты из Токийского университета, разработавшие чудо-фразу, считают, что словосочетание «в этот же день в следующем году» притягивает участника диалога, постоянное общение с данным партнером его начинает интересовать намного больше, чем мимолетная беседа, он подсознательно настраивается на возможность длительных романтических отношений.

Слово «вместе» предполагает, что даже через год общения партнеры будут испытывать радость от взаимного контакта, который не утратит для них ощущения новизны. Слово «посмеемся», с одной стороны, умело смягчает остроту фразы и приводит в действие спусковой механизм «взаимного счастья», а с другой стороны, устраняет робость, создавая атмосферу юмора и общей легкости сердца.

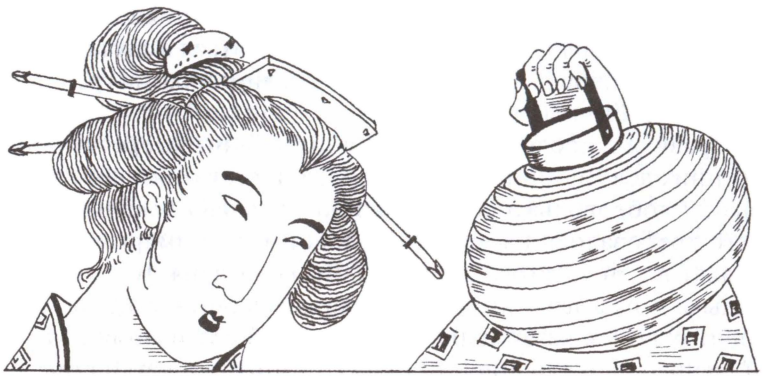
Второе «секретное оружие» этой фразы заключается в том, в ней отсутствует аморальный оттенок, поэтому, как считают ее изобретатели, на нее очень трудно ответить в манере резкой отповеди. Она ни на чем не настаивает и ни к чему не принуждает собеседника. Поэтому с нее может легко начаться непринужденная беседа. Кроме того, ее простота придаст смелости и поможет развязать язык даже самому застенчивому Ромео. Эффект фразы позволяет сразу установить контакт с другим человеком и продолжить с ним беседу на любую

тему, создавая для этого все необходимые условия. Например, эта фраза позволит вам вступить в контакт с понравившимся вам человеком, которого вы видите в офисе, но не решаетесь с ним заговорить. К продолжению беседы хорошо располагает атмосфера тихих кафе и значительно меньше — шумных баров.

Есть, конечно, пути попроще: недавно японскими учеными были придуманы даже искусственные дети. Фирма Tomy, которая производила до некоторого времени всемирно известные куклы-трансформеры (у нас в стране они стали популярны после японских мультфильмов), теперь создает говорящие куклы-роботы. Достойное продолжение рода для резиновых женщин.

Живым женщинам (да и мужчинам), так и не отважившимся на встречу — хотя бы чтобы посмеяться над этим через годик-другой, сексуальная индустрия предлагает обслуживание на дому. Согласно полицейскому обзору зарегистрированного секс-бизнеса в Японии, все крупные фирмы секс-услуг отдают предпочтение этому новому направлению — юноши и девушки по вызову. Количество таких фирм за два года выросло с 3775 до 10 544. Подавляющее большинство из них — заведения, предоставляющие девушек по вызову. В своих объявлениях они предлагают услуги массажа и косметики для мужчин, не нарушая, таким образом, японского закона о борьбе с проституцией. А сфера действия этих фирм распространяется далеко за пределы места регистрации: девушки едут в любой город — только плати. Но даже это уже — мэндокусай, то есть лень...

Глава 10
Ты скажи, чё те надо? Может, дам, чё ты хошь...



На войне как на войне

Япония, как и большинство развитых стран мира с декларируемыми либеральными ценностями, официально отрицает наличие и необходимость легальной проституции. Понятно, что так было не всегда — традиции Ёсивары и Симабары не могли умереть в одночасье. Этого и не произошло. Как я уже упоминал, японцы относятся к проституции по принципу «необходимого зла»: «Да, это плохо, но ведь деться от этого все равно некуда. Так что пусть уж это будет, но мы не станем об этом говорить». Такая позиция получила прочный морально-этический фундамент в первые годы после Второй мировой войны, когда еще официально разрешенная японская проституция впервые была столь же официально поставлена на службу государству.

Американская армия изображалась в воюющей Японии как сборище огромных диких варваров, отбросов цивилизации, в том числе в сексуальном смысле. Оккупация империи четко ассоциировалась у ее жителей с сексуальным рабством ее женщин, что для самих японцев было вполне

понятно: Китай и Корея до сих пор предъявляют претензии Стране солнечного корня за преступления сексуального характера, совершенные японской армией в этих странах, например половую эксплуатацию китайских и корейских женщин японскими военными — по сути, массовые изнасилования и принуждение к проституции. Так что японцы прекрасно понимали, чего им следовало опасаться в случае оккупации островов американцами, и предприняли встречные, весьма необычные меры.

Сразу же после окончания войны Министерство внутренних дел Японии обратилось к соотечественницам с призывом добровольно спасти нацию от изнасилований, для чего требовалось направить половой голод американских солдат в контролируемое русло. Была создана Ассоциация отдыха и развлечений, которая занялась организацией публичных домов казарменного типа для обслуживания солдат и офицеров оккупационных сил союзников в четко определенных местах. В Токио, например, таким местом стал тихий спальный район Оомори, где по иронии судьбы автору этой книги довелось жить десятилетия спустя. Самым поразительным для европейцев было то, что в ассоциацию действительно добровольно вступили тысячи женщин, в том числе замужних и вдов солдат, павших на войне. Что руководило ими: желание отомстить таким образом за погибших мужей и братьев или страстный порыв к защите страны? Пусть каждый решит это сам. Так или иначе, эти японки приняли на себя удар десятков тысяч американских солдат, которых обслуживали за очень скромные деньги или недорогие, но важные для голодной и нищей послевоенной Японии подарки — пачку сигарет или упаковку чулок. Многие работали едва ли не круглосуточно, принимая в дни солдатских увольнений десятки черных и белых морских пехотинцев в бараках, где комнаты лишь обозначались развешанными простынями.

Презервативы были редкостью и роскошью, поэтому неудивительно, что вскоре значительная часть американской армии в Японии оказалась инфицирована самыми разнообразными венерическими заболеваниями. Между тем верховный командующий союзными войсками

в 1946 году отменил систему лицензированной проституции. В 1947 году вышел императорский указ № 9, согласно которому вовлечение женщин в проституцию подвергалось наказанию, но при этом сама проституция продолжала оставаться легальной (примерно так же запретили тогда и боевые искусства: заниматься можно, преподавать — нет). Ассоциация была распущена, полностью выполнив свою задачу: американские военнослужащие, которые, конечно, не оказались такими сексуально озабоченными варварами, какими их рисовала японская пропаганда, все же были вынуждены перенести имевшийся у них половой запал в выделенное для этого общественное русло. В каком-то смысле добровольная проституция действительно спасла эту страну, правда, остается открытым вопрос: существовала ли угроза?

С окончанием в 1952–1953 годах оккупации Японии и Корейской войны, во время которой Япония использовалась как перевалочная база для отправки в Корею новых частей и место для отдыха и реабилитации участников боевых действий, отношение к проституции еще раз пересмотрели. Япония и ее вольные и невольные гости стали привыкать к проституции как неотъемлемой части мирной жизни, но «высшее общество» планеты после войны, куда Япония стремилась попасть, диктовало свои условия. 24 мая 1956 года был принят Закон о проституции № 118, который формально поставил «водяной бизнес» вне закона. Статья 3 этого закона гласит: «Никто не может заниматься проституцией или становиться клиентом проституток», однако сам закон не предусматривает наказания за нарушение этого положения. Ответственность полагается за конкретные преступления в этой области:

- вымогательство в целях проституции;
- сводничество — поиск и приведение клиентов;
- принуждение к занятию проституцией;
- получение денежных средств за предоставление сексуальных услуг другими лицами;
- принуждение к занятию проституцией посредством выплаты «аванса»;
- предоставления места для занятия проституцией;

• участие в бизнесе по вовлечению в проституцию;
• предоставление различных средств для занятия проституцией.

Само по себе определение проституции ограничивается совокуплением за деньги или подарки, что формально выводит оральный или анальный секс из-под «удара», не говоря уже о многочисленных и традиционно популярных японских «не-извращениях». Японцы сами создали ситуацию, когда де-юре проституции в стране нет, но де-факто она есть, потому что без нее жителям этой страны просто не жить — «необходимое зло» стало неотъемлемой частью эротической культуры Страны солнечного корня и выступало временами в роли «спасительницы нации».

Необходимое зло

Один из способов избежать вообще какого бы то ни было упоминания о проституции — явлении, говорить о котором в приличном обществе не принято, — это широко распространенная в этой стране практика эвфемизмов. Например, долгое время под «турецкими банями» — торуко фуро — японцы понимали примерно то, что в других странах называют публичными домами. Так продолжалось до тех пор, пока в 1980-х годах правительство Турции в самых решительных выражениях не выразило свой протест в этой связи правительству японскому. Реакция последовала незамедлительно, и теперь использовать бренд «турецкие бани» в отношении «водяного бизнеса» категорически запрещено. Это, кстати, стало прецедентом для кое-кого из моих знакомых русофилов, которые недоумевают, почему российские власти столь же решительно не протестуют против того, что едва ли не любых иностранок в хостесс-бизнесе называют русскими, что, несомненно, негативно сказывается на репутации России, как и «турецкие бани» наносили урон имиджу Турции.

Строго говоря, со сменой вывески сами по себе бани никуда не делись, но то, что в них происходит и как банщицы-авадзё обслуживают своих клиентов, формально с проституцией

никак не связано. Все определяется только взаимным сговором владельца бань, авадзё и их клиентов. «С юридической точки зрения Закон о бизнесе, затрагивающем общественную нравственность, определяет "бани" как "места, в которых представители обоих полов могут собраться для встречи", в то время как "оздоровительные учреждения" в нем определяются, как "учреждения, в которых представители обоих полов вступают в контакт и приводят клиента к сексуальной разрядке", — говорит адвокат Ямасита Юкио. — Теоретически для предоставления сексуальных услуг закон дает больше возможностей "оздоровительным учреждениям". На практике же позиция владельцев "бань" заключается в том, что они сдают комнаты авадзё и понятия не имеют о том, что они там делают дальше. Все, что происходит внутри, происходит по обоюдному согласию между авадзё и клиентом и является их частным делом. Если владелец вмешивается в эту сделку, значит, он поощряет проституцию и подлежит наказанию в соответствии с законом. Такие специфические "бани" взимают плату только за вход, а деньги за сексуальные услуги идут непосредственно авадзё». Женщины также оплачивают напитки и лубриканты, что позволяет владельцам делать вид, что они никак не участвуют в сделке. Более того, учитывая рост в Японии так называемой любительской проституции, когда этим бизнесом девушки занимаются не профессионально, а время от времени, чтобы подработать, владельцы «бань» нередко оформляют по просьбе авадзё фальшивые документы, свидетельствующие, что они работали во вполне приличных заведениях, например в кафе. Разумеется, попасть в такие «бани» просто так, с улицы, особенно иностранцу, довольно непросто — иначе их можно было бы перепутать с обычными, добропорядочными заведениями. Подобные развлечения надо искать, и японцы их находят. И не только в «банях».

Один район Кабуки-тё в Токио охватывает площадь 0,34 км^2, на которой расположено более 3500 «объектов специального назначения»: стриптиз-бары, магазины порно, караоке-бары, клубы и т. п. Все их условно можно поделить на два типа: фудзоку и мидзусёбай. К первому как раз относятся бывшие торуко фуро, ставшие ныне сопурэндо (soapland). Вообще сопурэндо — один из самых «жестких» вариантов

предоставления сексуальных услуг в этой стране. Сюда идут именно за сексом, и, любопытная деталь, клиентам здесь разрешено за один сеанс испытывать оргазм дважды, что для японских заведений вообще нехарактерно. Авадзё предоставляют широкий набор услуг: от петтинга и орального секса до массажа телом, намазанным специальным гелем, и обычного секса. Продолжительность сеансов и их оплата стандартны: от 15 тысяч иен за 45 минут в дешевых заведениях до 60–80 тысяч за 2 часа в дорогих.

Чтобы разобраться, где именно что находится и что сколько стоит, японцы пользуются Интернетом и многочисленной довольно навязчивой рекламой, которую можно найти в магазинах, в собственных почтовых ящиках и даже в телефонных будках. В крупных городах издаются и свободно продаются в круглосуточных магазинах рекламные дайджесты, в которых собрана информация о злачных местах. Самый известный такой «путеводитель» — «Мандзоку», продающийся по всей Японии и имеющий приложения по излюбленным местам секс-туризма: Таиланду, Гонконгу и Макао. При пользовании рекламой можно сэкономить: многие сайты предлагают распечатать дисконтные флаеры, а фудзоку распространяют их через нанятых девушек, как правило, не работающих в самих заведениях, на улицах. При применении этих скидочных купонов можно сэкономить 2–3 тысячи иен, что прижимистым японцам всегда очень приятно.

Помимо сопурэндо существуют и другие категории фудзоку, например хэрусу (health club), где гостям предлагаются минет, хэнджоббинг и сумата — вариант массажа телом. Как и во многих других местах, услуги в прейскуранте разделены на базовые и дополнительные. К первым могут относиться поцелуи (как вы помните, для японцев это почти особый вид секса) или поза «69». К дополнительным — фото, использование технических игрушек, переодевание, анальный секс и другие развлечения, которые выводят хэрусу на одну ступень с фэсён хэрусу (fashion health) — чуть более дорогим и разнообразным борделем. Так называемые корейские хэрусу еще дороже: иногда там действительно работают кореянки, но часто также китаянки и японки со стройными ногами и большими бюстами, что обходится клиентам примерно от 50 тысяч иен за сеанс.

Все большую популярность завоевывает у занятых клерков вариант дэрихэру (delivery health), когда девушку и лав-отель можно выбрать и заказать по Интернету и отъехать с ней на часик-другой отвести душу (как правило, в базовый прайс входит только оральный секс).

Еще более мягкий вариант — мэндзу эстэ (men's esthetic salon), или массажные салоны. В комплекте с массажем здесь может продаваться только хэнджоббинг, и даже на оральный секс клиент рассчитывать не вправе. Для этого лучше пойти в пинку (pink salon), где в полумраке вышедшие на заслуженный отдых в дорогих салонах женщины нальют уставшему японскому мужчине выпить и удовлетворят его. Есть, правда, еще более дешевые места, но вряд ли их стоит описывать в этой книге, ограничившись упоминанием онани курабу (onani club), название которых говорит само за себя.

Что же касается мидзу сёбай — собственно, «водяного бизнеса», это еще более сложная и популярная в Японии система, отличающаяся от фудзоку тем, что внимание здесь может фокусироваться не на сексе, а на общении с эротическим уклоном. Тысячи заведений мидзу сёбай — кокю курабу, снакку, ню курабу, разбросаны по всей Японии, по всем кварталам ее крупных городов, и рады и мужчинам и женщинам (их обслуживают парни-хосты). Именно к этой области относятся хостесс-клубы, и поэтому весьма печально, что этот бизнес ассоциируется у многих японцев с русскими девушками.

Проституция ли все перечисленное? Японцы предпочитают не отвечать на этот вопрос. Безусловно одно: система таких своеобразных клапанов для выпуска сексуального пара необходима в стране, родившейся в результате соития, и эта система успешно работает.

Семейный секс в зеркале статистики

В предыдущих главах я уже много раз ссылался на самые разные статистические данные, отчеты и опросы. Это понятно: как ни относись к статистике, а ничего другого, что могло бы дать возможность увидеть в целом ту или иную существующую в обществе картину, пока не изобрели.

Пришло время представить вашему вниманию подборку статистических данных, посвященных отношению японцев к проблемам семейной жизни и опубликованных в японской прессе. В 2008 году автор, работая в крупнейшей в этой стране газете «Ёмиури», ознакомился с одним из многочисленных опросов на тему семьи и секса, проводившимся журналом «Ёмиури уикли». Исследование было посвящено сексуальной активности японских начальников — элиты общества и цвета бизнеса Страны солнечного корня, и любители статистики теперь могут увидеть эти данные, что называется, «из первых рук», а также ознакомиться с результатами некоторых других опросов.

Всего были охвачены 500 человек — в основном заместители директоров (479 человек) и главы департаментов различных компаний в возрасте от 47 до 53 лет, имеющие годовой доход не менее 60 тысяч долларов в год. Этим солидным людям задали восемнадцать весьма любопытных вопросов, непосредственно касающихся их личной жизни, и они, поразмыслив, дали ответы. Вот что из этого получилось.

1. В соответствии с японской традицией респонденты прежде всего поведали о разнице в возрасте со своими вторыми половинами: у подавляющего большинства (около 74 процентов) жены оказались моложе — с разницей от одного года (39 процентов) до двадцати лет (менее 1 процента). Старше себя подруг выбрали более 10 процентов опрошенных (0,42 процента оказались женаты на женщинах, превосходящих их по возрасту на десять и более лет). С ровесницами живут чуть более 15 процентов японских начальников.

2. Наибольший интерес, естественно, вызвали результаты той части исследования, которая касалась непосредственно сексуальной жизни «самураев XXI века». Выяснилось, что считают секс — «делом хорошим» или «очень хорошим», соответственно около 40 и 25 процентов опрошенных. Еще без малого 29 процентов считают, что в интимных отношениях есть как хорошие, так и плохие стороны.

С «хорошим» все более или менее понятно, но какой же негатив японские мужчины усматривают в сексе? Оказывается, чаще всего японцы испытывают страх перед интимной

близостью из-за необходимости общаться с малознакомым человеком, перспективы быть вовлеченными в обязывающие их связи, из гигиенических соображений, а также из опасения показаться смешными. Апофеоз этих страхов ярко отражен в исследовании «Ёмиури»: однозначно плохо относятся к интиму почти 3,5 процента японцев, а 2,5 процента считают это занятие «поистине ужасным»!

3. Следующий вопрос («Как часто вы занимаетесь сексом?») логически проистекает из первого, а ответы на него оказались для специалистов вполне предсказуемы. Первое место по популярности занял вариант: «Последний раз я занимался сексом более пяти лет назад» — таких людей набралось 22,5 процента! А если добавить к ним тех, кто не предавался любовным утехам около года (6,5 процента), больше года (6 процентов), больше двух (11,5 процента) и больше четырех лет (4 процента), то получится, что старый анекдот про «Новый год чаще» применим — без всяких шуток — более чем к половине японских руководителей.

Второй по популярности ответ — «Я занимаюсь сексом примерно раз в месяц» — набрал 17,5 процента голосов. Приблизительно равное число опрошенных — чуть меньше, чем по 10 процентов, — ложатся в постель со вполне определенными намерениями раз в три месяца и раз в две недели.

Раз в неделю занимаются сексом чуть более 8 процентов, а число «сексуально озабоченных» менеджеров, способных выдержать секс аж два раза в неделю, составило менее 4 процентов. И это при том, что в теории — вспомним первый вопрос — «хорошо» и «очень хорошо» относятся к сексу две трети опрошенных.

Итак, лишь менее половины (49 процентов) японцев-начальников, ответивших на вопросы исследователей, занимаются сексом чаще, чем раз в год. Это явно не дотягивает до показателей, зафиксированных ранее в ходе общих опросов, — 37 случаев в год (для сравнения: наши соотечественники активнее примерно вчетверо: в России этот показатель составляет в среднем 144 контакта в год).

4. Этот вопрос потрясает японской обыденностью: со сколькими женщинами вы занимались сексом после вступления в брак, не считая (sic!) проституток?

Сексуальных активистов, встречавшихся более чем с 50 дамами, набралось немного — менее 2 процента. Около 1 процента опрошенных имели связи с 21—50 посторонними женщинами. Грехопадению с 3—5 представительницами прекрасного пола оказался подвержен наибольший процент неверных мужей (18 процентов), но больше всего японских начальников (более 51 процента) свято хранят верность супругам. Повторюсь: проститутки не считаются!

5. В ответе на пятый вопрос выяснилось, что японские начальники неплохо знакомы с реалиями городской ночной жизни.

Большинство из тех, кто вообще ходит «поразвлечься», предпочитают знакомство с девушками облегченного поведения в курабу — 26 процентов или сунакку — 42 процента. Такое знакомство, как правило, ограничивается только совместной выпивкой и общением, но может вести и к дальнейшему, более тесному контакту.

18 процентов руководителей выказали высокий интерес именно к сексу и предпочли посещение соппурандо.

Более 15 процентов выбирают обычные публичные дома — фасёнхэрусу, более 5 процентов — дэрихэру. 18 и 12 процентов высокопоставленных японцев предпочитают соответственно пинкусарон и кябакура — заведения, где с девушкой можно не только пообщаться, но и потрогать ее за интимные места.

Однако более 40 процентов опрошенных вообще не посещают ни одного из указанных типов заведений.

6. Следующий вопрос возвращает нас, а точнее, японских руководителей в семью: им было предложено ответить: хотят ли они заняться сексом с супругой? 72 процента опрошенных заявили, что такого желания нет ни у них, ни у их жен. Чуть более 5 процентов сказали, что вместе хотят вернуться к активной сексуальной жизни в семье, более 18 процентов — хотели бы, да «жена против», и около 4 процентов — сами изо всех сил сопротивляются интимной жизни, несмотря на попытки жен увеличить ее интенсивность.

7. Интересно, что при этом более 68 процентов японцев оказались не удовлетворены сексом с женой и лишь 32 процента не испытывают дискомфорта в этом отношении.

8. Следующий вопрос приподнял завесу тайны над сегодняшним состоянием супружеской верности японских мужей. Им пришлось рассказать о своих внебрачных связях. Оказалось, что ни на обычные свидания (дэйто), ни на свидания с сексуальным продолжением не ходят более 74 процентов мужчин.

Просто повстречаться в свободное время с девушкой позволяют себе еще 15 процентов, занимаются сексом с одной любовницей чуть менее 8 процентов, с двумя — 2,5 процента, с тремя — менее 1 процента опрошенных начальников.

9. Возрастной портрет этих женщин позволил составить ответы на девятый вопрос. Выяснилось, что с женщинами старше себя встречаются почти 10 процентов неверных мужей, с ровесницами — более 13 процентов, а девушек помоложе предпочитает абсолютное большинство — почти 77 процентов. При этом наиболее популярная разница в возрасте — от 10 до 14 лет — привлекает более 17 процентов опрошенных, и более 15 процентов японцев балансирует на грани фола, поддерживая отношения с девицами, которые моложе их более чем на 20 лет (в эту категорию могут попадать и несовершеннолетние).

10. Еще один вопрос касался семейного положения любимых женщин японских начальников. Большая их часть оказалась замужем — более 40 процентов, 36 процентов — не замужем, а еще 23 процента — с клеймом «разведена».

11. В ходе ответов на одиннадцатый вопрос выяснилось, что большинство японцев нашли будущих партнерш по Интернету (27 процентов) или на работе (23 процента). Сексуальные отношения с нижестоящими, что можно было бы отнести к разряду домогательств (сэкухара), поддерживали более 11 процентов шефов, а около 2 процентов покушались при этом на верность начальниц и старших или равных по рангу сотрудниц.

Почти 6 процентов японцев познакомились со своими любовницами на почве совместного хобби. Более 15 процентов встретили свою внезапную любовь в гостях или в клубах, свыше 5 процентов вообще назвали другие причины, а чуть менее 8 процентов испытали влечение к девушкам,

с которыми они когда-то учились либо в школе, либо в университете.

12. Особенно важная для японцев тема: «Сколько денег в год вы тратите на свидания и подарки?» Финансовый кризис, продолжающийся в Японии с 1991 года, заставляет любовников быть сдержанными в материальных проявлениях своей любви. Наиболее популярным (около 36 процентов опрошенных) стал ответ «менее 10 тысяч иен», то есть 1000 долларов в привычном нам эквиваленте. Ничтожными 20 манами отделываются почти 27 процентов японцев, в сумму от 20 до 100 укладываются еще почти 35 процентов. И лишь менее 2 процентов начальников способны потратить на свою тайную любовь до 150 манов (около 15 000 долларов) в год, в пух и прах развеивая тем самым популярный у нас миф о «богатеньких японских буратинах».

13. Зато японские мужчины отличаются завидным постоянством во внебрачных связях: почти половина из них (48 процентов) встречаются с одними и теми же женщинами более 5 лет. Предположив, что тратят они на свидания по минимуму (до 20 манов), несложно подсчитать, что женщина за эти пять лет может получить всего-навсего около 10 000 долларов. Поистине настоящая любовь — бескорыстна!

Примерно по 15 процентов опрошенных поддерживают отношения со своими пассиями по 2–3 года или по 3–5 лет. Менее 2 процентов исчисляют сроки знакомства месяцами. «Стаж» остальных, как несложно догадаться, лежит в рамках от полугода до 2 лет.

14. Каковы перспективы незаконченных романов? Наверняка этот вопрос больше всего интересует женщин, но вот что ответили на него мужчины. Большинство из них (более 42 процентов) существующее положение вполне устраивает, и они не собираются ничего менять. По количеству им уступает только второй вариант «фаталистов», внутренне готовых к переменам, но не желающих осуществлять их («будь что будет!»), — почти 27 процентов опрошенных.

Менее 6 процентов, похоже, серьезно влюблены — они готовы решиться на второй брак! Наоборот, по возможности быстро разорвать связь собираются менее 2 процентов начальников, а еще 15 процентов готовы прекратить отно-

шения при случае, «как-нибудь» (представляю, как бы ненавидели их за это любовницы, узнай они о таких настроениях!). Оставшиеся (около 8 процентов) вообще безразличны к развитию своих отношений на стороне.

15. Что же составляет суть отношений японских боссов и их пассий, за исключением собственно любви (судя по ответам на предыдущий вопрос, у 6 процентов) и подарков? Подавляющее большинство японцев (почти 46 процентов) не горят желанием ни идти на свидание, ни заниматься сексом со своими подружками, но делают это — видимо, по привычке. Вторая по численности категория опрошенных (27 процентов), наоборот, хотела бы и того и другого.

Почти 4 процента начальников благожелательно относятся к идее встречи с женщиной, но не стремятся отправиться с ней в постель, а оставшиеся (около 23 процентов) смотрят на дело еще проще: «Пойти пойду, а там — как карта ляжет».

16. Совершенно логичным на фоне предыдущих выглядит следующий вопрос: «А как бы вы сами отнеслись к изменам жены?» Половина (более 49 процентов) японских мужей против измен своей супруги, но не уверены, что, случись такое, они решились бы довести ситуацию до развода.

Почти 17 процентов настроены более решительно: «Измену не разрешил бы и развелся!» Еще 15 процентов одновременно и против измен, и против развода. Более 15 процентов согласились бы с изменой при условии, что ни им самим, ни окружающим не стало бы об этом известно, а почти 3 процентам это вообще безразлично.

17. Последние два вопроса в определенном смысле подводят итог всего исследования. Сначала у боссов спрашивают: «Желаете ли вы себе дальнейшего карьерного роста?» Почти половина (49 процентов) хотят этого, но не сильно. Еще 42 процента начальников не собираются серьезно упорствовать в достижении этой цели, 5 процентов вообще не стремятся подняться вверх по карьерной лестнице, и лишь чуть более 3,5 процента японских шефов «очень сильно» хотят стать еще более важными персонами.

18. Наконец, завершающий вопрос: «Как бы вы хотели провести остаток лет?» 61 процент опрошенных ответил:

«Я никогда не хотел бы забыть ту любовь и те отношения, которые были у меня». Почти 15 процентов сказали, что ожидают, что на смену пылким чувствам придет зрелая любовь, а остальные 24 процента — затруднились с ответом.

Что в итоге? Никаких сенсаций и выводов, основанных на «экзотических особенностях» японского отношения к сексу. Большие боссы в этой стране оказались далеки от Большого секса. Если еще раз посмотреть на результаты опроса, можно заметить, что в большинстве ответов фигурирует примерно одна и та же, в процентном отношении, основная группа. От 50 до 70 процентов японских начальников хорошо относятся к сексу — в теории, но на практике не испытывают никакого желания заниматься им — ни дома, ни за его пределами.

Более половины опрошенных верны своим женам и отрицательно относятся к возможным изменам, с чьей бы стороны они ни происходили. При этом они испытывают сексуальную неудовлетворенность, преодолеть которую пытаются либо походом в клуб без надежды на сексуальный контакт, либо, наоборот, очень и очень редким посещением проституток.

Для сексологов, вероятно, значительно больший интерес представляет меньшинство — «гиганты» секса, способные заниматься им чаще одного раза в год. Менее 10 процентов из них — настоящие «маньяки», способные за свою жизнь встречаться с десятками любовниц и переживать острые ощущения чаще одного раза в неделю. Напомню, что речь идет об особой категории — долго сидящих на работе людях в возрасте от 47 до 53 лет, — совсем не плохой результат, принимая во внимание японский образ жизни! Ну, а то, что их количество практически совпадает с числом карьеристов, наводит на размышления о пользе секса для развития бизнеса и наоборот.

Те же, кто встречается с любовницей с обычной интенсивностью, стараются и в этом интимном вопросе придерживаться традиций — делать это пореже, не афишировать, не заниматься при этом сексом и поменьше тратиться на подарки. Видимо, именно об этом им так приятно потом вспоминать...

Дополнением к этим статистическим данным служит еще один опрос «Ёмиури уикли», посвященный скрытым сторонам семейной жизни японцев и называвшийся «Срок годности семейных пар. Развод, безнравственность, асексуальность...».

В исследовании, обширном по спектру интересов и многопрофильном по направлениям анализа, были задействованы 500 семейных пар в возрасте от 30 до 55 лет со стажем семейной жизни более 10 лет. Им задали семь основных вопросов, ответы на которые прокомментировал десяток специалистов в самых разных областях академической и прикладной психологии, медицины, социологии. При этом основной направленностью исследования стали причины возникновения семейных кризисов и факторы, сопутствующие их углублению.

Для начала специалисты выяснили, что ровно половина опрошенных семейных пар уже сталкивалась с кризисами в своей жизни и более 80 процентов супругов так или иначе смогли их пережить.

Одной из самых важных причин возникновения проблем большинство опрошенных пар (более 54 процентов) называют отсутствие секса в семейной жизни. При этом самая существенная доля семей, до 10 процентов, испытывали наибольшие трудности на третьем и десятом годах совместной жизни, 6–8 процентов — на первом, пятом и шестом годах, а те, кто прожил вместе более 17 лет, вполне могут считать свой брак устойчивым — лишь 0,8–3,2 процента опрошенных заявили, что испытывали кризис, имея столь солидную «выслугу лет». Эти данные вполне можно взять на вооружение и за пределами Японии — ведь во многих случаях причины семейных кризисов очень похожи, а пока не изученные досконально годичные волновые колебания тревожных периодов вполне могут существовать и за пределами Божественных островов.

Японские специалисты установили массу и других, помимо асексуальности, причин наступления проблем в семейной жизни. Среди них есть и столь экзотические, как, например, нежелание японских жен жить под одной крышей с роди-

телями мужа. Такая традиция долгое время была непререкаемой в Японии, да и сейчас еще далеко не полностью потеряла силу. Жена мужа, приходящая в дом его родителей, занимает низшую социальную нишу в большой японской семье. Ее положение на практике не сильно отличается от положения домработницы, хотя по сути может быть еще хуже. Во всяком случае (опять же по японской традиции), ванну она принимает последняя — после того, как ее примут все остальные члены семьи. Трагедия невестки, вынужденной жить с ненавистными родителями мужа, является довольно распространенной темой и в современной японской литературе, олицетворяя извечную борьбу нового и прогрессивного со старым и консервативным.

Некоторые писатели при этом не забывают и о том, что сексуальные отношения невестки со свекром — тоже не самая большая редкость в японском доме, ей приходится изворачиваться, чтобы хоть как-то облегчить свое положение в семье или, по крайней мере, подготовить базу на будущее.

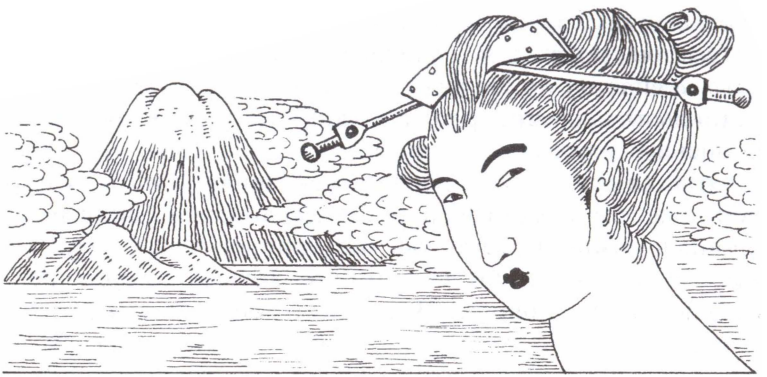
Возвращаясь к исследованию «Ёмиури», отмечу, что почти 70 процентов опрошенных пар настроены вполне оптимистично и считают, что смогли бы преодолеть кризис своими силами. При этом жены чуть менее уверены в этом, чем мужья (65 против 74 процентов). Более половины японцев всерьез не задумывались о разводе, несмотря на пережитые или переживаемые кризисы. Несколько более 54 процентов жен не думают о разводе, и их поддерживают почти 65 процентов мужей. С одной стороны, это можно объяснить глобальным мужским легкомыслием и японской сфокусированностью на работе и внесемейной жизни — во всех смыслах этого слова. С другой — в этой стране на разведенных мужчин, а особенно, на женщин традиционно смотрят с некоторым подозрением.

В ноябре 2008 года глава Ассоциации планирования семьи Японии доктор Китамура Кунио сообщил, что, в соответствии с результатами очередного проведенного им опроса 647 мужчин и 821 женщины в возрасте до 49 лет, выяснилось, что 37 процентов обследованных супружеских пар не занимались сексом более месяца, потому что «устали на работе» или «это слишком хлопотно». В 2004 году таких пар было 32 процента. Крупнейшая бизнес-организация страны «Кэйданрэн»

призвала в связи с этим 1632 компаний — членов ассоциации проводить «недели семьи» для увеличения рождаемости. В частности, в некоторых фирмах теперь запрещено работать по выходным, а оставаться на службе после семи часов вечера можно только по специальному разрешению начальства. Однако опрос, организованный Институтом быта и жизненного стиля, показал, что лишь 26,2 процента японских жен готовы видеть супруга рядом с собой больше, чем обычно. Готовность провести время с женой выразили 39 процентов японских клерков.

От всех этих опросов и комментариев к ним со стороны экспертов веет какой-то безысходностью. Настроение японцев можно передать как «нежелание что-либо менять, как бы плохо ни было». Отчасти это, конечно, сугубо японская постановка вопроса. Но лишь отчасти.

Вместо заключения



Пока сексологи и демографы бьют тревогу, обычные японцы, верные многовековой традиции, активно поддерживают в прессе и в бытовых разговорах миф о своей высокой сексуальной привлекательности. Для нормальных японских мужчин секс — одна из самых распространенных тем разговора, что-то вроде беседы рыбаков, когда мысли выражаются на особом сленге с использованием жестов, а фантазии не нуждаются в подтверждениях.

На телевидении крутятся бесчисленные самурайские драмы с участием утонченных гейш, страстных дзёро и пылких самураев.

Количество современных гейш сокращается, но их «упрошенный вариант» — хостесс — популярности своей пока не теряют. Они тоже стали своеобразным рейтингом успешности японских мужчин. Редкий японец удержится от того, чтобы не прихвастнуть: «Вот когда я был молодым, я каждый вечер бывал в нескольких клубах на Гиндзе...» — и в доказательство достанет визитные карточки мама-сан этих клубов. Хостесс-клуб на Гиндзе, как рейтинг журнала «Форбс», показывает, что его посетитель добился серьезных успехов

в жизни и может себе многое позволить, в том числе потратить за вечер несколько тысяч долларов. Они и тратят, в бесплодной надежде на секс и... на то, что его не будет.

Средневековые «веселые картинки» сюнга уступили место порнокомиксам и аниме, но от этого интерес к такой продукции только увеличился. Разве что место нереально огромных гениталий заняли мозаичные картины современных мастеров. Героиня манга и аниме — европеизированная блондинка с упругой, округлой грудью, короткой юбочкой, из-под которой виднеются трусики, и с огромными синими глазами. Японская мечта, к тому же достижимая — вон сколько таких девчонок в России! И поставка этих девчонок на острова становится частью японского общенационального бизнеса, с одной стороны, и украинского, филиппинского, русского и прочих — с другой.

На все это японцы любят смотреть и обсуждать. Если предметов для обсуждения не хватает дома, отправляются за границу. Там они могут позволить себе нечто большее, но шокируют обычно лишь странным выбором пристрастий.

За границей между тем существует мнение, что японские женщины невероятно сексуальны. Это естественно — раз почти все они гейши, а гейши, как мы знаем... и так далее. Однако официальная статистика не оставляет нам ни одного шанса — японки тоже занимаются сексом едва ли не меньше всех в мире.

Огромное количество интимных историй, которые нам довелось выслушать, пока мы писали эту книгу, сводится к одному: японская «гиперсексуальность» никак не проявляется в семейной жизни японцев и нередко улетучивается, если японец женится на иностранке. Исключения есть, но они только подтверждают правило.

Что в сухом остатке? Идеальная страна! Мужья блефуют в семьях, ходят по барам и общаются с хостесс, а потом, если захотят, могут снять проститутку и заняться с ней сексом. Их жены в это время уже пресытились жизнью и сидят дома, посещают курсы икебаны, районные собрания домохозяек или мужские хостесс-клубы. Японки говорят: «Если муж здоров, дома может и не быть». Дети в это время продают ношеные трусики пенсионерам, все хором смотрят хэнтай

с большеглазыми блондинками и уверяют мир в своей сексуальности. Раз в несколько десятилетий принимаются законы, ужесточающие борьбу против тех или иных видов проституции и порнографии, после чего дело как-то улаживается само собой: Страна корня солнца, Страна солнечного корня, Страна сексуального блефа...

Путь японского национального секса начинается из храмов — синтоистских и буддийских. Куда ведет эта дорога, петляющая в хитросплетениях культов языческого плодородия, тайных экзистенциальных трактатов ваджраяны, сетей христианских ограничений, дорога, выбегающая ныне на просторы сексуальной революции с их многочисленными ловушками и капканами, где никто не спасет — только сами себя? Кто знает...

Приложения

Некоторые особенности внешности японцев и японской сексуальной техники

Загадочная японская любовь — не только романтические грезы, но и вполне плотские желания европейских и американских мужчин — очень редко описывалась в печати. Вероятно, главной причиной этого является отсутствие каких бы то ни было особенностей японской техники секса, о которой хоть кто-нибудь мог внятно рассказать. Похоже, что мифы и легенды о гейшах, якобы умеющих «касанием руки» доводить мужчину до оргазма, не имеют под собой никакой реальной основы. Оргазм контролируется и стимулируется мозгом, а не руками гейши, какими бы умелыми эти руки ни были.

В эпоху фото, видео и телевидения миллионы белых мужчин начали мечтать о сконструированном массмедиа образе «японочки»: искушенные сластолюбцы из всех азиаток выделяют именно японочек за их умение якобы никогда не утрачивать едва уловимую невинность, полудевственность. Откуда берутся такие рассказы? Изучая «впечатления» от японского секса в Интернете, я находил порой настолько странные истории, что до сих пор не знаю — принимать ли их за страноведческую шутку или за больное воображение. Судите сами: «Три очаровательные красавицы обвивают ваше бренное тело своими гибкими телами так, что вы, лежа на

кровати, как бы оказываетесь в шалаше с живыми стенами и крышами. Сверху, сбоку. Со всех сторон вас гладят, массируют, ласкают. Три, нет, тридцать три удовольствия в одном! Вернее, для одного. Еще одно удовольствие с нежным безобидным названием "игра с колокольчиками". Две девушки в вашем полном распоряжении, одна ложится на другую, а ваша миссия любить их по очереди и одновременно до звона бубенчиков в ушах. А как умеют ласкать мужское естество японские жрицы любви особыми движениями ладоней, ресницами, дыханием. Или просто красавица заворачивает ваш член в свои длинные волосы и нежно массирует его. И это только шаг к чему-то неземному. Ведь удовольствие — это не результат, а процесс и сам путь к наслаждению. Каждый шаг к нему — великая сладость».

Подпись под этими трогательными воспоминаниями сама по себе способна доставить наслаждение: «Автор выражает благодарность генеральному директору ОАО "Бар-кий пивоваренный завод"... за помощь в организации поездки на чемпионат мира по настольному теннису среди ветеранов». Город и фамилию генерального директора мы убрали на случай, если это все-таки шутка.

А вот как описываются японские девушки на одном из сайтов Рунета: «Японка не бывает слишком опытной по форме, она изощренна по сути, поэтому секс с женщиной-девочкой — это всегда на грани аморальности. Что-то очень запретное, острое, пряное! И восточные Лолиты с потупленным взором доказывают, что то, что в Европе извращение, в Азии — норма. В итоге незабываемые впечатления от прелести обладания этой атласной кожей, изящными ножками, гибким кошачьим телом: Ах!»

Увы и ах. Это образ. Легенда. Миф. Большинство таких «японок» изображают китаянки (как в блокбастере «Мемуары гейши» с Мишель Йо в роли японской прелестницы) или филиппинки (как Тиа Карере в «Разборках в Маленьком Токио»). Гибкое тело, атласная кожа и, уж конечно, изящные ножки — результат долгого кастинга сотен тысяч претенденток. В жизни все проще и не так прямолинейно, как в кино.

Тем, кто никогда не общался вживую с японцами и японками и особенно не видел их в обнаженном виде, стоит помнить, что их фигуры несколько отличаются от европейских или африканских. Современные японцы — достаточно высокие люди, но их средний рост все еще ниже среднего роста европейцев. Особенно это характерно для старшего поколения — для тех, кому сегодня за 50. Это вызвано послевоенным изменением рациона японцев, начавших потреблять больше мяса и молока.

При общем увеличении роста во внешности японцев сохраняются пропорции, обусловленные тысячелетиями особого образа жизни и одежды этого народа. Практически любая японская девушка выглядит если не красавицей, то, по крайней мере, милашкой в национальной одежде — кимоно. Но далеко не каждой идет европейское платье или даже деловой костюм. Кимоно очень туго стягивается вокруг груди, талию плотно облегает широкий и толстый пояс оби. Бедра и ноги до голени также довольно сильно стянуты нижней частью кимоно. В таком наряде удобно садиться на пол, на татами, пояс поддерживает спину во время сидения и помогает встать с прямой поясницей. Кимоно — идеальная и очень красивая одежда, но оно так же нелепо выглядит на европейках, как на некоторых японках сидят платья.

Адаптированная под кимоно фигура должна выглядеть следующим образом (сверху вниз): красивая, выгнутая шея (она хорошо видна в кимоно), маленькая, как будто сдавленная грудь, практически полное отсутствие талии, нешироких бедра, слегка сплющенные и заметно опущенные вниз ягодицы (так называемый «утиный зад»). Все это — особенности фигуры, идеально подходящей для кимоно.

О ногах особый разговор. Жизнь на полу с длинными ногами и европейской пропорцией голеней и бедер была бы для японской женщины невыносимой. Каждая европейка, которая хотя бы в японском ресторане пыталась посидеть на полу, должна осознавать это. Но у японских женщин по сравнению с европейскими, африканскими и большинством азиатских бедро значительно длиннее голени — это позволяет легче садиться на пол и легче вставать. Так проще долгое

время оставаться в классической женской позе — сидя на коленях. Наконец, туго запахнутое на коленях кимоно при ходьбе создает впечатление, что колени связаны, и идти приходится, мелко семеня и как бы выводя ногу вперед по дуге изнутри. Такая ходьба невыносима для европеек, но привычна для японок с их короткими голенями и вывернутыми внутрь коленями. Добавьте к этому обыкновение ходить в разного вида открытой обуви — сандалиях типа дзори или гэта, в гейшевских «платформах» окубо. Ногу при этом приходится тащить вдоль пола, иначе обувь слетит, а оттопыренный большой палец ноги становится не просто сексуальным символом, а удобным приспособлением природы, на котором держится перемычка сандалии. Японцы и сейчас предпочитают носить обувь на пару размеров больше — ее легче снимать и надевать при переходе с европейского стиля жизни на японский (с пола на татами и обратно). Отсюда странная, на непосвященный взгляд, шаркающая походка японцев, как будто приволакивающих слегка согнутые в коленях ноги. Кстати, у мужчин ноги обычно значительно прямее, чем у женщин, — сказывается другой фасон традиционной одежды, в котором колени не были спеленуты между собой. Пропорции ног у них те же, что и у женщин (тут разнице неоткуда взяться), а вот в плечах они обычно шире, чем европейцы, да и линия плеч у них, как правило, выигрышно горизонтальная. Добавьте сюда уже упоминавшийся недостаток кальция, который в организме женщин особенно важен, но который именно у них быстрее вымывается из-за беременностей и родов, и картина будет полной...

Но... при всем при этом японским мужчинам здорово досталось от «специалистов» по японскому сексу. Помимо того что японцам хватает и своих, реальных проблем, мачо со всего света ринулись доказывать, что у тех не только сложности с потенцией, но вообще... не все здорово. Это очевидная попытка ненужного самоутверждения — оскорбительная для японцев, не приносящая ничего хорошего хамам и невеждам и только возбуждающая ненависть у тех, кто в японских мужчин влюблен (а таких немало). В духе дешевых американских комедий смысл претензий сводится к тому, что у японцев якобы не очень большие по размеру

гениталии — как будто каждый из ковбоев лично их измерял, причем в состоянии эрекции. Не желая ни опровергать, ни поддерживать эту версию, напомним следующее.

• Таких медико-статистических исследований никто не проводил.

• Японцы и по среднему росту уступают пока европейцам (но быстро нагоняют!). Так что если бы отдельные органы при японском росте были у них европейского размера, это смотрелось бы несколько странно, не так ли?

• Подавляющее большинство японцев спит с японками, которые с ними одной крови. Природа умнее мачо — мы в этом уверены. Наверняка она подогнала все как надо.

• Это личное дело японцев. И, наконец...

• ...не размер имеет значение.

Кстати, кое-какие исследования на эту тему все же были (хотя и не с 12-сантиметровой линейкой в руках). Результаты их таковы: японских женщин в японских мужчинах прежде всего привлекают вовсе не размеры гениталий, а грудь, большие руки и гибкие пальцы.

Есть в нашем распоряжении и другие наблюдения, имеющие отношение к реальной и мифической стороне японского секса. Одна наша коллега из Колумбии проводила в Японии сравнительный анализ японской и американской порнографии. Ее вывод, переложенный с научного языка на человеческий, звучал примерно так: «Американская порнография — это когда крупная блондинка с большой грудью скачет на мужчине сверху и кричит "Йес! Йес!". А японская порнография — это когда маленькая брюнетка лежит снизу и кричит "Итай! Итай!" ("Больно! Больно!")». И вот это уже не фантазии.

Действительно, что более всего бросается в глаза при изучении нюансов японской сексуальной техники (мы не берем при этом профессиональное мастерство, представители и представительницы которого есть во многих странах), так это поведение женщины. Еще одна из девушек Ёсивары, рассказывая о бурных ночах с клиентами, писала: «Мы визжали, как летучие мыши». Это и то самое «Итай! Итай!», о котором вспоминала наша колумбийская коллега, и просто тонкий, пронзительный писк. Принято, что японская жен-

щина во время секса с мужчиной должна кричать. Это считается признаком хорошего секса, мужественности партнера, заставляющего ее полностью раскрепоститься и почувствовать его мужскую силу. Крик этот, в основе которого лежит «жалоба на боль», производится практически непрерывно и самым высоким голосом, на который только способна каждая конкретная женщина. В японском языке есть несколько вариантов особой, только женской речи. Наиболее почтительной и наилучшим образом подходящей для хорошо воспитанной женщины является речь, произносимая очень тонким голосом. Им обычно разговаривают девушки в информационных бюро в универмагах, обслуживающие лифт, в больших гостиницах и прочих местах, где ценится внимание к клиенту. Таким же или даже более высоким голосом должна кричать, а точнее, пищать девушка во время секса, демонстрирующая таким образом уважение к партнеру. По своей тональности этот крик действительно напоминает мышиный писк, и по этим звукам всегда можно понять, чем занимается парочка за стенкой номера в гостинице или что за фильм смотрят в соседнем доме.

Представления о реальных особенностях японской сексуальной техники осложняются еще и следующим обстоятельством. Большинство людей черпают знания о ней из японских порнофильмов. Но в них, как вы помните, нельзя показывать гениталии — основное «орудие процесса». В случае его отсутствия герой вынужден каким-то образом заменять его на экране, демонстрируя сущность секса — проникновение мужского начала в женское. Визуальным заменителем фаллоса в японской порнографии становится язык мужчины. Он далеко высовывается, снимается крупным планом, на него возлагаются ласки — как груди, так и половых органов. Мужчины в японском порно активно используют язык при поцелуях, «обрабатывании» шеи и ушей партнерши, целуют «язык в язык» или с наложением языка на язык. Все это можно считать особенностями национальной техники секса, хотя, конечно, в реальной жизни это выглядит значительно скромнее. С другой стороны, как в кино попадают в качестве исходных элементов реальные тонкости сексуальных отношений, так и в интимную сферу обычных людей проникают

штрихи, взятые ими с экрана. Так что активный в сексе мужской язык смело можно отнести к сугубо японским сексуально-техническим элементам.

Японским правилом хорошего тона считается, если девушка занимается сексом с «почтительно» прикрытыми или вовсе с закрытыми глазами (см. главу 4). В дальневосточной традиции вообще и в японской в частности глазам при общении придается значительно меньше внимания, чем голосу. Именно поэтому при разговоре японцы часто прикрывают глаза — это знак сосредоточенного внимания к собеседнику. Звуковым подтверждением внимания служит почти непрерывное «хай», «э», «ээээ» и другие речевые обороты. В сексе, разумеется, они практически не используются, уступая место крику, а вот глаза должны быть закрытыми, обозначая сладострастное наслаждение и сосредоточение.

О большинстве остальных «особенностей» японского секса, если такие вообще существуют, вы узнали, как мы надеемся, из нашей книги. Главное же, по нашему мнению, заключается в следующем: японцам доступны и любимы ими практически все виды секса и эротического наслаждения. В этом, равно как и во всем остальном, они не делают ничего такого, что ставило бы их в один ряд с пришельцами из другой галактики. Японцы — люди. А люди — люди везде.

Кое-что из специфичной любовной лексики

Любовно-интимная лексика, конечно, не является особой частью японского языка, за исключением небольшого количества нецензурных слов, которых вы здесь не найдете. Но все же в языке пар встречаются характерные обороты, с которых начинается знакомство, которые часто используются в моменты близости, в том числе непосредственно во время полового акта, и которыми нередко все заканчивается. Молодежь свободно оперирует такой лексикой, да, собственно, она и является частью не очень обширного молодежного сленга. А вот старшему поколению и совсем молодым и частенько

инфантильным японцам порой приходится крепко задуматься над тем, что и как сказать, чтобы привлечь друга или подружку. Помните фразу, о которой вы читали в основной части книги: «Райнэн-но коно хи мо иссё-ни вараттэ иё» — «В будущем году посмеемся вместе в этот же день»?

Если девушка или юноша готовы посмеяться через год — то как продолжить разговор прямо сейчас? Вот несколько примеров (знак «:» означает долгий звук, гласная «у» в середине слова обычно редуцируется — не «суки», а «ски»).

Сразу после знакомства

Ты классный!	Сутэки ё! (*Обычно девушка — юноше.*) Сутэки да ё! (*Юноша — девушке.*)
Ты красивая!	Кирэй да ё! (*Юноша — девушке.*)
Ты секси!	Сэкуси да нэ:!
Хороший запах!	Ий каори нэ:! (*Важный элемент сексапильности для чувствительных к посторонним запахам японцев.*)
Красивые глазки!	Кирэйна мэ да нэ:! (*Девушка — юноше.*)
Я люблю тебя!	Айситэру!
Обожаю тебя!	Сугоку суки!

Ближе к телу

Могу я тебя поцеловать?	Кису ситэ мо ий?
Целуй!	Кису си ё!
Куда?	Доко-ни?
Да куда хочешь!	Доко-ни мо ий! (*Произносится только лицами, достигшими 18 лет.*)
Как насчет полюбить друг друга?	Айситэ-мо ий?
Я стесняюсь.	Хадзукасий.
Не стесняйся.	Хадзукаси гаранайдэ.

Закрой глаза.	Мэ-о тодзитэ.
У тебя красивое тело!	Кирэй-на карада да нэ:!
Может, все-таки отвернешься?	Табун, тётто атти муйтэтэ?
Ты что — в первый раз?..	Хадзимэтэ?..
Нет.	Иэ.
Говори правду!	Хонто-но кото иттэ!
Нет.	Иэ.
Не переживай, все будет нормально.	Симпай синай-дэ, дайдзёбу да ё.
Прошу тебя — будь со мной нежен!	До:дзё, ясасику ситэ нэ:!

Активная фаза

Я тебя хочу.	Кими-га хосий. (*Юноша — девушке. Девушка юноше говорит то же самое, но вместо «кими» обычно вставляют более вежливое «аната».*)
Ты любишь заниматься сексом, смотря телевизор?	Тэрэби-о ми-нагара сэккусу суру но суки?
Лучше в кровати...	Бэддо-ин ситэ хога ий...
Давненько я этим не занимался...	Хисасибури нэ:..
Я не хочу ребенка!	Ака-тян хосикунай но! (*Обычно говорит девушка.*)
А разве сегодня у тебя не безопасный день?	Кё ва дайдзёбуна хи?
Да, но...	Ээ, дэ мо...
Ты пьешь противозачаточные таблетки?	Пиру нондэру?
Используй презерватив!	Гому цукэро!
Да!	Хай!

Больно!	Итай!
Еще! Еще!	Мотто! Мотто!
Вот так еще разок!	Мо: итидо со: ситэ!
Как именно ты хочешь?	Донна фу:ни ситэ хосий?
Пристройся сзади!	Баку-дэ си ё!
Потрогай меня!	Саваттэ!
Вот так, вот так!	Со:, со:!
Поцелуй меня в шейку!	Кубисудзи-ни кису-о си ё!
Классно...	Кимоти ий...
Укуси меня!	Кандэ!
Еще сильнее!	Мотто цуёку!
Теперь нежнее...	Има мотто ясасику...
Быстрее!	Хаяку!
Еще быстрее!	Мотто хаяку!
Глубже!	Фукаку!
Я кончаю...	Ику ику... (*Девушка.*) Ику-со: да... (*Юноша.*)
Теперь медленнее...	Юккури...

Самое сложное

Тебе хорошо было?	Ёкатта?
Хорошо.	Ёкатта.
Ты кончила?	Итта?
Да, это было супер...	Со:, сугоку ёкатта...
Может, еще разок?	Табун, мо: иккай?
Нет!	Иэ!
Ты женишься на мне?	Кэккон ситэ курэру?
Понимаешь, я, кажется, пока не готов...	Мада-мада кэккон ситакунай...

Я люблю тебя!	Айситэру!
Я тоже.	Боку-мо.
Я хочу быть с тобой долго.	Дзуто иссё-ни итай.
Мне пока рано думать о свадьбе.	Мада кэккон-ни кангаэтэкунай.
Я тебе не подхожу?	Атаси ва анати ни фусавасикувай на?
Видишь ли, у меня есть другая...	Эээ, хока ни канодзё га дэкита...
Козел!	Сукэбэ!
Жаль, что так вышло...	Дзаннэн да кэдо бокутити аванакттан даё...
Все кончено!	Мо: овари да нэ:!
Это моя вина.	Боку-но сэй.
Отстань от меня!	Дзяма синай-дэ курэ!
Я тебя никогда не забуду.	Кими-но кото васурэйнай.
Тогда, может, начнем все сначала?	Сорэ дэ, мо: итидо яри наосё?
Ммм... а во сколько нам обойдется свадебная церемония?	Эээ... кэккон-сики ва икура какару но?

Примечания

[1] *Пильняк Б.* Корни японского Солнца. — М.: Три квадрата, 2004.
[2] Здесь и далее «Кодзики» и комментарии к ним цит. по: Кодзики. Записи о деяниях древности. В 2 т. / В пер. и с комментариями Е. М. Пинус, Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. — СПб.: Шар, 1994.
[3] Цит. по: Нихон сёки. Анналы Японии. Т. 1 / Пер. А. Н. Мещерякова. — СПб.: Гиперион, 1997. — С. 213.
[4] Цит. по: Энциклопедия Тантры. — М.: Локид-Миф, 1997.
[5] *Арутюнов С. А., Светлов Г. Е.* Старые и новые боги Японии. — М.: Наука, 1968. — С. 22–28.
[6] Цит. по: *Курай И.* Японские ночи. — СПб.: Симпозиум, 2005.
[7] *Пильняк Б.* Корни японского Солнца.
[8] Там же.
[9] Стихи в пер. А. А. Долина, цит. по: Кокинвакасю. Собрание старых и новых песен Японии в 3 т. — М.: Радуга, 1995.
[10] Здесь и далее цит. по: Тысяча журавлей. Антология японской классической литературы VIII–XIX вв. — СПб.: Азбука-классика, 2004.
[11] *Мещеряков А. Н.* Книга японских обыкновений. — М.: Наталис, 1999.
[12] Кэнко-хоси (Записки от скуки) / Пер. В. Н. Горегляда. Цит. по: *Григорьева Т.* Красотой Японии рожденный. — М.: Искусство, 1993.
[13] Там же.
[14] Пер. А. Н. Мещерякова.
[15] *Пильняк Б.* Корни японского Солнца.
[16] http://www.pinegin.com/texts/hagakure.html
[17] Цит. по: *Ихара Сайкаку.* История любовных похождений одинокой женщины. — СПб.: Азбука-классика, 2006.

[18] Цит. по: *Хирага Гэннай.* Похождения весельчак Сидокэна / Пер. с яп. А. М. Кабанова. — СПб: Центр «Петербургское востоковедение», 1998.
[19] Пер. А. А. Долина.
[20] Цит. по: *Фесюн А. Н.* Ёсивара // Японский журнал Japon.ru. http://www.japon.ru.
[21] Там же.
[22] Там же.
[23] Цит. по: *Ихара Сайкаку.* История любовных похождений одинокой женщины.
[24] Пер. А. А. Долина.
[25] Там же.
[26] Пер. А. А. Долина.
[27] Цит. по: *Ихара Сайкаку.* История любовных похождений одинокой женщины.
[28] *Фесюн А. Н.* Ёсивара.
[29] Пер. А. А. Долина.
[30] Цит. по: *Ихара Сайкаку.* История любовных похождений одинокой женщины.
[31] Пер. А. А. Долина.
[32] Цит. по: *Тамэнага Сюнсуй.* Сливовый календарь любви / Пер. И. В. Мельниковой. — СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994.
[33] Там же.
[34] Там же.
[35] Пер. А. А. Долина.
[36] Там же.
[37] Пер. А. А. Долина.
[38] Пер. А. А. Долина.
[39] Цит. по *Фесюн А. Н.* Ёсивара.
[40] Там же.
[41] Там же.
[42] Там же.
[43] Там же.
[44] Цит. по: Книга японских обыкновений.
[45] Цит. по: *Ямамото Цунэтомо.* Хагакурэ. *Юкио Мисима.* Хагакурэ Нюмон. — СПб.: Евразия, 1996.
[46] Цит. по: *Ихара Сайкаку.* История любовных похождений одинокой женщины.
[47] Там же.
[48] Там же.
[49] *Мисима Ю.* Исповедь маски / Пер. с яп. Г. Ш. Чхартишвили. — СПб.: Северо-Запад, 1994. — С. 28–30.

[50] Цит. по: *Ихара Сайкаку.* История любовных похождений одинокой женщины. — СПб.: Азбука-Классика, 2006.
[51] *Пильняк Б.* Корни японского Солнца.
[52] Цит. по: *Фесюн А. Н.* Ёсивара.
[53] *Де Волан Г.* В стране Восходящего солнца // Книга Японских обыкновений.
[54] Там же.
[55] *Нитобэ И.* Бусидо. — К.: София, 1997. — С. 85.
[56] Цит. по: *Ихара Сайкаку.* История любовных похождений одинокой женщины.
[57] Пер. А. А. Долина.
[58] Цит. по: *Фесюн А. Н.* Ёсивара.
[59] *Молодякова Э. В.* Весенние картинки // Знакомьтесь — Япония, 11, 1995. — С. 80.
[60] Там же (J. Michiner. The Floating World. Honolulu, 1983)
[61] *Молодякова Э. В.* Весенние картинки. — С. 82.
[62] *Пильняк Б.* Корни японского Солнца.
[63] Цит. по: *Ивасаки М., Браун Р.* Настоящие мемуары гейши. — СПб.: Рэд Фиш, 2006.
[64] Цит. по: *Фесюн А. Н.* Ёсивара.
[65] Там же.
[66] *Дэлби Л.* Гейша. — М.: Крон-Пресс, 1999.
[67] *Нагаи К.* Соперницы. — СПб.: Азбука-Классика, 2005.
[68] Там же.
[69] Там же.
[70] Цит. по: *Дэлби Л.* Гейша.
[71] *Голден А.* Мемуары гейши. — Домби, 2001.
[72] *Ивасаки М., Браун Р.* Настоящие мемуары гейши.
[73] *Асламова Д.* Сладкая жизнь. — М.: Эксмо, 2002.
[74] *Асламова Д.* Как я в Японии металась от садистов к мазохистам // Комсомольская правда. — 2003. — 12 июля.
[75] Там же.
[76] http://www.japon.ru.
[77] *Japan Times.* — 2004. — 04.02.
[78] Там же.
[79] Цит. по: *Бунин С. В.* Японское счастье Нади из Шепетовки // www.japon.ru.
[80] Там же.
[81] *Курай И.* Японские ночи. — СПб.: Симпозиум, 2005.
[82] http://www.rian.ru.
[83] Почему молодые японцы не получают удовольствия от секса? // Асахи симбун. URL: www.inopressa.ru.
[84] Там же.

Содержание

Предисловие 7

Глава 1. Страна божественного секса

Плотная подгонка 15
Стриптиз во спасение. 22
День кузнеца и другие мацури 27

Глава 2. Высокие отношения

Буддийская любовь: «Акэ бэкарадзу!» 34
Аристократическая любовь: нет повести печальнее на свете... 37
Это просто чудо какое-то... 45

Глава 3. Генитальная простота

Сохраненное сокровенное 50
Сокрытое в свежей листве 57
Веселые парни из веселых кварталов 61

Глава 4. Остерегайтесь гулять по болотам...

Рожденный в ноябре 74
По дороге к храму 79
Календарная любовь и «квадратные яйца» 90
Неудержимая страсть 96
Любование голубой луной 106
Сижу за решеткой.... 115
На рубеже эпох 127

Глава 5. Веселые картинки

10 процентов, которые потрясли мир 135
Откуда что берется? 139
Автора! 141
Оргазм в объятиях стыда 145

Глава 6. Гэйко — дитя любви... к искусству

Тройственный союз 151
Корни сакуры 155
Проблема выбора 160
Мечты сбываются: из золушек в принцессы и обратно 164
Мокрое дело 168

Глава 7. Островной вуайеризм и другие не-извращения

Под присмотром самих себя 180
Не надо бояться человека в форме 184
Хэнтай, банзай? 191
Сколько веревочке ни виться... 196
Общественные связи 202

Глава 8. Белоснежка и семь самураев

Мэрилин Монро и горячее сердце курсистки 207
Блондинка за бугром 211
Открывайте — «хозяйка» пришла! 218
Правило бонсай 223

Глава 9. Страна сексуального блефа

Прыгая через веревочку 227
Обитель счастья или гнездо разврата? 231
Мозаика тайной жизни 234
Какие проблемы, братья? 237
Дорога, которую никак не найти 240

Глава 10. Ты скажи, чё те надо? Может, дам, чё ты хошь...

На войне как на войне 247

Необходимое зло 250

Семейный секс в зеркале статистики 253

Вместо заключения 264

Приложения

Некоторые особенности внешности японцев и японской сексуальной техники 267

Кое-что из специфичной любовной лексики 273

Примечания 278

Куланов А.
Обнаженная Япония. Сексуальные традиции Страны солнечного корня / Александр Куланов.
(История. География. Этнография).

Человек, претендующий на роль серьезного исследователя, должен обладать изрядной смелостью, чтобы взяться за рассказ о сексуальной культуре другого народа, ибо очень легко перейти ту грань, за которой заканчивается описание традиций и начинается смакование «клубнички». Особенно если это касается такого народа, как японцы, чья сексуальная жизнь в восприятии европейцев овеяна легендами. Александру Куланову, японисту и журналисту-международнику, хватило и смелости, и мастерства, чтобы в подробностях рассказать обо всем, что связано с сексом и эротикой в японской культуре — от древних фаллических культов до гейш, аниме и склонности к тому, что европейцы считают извращениями, а многие японцы без всякого стеснения частью своего быта. Но сексом при этом они занимаются мало, что дало автору повод назвать Японию «страной сексуального блефа». А почему так получилось, вы узнаете, прочитав эту книгу.

В соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ 16+

История. География. Этнография

Александр Куланов

Обнаженная Япония

Сексуальные традиции Страны солнечного корня

Александр Куланов
Обнаженная Япония

Человек, претендующий на роль серьезного исследователя, должен обладать изрядной смелостью, чтобы взяться за рассказ о сексуальной культуре другого народа, ибо очень легко перейти ту грань, за которой заканчивается описание традиций и начинается смакование «клубнички». Особенно если это касается такого народа, как японцы, чья сексуальная жизнь в восприятии европейцев овеяна легендами. Александру Куланову, японисту и журналисту-международнику, хватило и смелости, и мастерства, чтобы в подробностях, но деликатно рассказать обо всем, что связано с сексом и эротикой в японской культуре — от древних фаллических культов до гейш, анимэ и склонности к тому, что европейцы считают извращениями, а многие японцы без всякого стеснения частью своего быта. Но сексом при этом они занимаются мало, что дало автору повод назвать Японию «страной сексуального блефа». А почему так получилось, вы узнаете, прочитав эту книгу.